ГЕН. И. А. ПОЛЯКОВ.

КРАСНОВ - ВЛАСОВ

ВОСПОМИНАНИЯ.

Нью-Йорк

1959 г.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иван Алексеевич Поляков (1886–1969), генерал-майор Генштаба Русской императорской армии. Окончил Николаевское инженерное училище и два класса Императорской военной академии (в 1914 году). Участник Первой мировой войны. Во время гражданской войны воевал с Добровольческой Армией на Дону, был начальником штаба Донской армии. Выехал в Константинополь после победы большевиков, затем переехал в Югославию. Во время второй мировой войны был в непрерывном контакте с атаманом Красновым и генералом Власовым. После войны эмигрировал в Америку, умер в Нью-Йорке. Одна из самых интересных и еще совсем не исследованных до конца страниц русской истории: борьба генерала Власова и его армии с большевиками на стороне немцев в период Второй мировой войны. Поляков который не был участником Второй мировой войны, был непрерывно в контакте с обоими генералам с начала декабря 1944 года до марта 1945 года. Он пользовался их доверием и был в курсе всего, что касалось непростых отношений между генералом Красновым и Власовым. Беседы часто записывались автором, поэтому он приводит подлинный материал эпохи. Интереснейший материал, живое свидетельств одного из очень важных феноменов русской истории в эмиграции: власовского движения.

- Поляков Иван Алексеевич
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Поляков Иван Алексеевич Краснов-Власов. Воспоминания

Ген. П. Н. Краснов

Ген. А. А. Власов

Только будущий историк, свободный от субъективных переживаний и впечатлений, руководствуясь не сердцем, а холодным рассудком, описывая нашу эпоху, не сможет обойти молчанием славных имен этих двух выдающихся русских патриотов, своей жизнью запечатлевших жертвенную верность Родине и Долгу и на основании сухих, исторических материалов, скажет о них свое последнее, правдивое слово, отведя, каждому из них по заслугам, место в истории.

Нам современникам, находящимся еще под свежим впечатлением только что пережитого, такая задача едва ли по силам. Но как участники или случайные наблюдатели тех или иных событий, мы не только можем, но и должны облегчить будущему Карамзину его трудную задачу, изложив правдиво и беспристрастно то, чему мы были живыми, непосредственными свидетелями.

И я льщу себя надеждой, что, быть может, мне удастся в моих «Воспоминаниях» начертать то подлинное, что я видел или слышал, или что промелькнуло предо мною.

Не принимая участия в минувшей войне, я случайно, по воле судьбы и стечению обстоятельств, столкнулся с названными генералами и, примерно, от начала декабря 1944 г. до марта 1945 года, был с обоими в непрерывном контакте.

Пользуясь их доверием, я часто посещал генералов и, в то же время, был совершенно независим от них, что дает мне основание полагать, что едва ли кто либо другой как я, был так в курсе того, что касалось взаимоотношений генералов Петра Николаевича Краснова и Андрея Андреевича Власова. Именно эти взаимоотношения и послужат, главным образом, содержанием моих «Воспоминаний», причем, многие разговоры, которые мне пришлось в свое время вести с ними, были мною тогда записаны под свежей памятью, почему часто я привожу подлинные слова генералов. В остальных случаях приходится ограничиться передачей лишь смысла.

Должен еще оговориться, что по вполне попятным причинам, я вынужден всех лиц, с которыми я встречался и каковые, по моим сведениям, еще живы, упоминать под инициалами и только заведомо погибших, я называю полными именами.

С П. Н. Красновым меня связывала старая дружба совместной работы на Дону, во время Гражданской войны, в качестве его ближайшего сотрудника, а с А. А. Власовым, я не только сдружился, но и высоко ценил его, как человека необычайной силы воли, большого русского патриота, человека прямолинейного, решительного, всегда знавшего — чего он хочет.

Покинув в ноябре месяце Югославию и прибыв в Зальцбург, я, через три дня, во время одной бомбардировки, потерял все мои вещи и огорченный этим, уехал в Вену. Но мои мытарства только что начинались.

Здесь меня начал преследовать «Арбайтсамт», усиленно стремясь завербовать меня рабочим на фабрику, чему я, естественно, всячески противился. Еще сложнее обстоял вопрос с комнатой в отеле. Портье ежедневно напоминал мне, что я могу у них оставаться не более пяти дней п, в противном случае, грозил

полицией. Наконец, еще более суровым и требовательным оказался чиновник учреждения, ведавший продовольственными карточками, который категорически не желал выдавать мне таковые, пока я не принесу ему подтверждения, что я работаю.

Чувствуя свою беспомощность и бессилие бороться на три фронта, я решил обратиться за содействием в казачий штаб, о существовании которого в Вене я слышал, будучи еще в Югославии.

Благодаря любезности начальника штаба, ротмистра Андерсона и его помощника есаула Е., все житейские вопросы были быстро улажены. Штаб выдал мне особое удостоверение, каковое я предъявил в отеле и оно вполне удовлетворило моего сурового и требовательного портье. Продовольственные карточки мне было предложено получать через казачий штаб.

Там, обычно, от раннего утра, до позднего вечера, был непрерывный, крайне пестрый, поток людей, весьма разнообразных, как по своему социальному положению, так и по профессии и званию. Большинство из них, надо сказать, не были казаками и, вообще, ни с какой стороны к казачеству не принадлежали. Ими всеми руководило непреодолимое желание, во что бы то ни стало, попасть в Италию, где условия жизни, по сравнению с Германией, были несравненно лучше, а бомбардировки много реже и в значительно меньшем объеме. Так как получить обычную визу для въезда в Италию было почти невозможно, то оставался единственный путь осуществить свое намерение через казачий штаб. Ссылаясь на потерю документов, большинство из них стремилось как то доказать свою кровную связь с казачеством. Обычно, почти всем это легко удавалось. Получив командировочное свидетельство для поездки в Италию, в казачий стан Доманова и, имея при этом возможность перевезти в казачьих эшелонах свое, порой чрезвычайно огромное имущество, многие, переехав границу, вместо стана Доманова, проникали вглубь Италии, где и устраивали свое личное благополучие. Естественно, что на этой почве широко процветало злоупотребление.

Посещая штаб и встречая иногда моих друзей и знакомых, я постепенно входил в курс всего, что было связано с казачьим вопросом. Благодаря моему штатскому одеянию, я зачастую присутствовал при весьма откровенных разговорах рядовых казаков между собою, каковые, если бы я был в форме, я конечно бы, не услышал. Самая излюбленная тема была Власов и Русская Освободительная Армия (РОА). Здесь Власова расценивали, как народного вождя, ставили на высокий пьедестал и с уважением произносили его имя. Все надежды эти люди возлагали только на

его армию, каковая в их воображении была многомиллионной и уже боролась на Восточном фронте, совершая чудеса храбрости, причем, красноармейские дивизии, будто бы, целиком переходили на ее сторону[1].

Но, если на эту тему велись разговоры в соседней комнате, где работали и собирались офицеры, то они обычно принимали очень острую форму прений. Одни были за Власова, другие — против.

Под впечатлением этого, в моем сознании невольно возникал вопрос — каково же отношение руководящих казачьих кругов к Власову и, в частности, отношение к нему П. Н. Краснова.

Примерно, в конце ноября или в первые дни декабря, меня посетил приехавший из Берлина, мой старый друг Генерал Н. Я был очень рад этой встрече и в дружеской беседе, он ориентировал меня о том, что происходит в казачьих кругах, а, в частности, и о работе Главного Управления Казачьих Войск в Берлине. Прощаясь со мной, Ген. Н. спросил: «Отчего я не еду к Краснову?» На его вопрос, я ответил вопросом: «А зачем?» и затем добавил: «Ты будешь видеть П. Н. Краснова, передай ему мой сердечный привет и скажи, что я оставил Югославию и сейчас нахожусь в Вене. Мой адрес известен Казачьему штабу».

Не прошло, мне помнится, и пяти дней, как я получил из Берлина, от Донского Атамана Ген. Татаркина телеграмму, в которой он просил меня немедленно прибыть к нему. Крайне заинтересованный причиной моего вызова, я с первым поездом выехал в Берлин и на следующий день вечером, встретился с Донским Атаманом. Оказалось, Атаман, узнав, что я нахожусь в Вене без дела, решил вызвать меня, чтобы обсудить некоторые казачьи вопросы. Была еще и другая причина. Ему предстояла неприятная встреча с П. Н. Красновым. Дело в том, что перед этим он был в Италии, где посетил донские полки и казачьи станицы. Эту поездку Атаман совершил отчасти вопреки желанию Ген. Краснова, который считал Ген. Татаркина исполняющим обязанности Донского Атамана[2] — Ген. Краснов признавал такой поступок Недопустимым, ибо все казачьи части подчинялись ему, а потому написал Атаману не особенно приятное письмо и вызывал его к себе для объяснения. Последний, полагая, что мое присутствие, в известной «степени, сможет смягчить гнев Петра Николаевича, просил меня сопровождать его к Ген. Краснову.

Донской Атаман рассказал мне, что недавно в Праге происходило немногочисленное собрание казачьих представителей, преимущественно, из Чехо-Словакии. На нем присутствовал и Ген. А. сделавший заявление, что он по русской

линии и генеральному штабу приглашен Ген. Власовым на предстоящий съезд для выработки программы Комитета Освобождения Народов России. После долгих и горячих дебатов, собрание уполномочило генералов А. и Б. представлять на этом съезде донских казаков. Позже мне стало известно, что когда об этом постановлении узнал Ген. Краснов, он горячо протестовал, считая его — незаконным. Как-то в беседе со мной, коснувшись этого вопроса, Петр Николаевич сказал, что случайная, небольшая кучка казаков не имеет права никого уполномачивать, представлять собою Донское казачество, а потому он не может рассматривать генералов А. и Б. представителями донских казаков в Комитете Власова.

Не могу сказать, чтобы миссия, предложенная мне. Ген. Татаркиным, особенно мне нравилась, но отказать Атаману я не считал возможным.

По его совету, я позвонил в Гл. Упр. Каз. Войск и просил дежурного штаб-офицера, передать по телефону Ген. П. Н. Краснову, что я приехал в Берлин и прошу его, если возможно, принять меня завтра до — полудня. Атаману была назначена аудиенция в 11 часов утра. Примерно через полчаса, я получил ответ, что я могу приехать к 11 с половиной часам.

Петр Николаевич жил в предместье Берлина, около часа езды по железной дороге. На следующий день, мы отправились с таким расчетом, чтобы прибыть к нему несколько раньше 11 часов. Но поезд задержался в пути и мы приехали лишь около 12 часов дня. Это обстоятельство весьма нам благоприятствовало в том отношении, что мы могли доложить одновременно о нашем прибытии.

Через минуту в дверях появился сам Петр Николаевич. Он поздоровался с нами и сказал: «Я знаю, что поезд запоздал и потому мне придется говорить с Григорием Васильевичем в Вашем присутствии Иван Алексеевич.»

Я не видел Петра Николаевича ровно 21 год. Последняя наша встреча была во Франции, когда я работал совместно с ним у Великого Кн. Николая Николаевича. Время положило на него свой отпечаток. Он выглядел как-то меньше ростом, немного сгорбился, заметно было, что его обычно больная нога, давала себя еще больше чувствовать и он ходил, тяжело опираясь на палку. Одет он был в военную форму.

Но как только Петр Николаевич заговорил, то я тотчас же убедился, что духовно он остался все тем же, как и раньше. Даже долгие годы, не могли поколебать ни его светлого ума, ни твердость духа. Та же красивая, мелодичная речь. Те же короткие, выпуклые, полные глубокого смысла, фразы. Совершенно

правильные предпосылки и вполне обоснованные, логические заключения. Какой вздор или злобная клевета, думал я, все эти нелепые слухи его недоброжелателей, будто бы он впал в детство, плохо соображает, говорит одно и сейчас же забывает, другими словами: не способен уже ни к какой работе.

Наш разговор начался с того, что задав мне несколько вопросов, касающихся моей личной жизни. Петр Николаевич перешел затем на главную тему — поездку Донского Атамана в Италию. Он долго и горячо упрекал Григория Васильевича, сильно волновался сам, ссылаясь на разные донесения, видимо, полученные им от Ген. Доманова. Я напряженно ждал удобного момента, дабы задать Петру Николаевичу какой нибудь вопрос и затем, незаметно, перейти на другую тему. Однако, отвлечь внимание Петра Николаевича от Григория Васильевича было пе так легко. Но, в конце концов, мы заговорили совершенно об ином. Так как подошло уже время обеда, то мы стали прощаться. Обратясь ко мне, Петр Николаевич сказал: «А с Вами, Иван Алексеевич, мне не удалось побеседовать. Если Вы завтра свободны, то приезжайте ко мне раньше, останетесь у меня обедать, мне бы хотелось о многом с Вами поговорить». Я охотно принял любезное приглашение и обещал приехать завтра в 10 часов утра.

На следующий день, в точно назначенный час, я прибыл к нему. Петр Николаевич был в лучшем настроении, чем накануне и сегодня он был в штатском костюме.

Следуя своей старой привычке, он, предложив мне сесть, сразу же, не теряя времени, начал деловой разговор. Он довольно подробно расспрашивал меня о жизни в Югославии и о событиях там, а затем, узнав, что я далеко еще не в курсе образования казачьих групп и их организации, он коротко, но выпукло и ясно, обрисовал мне картину выхода казаков из пределов Советского Союза, их тяжелый и временами опасный путь до границы Германии, создание казачьих полков, их применение и, наконец, устройство казачьего стана в Италии. Особенно восторженно говорил он о последнем, иллюстрируя свой рассказ многочисленными фотографиями и подчеркнул, что там уже существует казачье юнкерское училище, кадетский корпус, намечено основание женского института, наконец, все небоевые казаки и их семьи сведены в станицы и прекрасно устроены на местах. Говоря о Ген. Т. Доманове, как Походном Атамане этой группы, он дал ему, в полном смысле слова, блестящую аттестацию, как талантливого и умного человека, прекрасного организатора, чесного и всецело ему преданного.

А в результате, вспоминаю я, этот честный и преданный

генерал, обласканный Петром Николаевичем, коему он был обязан и своей блестящей карьерой и высоким положением, примерно, через полгода, позорно оставил своего благодетеля.

Предполагая, что после обеда Петру Николаевичу нужен отдых, я собирался уходить. Он задержал меня, выразив желание поговорить об общей военной обстановке. Военное положение мы расценивали диаметрально противоположно. В моем представлении Германия рисовалась уже катящейся в пропасть, куда могла втянуть и казачество и это свое опасение я высказал Петру Николаевичу. С такой точкой зрения он никак не хотел согласиться. Ссылаясь на существование у немцев еще не примененного, нового тайного оружия, а также на создание у них больших людских резервов (путем проведения мобилизации всего мужского населения), он надеялся, что военное счастье, быть может, еще повернет в их сторону. Питал он также хотя и слабую, надежду на возможность сепаратного мира с Англией.

На вопрос Петра Николаевича, что я намереваюсь делать и предполагаю ли служить, я ответил, что пока у меня нет никакого определенного плана, но прежде чем на что либо решиться, я считаю необходимым сначала основательно разобраться в общей обстановке.

Весьма было характерно, что за время нашего разговора, Петр Николаевич ни одним словом не обмолвился о существовании Р.О.А. и Ген. Власова.

Выбрав подходящий момент, я сказал: «Могу ли я спросить Вас, Ваше Высокопревосходительство, — каковы у Вас отношения с Ген. Власовым?»

— «Никакие» — последовал сухой ответ.

— «Видели ли Вы его когда нибудь и знакомы ли Вы с ним?» — задал я новый вопрос.

— «Один раз я встретился с ним в частном доме, мы разговаривали, но больше я его не видел» — ответил Петр Николаевич.

— «Верьте, Петр Николаевич», — сказал я, — «что спрашивая Вас, я руководился не простым любопытством, а гораздо более серьезными мотивами» и я рассказал ему, какие разговоры я слышал о Власове и его армии, когда посещал казачий штаб в Вене.

Он выслушал меня с большим вниманием, но ничего не сказал. Взглянув на часы, Петр Николаевич выразил сожаление, что уже так поздно, а у него еще много срочной работы. Затем, после небольшой паузы, он добавил, что его самого эта тема крайне интересует и потому было бы желательно, чтобы, в один из ближайших дней, я опять посетил его и тогда мы всесторонне

обсудим этот вопрос.

Прощаясь со мной, он спросил, — был ли я уже в главном Управлении Казачьих Войск и познакомился ли с начальником штаба Ген. Семен Николаевичем Красновым[3]. Услышав от меня, что я еще там не был, он просил меня сделать это как можно скорее.

— «Мне бы хотелось знать», — сказал Петр Николаевич, «какое впечатление произведет на Вас штаб и его работа». Обещав ему выполнить это, я поблагодарил Петра Николаевича за гостеприимство, причем мы условились, что через день я снова приеду к нему.

Вернувшись к себе в гостиницу, где жил и Донской Атаман, я передал ему, в присутствии состоявшего при нем в качестве штаб-офицера для поручений, Полк. С, сегодняшний разговор с Петром Николаевичем. Одновременно, просил Атамана поехать завтра со мной в Главное Управление Казачьих Войск. Он охотно согласился. Когда в моем докладе Атаману я затронул вопрос о Ген. Власове, то он заметил, что существующая враждебность во взаимоотношениях генералов Краснова и Власова, служит обычной темой разговоров между казачьей старшиной и что одни склоняются к Власову, а другие — отстаивают позицию Ген. Краснова.

В Главном Управлении Казачьих Войск, нас очень радушно принял начальник штаба Ген. С. Н. Краснов. Меня он, как оказалось, хорошо помнил еще по Гражданской войне.

Наша беседа далеко не была последовательной и цельной. Ежеминутно мы перескакивали с одного предмета на другой, а Семен Николаевич, одновременно, в нашем присутствии, выполнял текущую работу н даже принимал доклады. В штабе нашлись мои старые соратники по Гражданской войне и я несколько раз оставлял кабинет начальника штаба, желая переговорить с ними. В то же время, меня неустанно преследовала мысль, как бы правильно и объективно описать завтра Петру Николаевичу мое первое впечатление о работе Главного Управления Казачьих Войск.

Обладая известным опытом в штабной работе, я заметил некоторые минусы. Всюду царила большая и совершенно ненужная сутолока. Некоторые посетители, штатские и военные, явно протестовали, громко говоря в коридорах, что они приходят сюда уже несколько дней подряд, но ни от кого не могут получить ни решения интересующего их вопроса, ни даже просимой информации. Все ссылались на начальника штаба, к которому попасть было очень трудно. Чрезмерную суетливость проявлял, прежде всего, сам Семен Николаевич. Он стремился входить во

все детали, что крайне централизовало всю работу штаба и, тем самым, лишало его помощников возможности проявлять нужную инициативу. А как результат — излишняя перегруженность начальника штаба мелочами и торможение всей работы штаба. Но меня особенно поразило — присутствие в соседней с начальником штаба комнате, — штатского немца, Д-ра Х. Он, в сущности, был первым и главным распорядителем в этом казачьем штабе, являясь бдительным оком и ушами пресловутого «Восточного Министерства» Розенберга. Не менее было интересно, что, хотя Главн. Управление Казачьих Войск подчинялось высшей немецкой инстанции по линии СС, тем не менее, ни одно распоряжение, ни один документ, выданный штабом, не был действителен, если на нем не стояла подпись Д-ра Х. и немецкая печать, каковая хранилась у него.

При таком положении, начальник штаба являлся лишь номинальной фигурой, будучи в действительности, секретарем Д-ра Х. и поминутно бегая к нему за всякой мелочью и разрешением. Не смею утверждать, но могу с достаточными основаниями предполагать, что одним из главных источников, откуда раздувалась вражда между Петром Николаевичем и Андрей Андреевичем и был именно названный доктор. В его личные расчеты, видимо, не входило единение между Красновым и Власовым, ибо это привело бы к ликвидации его?аппарата, как контролера всей работы штаба, а потому, влияя на Семена Николаевича, он через него искусно поддерживал враждебность П. Н. Краснова к А. А. Власову.

Только дней через десять, побывав уже несколько раз в штабе, я по просьбе Семена Николаевича познакомился с Д-ром Х. Должен сказать, что он произвел на меня очень хорошее впечатление воспитанного, умного и образованного человека.

Ехал я к Ген. Краснову, будучи озабочен мыслью, не изменил ли он своего намерения, продолжить наш разговор о Ген. Власове. Петр Николаевич встретил меня словами: «Я знаю, что Вы уже были в Главном Управлении Казачьих Войск и каково Ваше впечатление?»

Я коротко рассказал, что я видел, не упустив оттенить ненормальность положения начальника штаба, в своих действиях, всецело связанного и полностью зависящего от Д-ра Х. Я ожидал, что Петр Николаевич согласится с моими доводами, но он обошел это молчанием и своего мнения не высказал. Позже, потом, — я выяснил, что между ним и С. Н. Красновым с одной стороны и Д-ром Х. с другой, — существовала большая, тесная дружба, благодаря чему, значительно сглаживалась острота этого вопроса.

Поблагодарив меня за доклад, Петр Николаевич, добавил, что хотя у него мало времени, однако он считает нужным осветить вопрос своих взаимоотношений с Ген. Власовым.

— «Прошлый раз, я сказал Вам, Иван Алексеевич, что у меня с ним нет никаких отношений» — начал свою речь Петр Николаевич? — «а теперь добавлю — что я ему не верю».

— «Но почему Петр Николаевич» — невольно вырвалось у меня.

— «К этому есть много оснований» — ответил он.

Затем Ген. Краснов начал говорит о том, что А. А. Власов, в своем «Манифесте» ни одним словом не обмолвился о казаках, видимо, умышленно не желая заявить, что за казаками остается неприкосновенность казачьих территорий и их казачьих порядков жизни. В этом случае, по его словам, являлось опасение, что, если казачеству будет суждено вернуться на родную землю, то оно растворится в массе русского народа и от него не останется даже воспоминания. Дальше, в своей речи, он особенно подчеркнул, что иного и нельзя было ожидать от Андрей Андреевича, как человека, выросшего в коммунистической среде, своим высоким положением всецело обязанным этому режиму, мало знающего казачество, и, видимо, имеющего слабое понятие о том, что казачество, будучи лучшей частью русского народа, хотя и обладало известными льготами и привилегиями, но на ряду с этим, оно несло и самую тяжелую военную службу. Затем, Петр Николаевич сказал, что предвидя это, он своевременно заручился от немцев особым письменным официальным заявлением, как бы гарантной грамотой, что при возвращении казачества домой, за ним будет сохранены в полной неприкосновенности все казачьи права, территории, недра и весь уклад казачьей жизни. Продолжая разговор, Петр Николаевич, отметил также, что Ген. Власов, не будучи еще официально Главнокомандующим Р.О.А., уже теперь, о чем до него доходят слухи, предъявляет большие, но необоснованные, претензии к казачеству и высказывает требование о полном шу подчинении такового. С этим, он, конечно, согласиться не может. Известно ему и то, что штаб Ген. Власова приступил даже к формированию казачьих частей й, надо полагать только из казачьих дезертиров.

— «Разве это не напоминает Вам, Иван Алексеевич» — сказал Петр Николаевич — «1918 г. когда донские генералы Сидорин и Семилетов, перебравшись из Новочеркасска в Екатеринодар под крылышко Добровольческой армии, оттуда забрасывали Донской фронт летучками, призывая казаков бросать позиции и пробираться в Екатеринодар на формирование донских полков. Вам же, главным образом, приходилось тогда бороться с этим

злом».

Волнуясь еще больше, Ген. Краснов дал резкую характеристику отношения штаба Ген. Власова к казачьим дезертирам. По его словам, таковые находили там теплый, радушный прием и расценивались прямо пропорционально тому, как они осуждали и клеветали на казачество в делом, в частности, на него лично. Не менее горячо говорил Петр Николаевич и об отношении прессы Р.О.А. к казачеству, каковая, обычно, пестрит резкими и недопустимыми выпадами и против казачества и против его командования, вызывая у казаков не только недоумение, но и оправданное негодование. Столь же резко оценил Ген. Краснов и политику штаба Ген. Власова. Он указал, что именно оттуда идут все интриги, имеющие целью дискредитировать его лично в глазах казачества. Как пример, он привел тот факт, что два донских генерала, А. и В., вошли в «Комитет Освобождения России» Ген. Власова и там им с умыслом придается значение, как официальным представителям казачества.

— «А кого они представляют, спрошу я Вас» — сказал Петр Николаевич.

— «Они могли войти лишь персонально, но никаких казаков за ними нет и потому они не могут рассматриваться как казачьи представители».

Ведя этот разговор, Петр Николаевич, несколько раз открывал папку, желая документально подтвердить, то или иное свое утверждение, но я, под всякими предлогами, отклонял, опасаясь на это потерять много времени и не докончить наш разговор.

С большим вниманием слушая Ген. Краснова, я, однако, приходил к неуклонному выводу, что никаких веских причин или неоспаримых фактов, каковые оправдывали бы его отрицательное отношение к А. А. Власову, он мне не привел. Все им высказанное, базировалось или на. каких то слухах, или на предположениях, или, наконец, на донесениях «услужливых» лиц, но, благодаря своему таланту, Петр Николаевич, умел все эти мелочи мастерски нанизать одну за другой и все облечь во что то большое и важное. Скорее в его словах, временами, звучали нотки как бы личной, чисто субъективной неприязни к А. А. Власову. Но, хорошо зная Петра Николаевича, я не рискнул ему тогда высказать свое мнение, ибо это вызвало бы у него еще более настойчивое и упорное отстаивание его точки зрения. Считаясь с этим, я сказал, что все, что я сейчас слышал, является для меня совершенно новым и что я никогда не предполагал, что со стороны Ген. Власова и его штаба проводится такая странная и

мне непонятная политика в отношении казачества вообще, а, в частности, самого Петра Николаевича.

— «А у меня была мысль» — продолжал я дальше, — «поехать в штаб Ген… Власова и познакомиться сначала с его начальником штаба, а затем с А. А. Власовым».

Не только сухо и официально, но и в раздраженном тоне Ген. Краснов ответил: «Вы человек свободный, можете делать все, что Вы хотите и я не могу Вам ни запрещать, ни разрешать.»

— «Откровенно скажу Вам, Петр Николаевич», — ответил я, — «что я не ожидал от Вас такого ответа. Вы знаете, что я раньше всегда был Вам предан, остаюсь таковым и теперь. Не даром ко мне довольно крепко пришит ярлык «Красновца». Я надеялся, что Вы правильно поймете и одобрите мое намерение. Только при этом условии я бы посетил штаб Ген. Власова и приложил бы все усилия, дабы выяснить, как истинное настроение там, так и отношение лично к Вам Андрея Андреевича. Я убежден, что при искреннем обоюдном желании, все шероховатости, можно легко устранить в самом начале, иначе они примут еще большую форму. О каждой моей поездка туда; и о моих там разговорах я бы Вас детально и правдиво информировал. Я уже Вам докладывал, что у меня нет никаких намерений лично себя устраивать и я далек от мысли просить что либо для себя у Андрей Андреевича, и это обстоятельство дает мне возможность держать себя там совершенно независимо. Но я выполню мое намерение только, если Вы его одобрите и, так сказать, благословите. Я не могу еще утверждать, но, быть может, если не все, то какая-то доля того, что я сейчас от Вас слышал, несколько преувеличена теми, кто Вам доносил и, значит, не совсем отвечает истинному положению вещей. В данный момент у Вас никакого контакта ни со штабом Власова, ни с ним, лично, нет. А разве установление такового, даже неофициального, чему либо могло-бы повредить?

Высказав свои соображения, я ждал ответа. К моему большому удовлетворению, Петр Николаевич, в более дружеском тоне, сказал: «Я вижу Иван Алексеевич, Ваша идея не лишена глубокого смысла. При такой постановке вопроса, я ничего не могу сказать против. Я охотно верю, что Вы будете правдиво информировать меня обо всем и, если это так, то могу Вам пожелать успеха в Вашем начинании.»

Ген. Краснов так увлекся разговором, что, видимо, забыл о своей срочной работе. Он стал читать и объяснять мне разные донесения, как доказательство только — что им высказанного. Но говорил он ˆже много спокойнее, временами высказывая сожаление, что высшие круги Р.О.А. не знают и не понимают

казачество, интересы которого для него дороже всего.

Здесь же, я посвятил Петра Николаевича в мой план, рассчитывая сначала заручиться поддержкой начальника штаба Ф. И. Трухина, а после, совместно с ним, выяснить отношение Р.О.А. к казачеству уже у А. А. Власова.

Считая полезным, если со мной в штаб Ген. Власова поедет также и Донской Атаман, я свои доводы привел Ген. Краснову и он дал на это свое согласие.

Больше я не мог задерживать Петра Николаевича и потому поспешил домой, обещав ему, после первого моего визита Ген. Трухину, приехать к нему и подробно его обо всем информировать.

Весь вечер я провел в беседе с Донским Атаманом. Я передал ему, в общих чертах, мой разговор с Ген. Красновым и просил его поехать со мной в штаб Ген. Власова. Атаман обещал мне это и полагал, что ему удастся устроить мое знакомство с Ген. Трухиным, так как он уже был знаком и с ним и с А. А. Власовым.

Штаб последнего находился в деревне Добендорф, около часа езды от Берлина по железной дороге.

На следующий день мы отправились туда и, благодаря содействию начальника личной канцелярии Ген. Власова, полк. К., нам удалось преодолеть все «рогатки» и дойти до кабинета начальника штаба Федора Ивановича Ген. Трухина. Его штаб занимал четыре комнаты в партере небольшой виллы, а в первом этаже находились жилые помещения.

Начальник штаба принял нас официально, но любезно. Донской Атаман, представляя меня, сказал, что я бывший ближайший соратник Ген. Краснова в Гражданскую войну, что я недавно приехал в Берлин, бываю у Петра Николаевича, пользуюсь его доверием и поддерживаю с ним тесный контакт.

После короткого вступительного разговора, чисто информативного характера, я исподволь приступил к изложению цели нашего посещения, а также и мотивов, побудивших меня на такой шаг.

Прежде всего, я считал необходимым предупредить Ген. Трухина, что я не являюсь ни официально уполномоченным, ни посланным сюда Ген. Красновым, а предпринял это исключительно по собственному побуждению и инициативе, но что о своем намерении я поставил в известность Петра Николаевича и он против этого не возражал. Поэтому все, что он сейчас — от меня услышит, я просил его рассматривать и расценивать, как лично мое мнение, но не больше. Я просил его также не осудить меня за мою прямолинейность и не истолковать мои слова в каком либо ином смысле. Как старый казак и офицер,

я руковожусь искренним желанием пользы общему русскому делу, будучи глубоко убежден, что при обоюдном желании, все существующие трения между Р.О.А. и Казачеством, могут быть легко устранены.

— «Иначе,» — сказал я, — «существующий между ними ров, обратится вскоре в пропасть, чему будет радоваться кто-то «третий», стоящий пока в тени».

Затем я рассказал ему, что, будучи еще в Вене, мне нередко приходилось слышать о весьма натянутых взаимоотношениях между штабами Р.О.А. и казачьим, чему тогда я не придавал значения, относя все это в область слухов и сплетень. Но, прибыв в Берлин и вращаясь в высших казачьих кругах, я, к сожалению, вскоре убедился в обратном. В подтверждение моих слов, я стал приводить ему факта, слышанные мною от Петра Николаевича, умышленно скрыв все, что касалось лично А. А. Власова и что, как мне казалось, могло не только не улучшить, а еще больше ухудшить отношение между Р.О.А. и Казачеством.

Говоря о печати, я сказал, что всякое действие обычно вызывает противодействие, что мы видим и в этом случае. Выпады против Казачества и дискредитирование его высшего командования, побуждает казачьи газеты к немедленному ответу и, быть может, даже в более резком тоне.

— «Из своего личного опыта знаю, что при Вашем желании, как начальника штаба, Вы могли бы легко устранить это вредное для обеих сторон явление» — сказал я, — «а одновременно я бы настоял, через Ген. Краснова, то же самое провести и в отношении казачье! прессы. Точно также, при наличии обоюдной доброй воли, еще легче разрешился бы вопрос и о так называемых «дезертирах». Разве не было бы правильным, чтобы от лиц, состоявших уже на службе в казачьих частях или учреждениях, а затем, появляющихся у Вас, с просьбами о приеме их в Р.О.А., требовать предъявления ими особых удостоверений, что они освобождены от службы?» — спросил я.

«Едва ли Вы будете отрицать, что среди указанных лиц могут оказаться и такие, которые, путем поступления в ряды Р.О.А., стремятся лишь избежать заслуженной ими кары за какой-нибудь антидисциплинарный поступок. Конечно, одновременно, те же требования должны быть предъявлены и Гл. Упр. Каз. Войск к лицам, оставившим ряды Р.О.А. и желающим вступить в казачьи части. Нередко эти лица, чтобы оправдать свой переход в Р.О.А., рассказывают Вам разные небылицы. Мало того, они клевещут на Казачество и на высшее командование, не оставляя в покое даже и Петра Николаевича. Временами все это и, конечно, в еще более искаженном виде, долетает до Ген. Краснова, вызывая у него

оправданное чувство огорчения и обиды. Не могу утверждать, — продолжал я, — но слышал, будто бы, в рядах Р.О.А. формируются уже казачьи части. Если это отвечает действительности, то очень трудно подыскать оправдывающее обоснование такому факту, при наличии Гл. Упр. Каз. Войск Между тем, у высшего казачьего командования, это явление вызывает естественное недоумение и порицание. Известно мне также, что в «Комитет Освобождения России» вошли два казачьих генерала, которых хорошо знает и высоко ценит Ген. Краснов. В названном Комитете они Вами рассматриваются, как представители Казачества. На самом деле, это совсем не соответствует фактическому положению, что может подтвердить и присутствующий здесь Донской Атаман. Названные генералы, по словам Ген. Краснова, не являются официальными представителями Казачества. Они могли войти в «Комитет» только персонально.

Наконец, некоторую озабоченность вызывает в казачьих кругах и Пражский Манифест А. А. Власова, где о казаках совершенно не упомянуто. Как результат, порождаются разные кривотолки и обоснованная тревога: будет ли за Казачеством, если оно вернется на Родину, сохранена неприкосновенность их земель, недр, лесов, угодий и всего уклада казачьей жизни? Возможно, что это только случайное упущение, или умышленное замалчивание этого вопроса по особым соображениям. Конечно, при наличии нормальных отношений между возглавителями Р.О.А. и Казачеством и это обстоятельство было бы разъяснено к взаимному удовлетворению.

«Когда я ехал к Вам» — сказал я, — «я был уверен, что Вы не только правильно поймете мои искренние побуждения, но и поможете мне в этом начинании. Только при Вашем сочувствии и поддержке, мы общими усилиями сможем установить дружеский контакт между Р.О.А. и Казачеством и сделать друзьями А. А. Власова и П. Н. Краснова, что в массу внесет нужное успокоение и будет крайне полезно для общего дела».

Федор Иванович Ген. Трухин, слушая меня, делал на бумаге какие-то заметки. Когда я кончил, он начал отвечать. Он горячо приветствовал мою инициативу и, не отрицая, по существу, высказанных мною положений, вину, однако, за это возлагал на ответственные казачьи круги. Он последовательно коснулся каждого вопроса, выдвинутого мною. Говоря о печати, по его словам, взаимно враждующей, он охотно согласился принять в этом направлении нужные меры, но, одновременно, ставил условием тоже провести и по казачьей линии, подчеркивая, что первыми нападают и клевещут на Р.О.А. казачьи газеты, а им

приходится лишь парировать нападки. Ген. Трухин признал целесообразным мое предложение о «кочующих» из одной армии в другую и готов был осуществить его у себя, но настаивал, чтобы та же мера была проведена и в Гл. Упр. Каз. Войск.

Затронув вопрос формирования казачьих частей в рядах Р.О.А., он сказал, что это столь малая часть, в которой не наберется даже и сотни людей и потому, едва ли об этом можно говорить серьезно. Эти казаки уже давно состоят в Р.О.А. и лишь в последнее время собраны в одну команду.

Что касается нахождения в составе «Комитета» двух донских генералов, он об этом знает. Но ни он, а, полагает, также и Андрей Андреевич, никогда не придавали им приписываемого значения, т. е. не считали, что они являются представителями Казачества.

Только о «Манифесте», в связи с казачьим вопросом, он выразил сожаление, что он не может меня подробно информировать гак как это — компетенция Ген. Власова, но сн надеется, что последний даст мне исчерпывающий ответ.

Ответы Ген. Трухина меня тогда вполне удовлетворили. Говорил он спокойно, избегая резких выражений и не делая выпадов против казачества. Рисуя ненормальное положение между Р.О.А. и Казачеством, он высказывал свое искреннее сожаление. Но особенно было ценно, что упоминая имя Петра Николаевича Краснова, Ген. Трухин сказал, что, хотя он лично не знаком с Ген. Красновым, однако, пи всему тому, что он о нем слышал, он считает его большим русским патриотом, бесконечно любящим свою Родину, человеком огромного государственного ума и единственным неоспоримым авторитетом в казачестве, где его слово каждым казаком почитается законом.

— «В таком случае» — сказал я, — «могу ли я рассчитывать на Вашу помощь, Федор Иванович, если на одной стороне я буду стараться устранить все явления, препятствующие сближению, а Вы подготовите нужную почву у себя. Тогда, в конечном итоге, не только будут разрешены все жгучие вопросы, но и начнется дружная, совместная работа обоих штабов».

Встав и взяв мою руку, Ген. Трухин, крепко ее сжимая, сказал: «Вы можете полностью рассчитывать на меня Иван Алексеевич. В моем лице Вы найдете самого преданного и надежного союзника в проведении в жизнь Вашего начинания, одинаково полезного и Р.О.А., и Казачеству».

Наша беседа с Ген. Трухиным продолжалась очень долго и задерживать его еще больше мы не считали возможным. Прощаясь с нами, он выразил желание, чтобы я опять посетил его, дабы детально и основательно обсудить все вопросы и выработать

программу дальнейших действий.

Расстались мы очень дружески.

Крайне интересуясь мнением Донского Атамана, как нейтрального свидетеля моего разговора с Ген. Трухиным, я всю дорогу буквально засыпал его разными вопросами. Его ответы убеждали меня в том, что Ген. Трухин действительно приложит все усилия, чтобы сблизить обе стороны.

Прибыв домой, я позвонил С. Н. Краснову и сказав, что я только что был с Донским Атаманом у Ген. Трухина, просил его узнать у Петра Николаевича, в котором часу он может меня принять завтра. Семен Николаевич, конечно, проявил желание и даже нетерпение, — скорее узнать, о чем я говорил с Ген. Трухиным, но я, сославшись на усталость, обещал ему рассказать все завтра, но после Петра Николаевича.

Через несколько минут он сообщил мне, что Ген. Краснов будет меня ждать в 9 часов утра. Такой ранний час, красноречиво говорил о том, что Петр Николаевич весьма интересуется моим завтрашним докладом.

Как обычно, сидя в комнате Донского Атамана, мы долго еще обсуждали наше посещение Ген. Трухина, причем, как всегда, при этих разговорах присутствовал состоявший при Атамане Полк. С, — единственный свидетель, оставшийся в живых.

Рано утром я поехал к Ген. Краснову и нашел его несколько в нервном состоянии. Приступив к докладу, я, ничего не скрывая, не преувеличивая и не уменьшая, с фотографической точностью, передал ему всю мою беседу с Ген. Трухиным. Несколько раз Петр Николаевич останавливал меня, задавал вопросы, с целью точнее уяснить то одну, то другую мысль. Его, видимо, беспокоило, чтобы я не упустил передать ему что либо важное из моего разговора с Федор Ивановичем. Чтобы — успокоить Петра Николаевича, я сказал, что один, весьма острый и щекотливый вопрос, а именно, как далеко простираются притязания. Ген. Власова в отношении казачества, я, по тактическим мотивам, не затрагивал, но завтра, при моем новом свидании с Ген. Трухиным, я его подниму.

Вместе с тем, я настойчиво просил Петра Николаевича принять нужные меры, как в отношении казачьей печати, так и по вопросу приема в казачьи части лиц, служивших раньше в Р.О.А., о чем я договорился с Ген. Трухиным. Мне казалось, что это обстоятельство может оказать доминирующее влияние на ведение дальнейших переговоров с командованием Р.О.А. Обещая Ген. Краснову столь же подробно информировать и начальника штаба С. Н. Краснова, я просил его разрешить мне передать последнему, чтобы он принял нужные меры по вышеуказанным вопросам. Петр

Николаевич согласился с этим и добавил, что вечером он будет еще сам с ним говорить по этому поводу.

Заметно было, что доклад произвел на Ген. Краснова очень хорошее впечатление. Он был доволен, тепло благодарил меня и желал мне в дальнейшем полного успеха. Его такое отношение я истолковывал, как признак того, что он весьма заинтересован в установлении дружеского контакта с командованием Р.О.А.

Обещая Петру Николаевичу докладывать ему и дальше о каждом моем посещении штаба Ген. Власова, я поехал в Гл. Упр. Каз. Войск и подробно информировал Семена Николаевича. Одновременно я просил его безотлагательно осуществить мероприятия, касающиеся печати и приема на службу лиц из Р.О.А.

На другой день, выяснив предварительно по телефону, когда Ген. Трухин может меня принять, я прибыл к нему в назначенный час.

Встретились мы, как старые приятели.

Прежде всего, я поставил Федор Ивановича в известность, что о печати и «кочующих», казачий штаб уже отдал нужные распоряжения, чем показал свою готовность миролюбиво решать спорные вопросы. Затем, передавая ему мои разговор с Петром Николаевичем, я подчеркнул, что его благожелательное отношение и искреннее желание устранить все препятствия, стоящие на пути сближения штабов и мешающие их нормальной работе, — нашли живой отклик в душе и сердце Ген. Краснову.

В ответ на это Ген. Трухин сказал, что от Петра Николаевича Краснова он иного и не ожидал, ибо, по имеющимся у него сведениям, источником вражды является не Петр Николаевич, а скорее казачий штаб. Полагая, что он имеет в виду Семена Николаевича, как начальника штаба, я горячо заступился за последнего, сказав, что беседуя вчера с ним, я не заметил у него неприязни, ни в отношении штаба Р.О.А. вообще, ни в частности, лично к нему. В доказательство моих слов, я указал на готовность Семена Николаевича отдать просимые мною распоряжения, что можно рассматривать, как первые шаги к сближению обеих сторон.

Интересуясь отношением Ген. Власова к моей миссии, я спросил Феодор Ивановича, не говорил ли он с Андрей Андреевичем по поводу казачьих генералов, состоящих в «Комитете» и каково его мнение? Ген. Трухин ответил, что по этому вопросу он еще не разговаривал с Ген. Власовым, но о моем посещении штаба и о цели такового, Андрей Андреевич уже знает.

— «Могу Вам только сообщить, — сказал оп. — «что Вашу

акцию Ген. Власов горячо приветствует. Но зная хорошо характер Андрея Андреевича», — продолжал он, — «я должен выбрать подходящий момент, дабы сначала подготовить его в нужном направлении и только тогда наши взаимные усилия могут увенчаться успехом. Судя по всем признакам, я полагаю, что в ближайшие дни, мне удастся устроить Ваше с ним свидание».

— «У меня еще есть один важный вопрос,» — сказал я, — «не сможете ли Вы высказать мне Вашу точку зрения, как Вы полагаете осуществить единое командование, в случае назначения Ген. Власова Главнокомандующим Русской Освободительной армией, и, значит, подчинения ему всех вооруженных русских национальных сил? Я, лично, этому вопросу придаю первенствующее значение, ибо глубоко убежден, что от правильного его решения, взаимоотношения между Р.О.А. и Казачеством, могут принять ту или иную форму».

В ответ, я услышал: «Полное, безоговорочное подчинение всех вооруженных сил Главнокомандующему, в том числе и казачьих».

— «А по времени, когда это будет?» — спросил я.

— «Теперь, немедленно» — был короткий ответ Ген. Трухина.

— «Мне пока неизвестна окончательная точка зрения Ген. Краснова по этому вопросу, но в связи с этим, я выскажу Вам мои личные соображения. Из совокупности всех данных и моих наблюдений, предлагаемая Вами форма, едва ли встретит на другой стороне сочувствие и будет приемлема. К тому много причин, как морально — психологических, так и физических. Нельзя не учитывать высокий чин. Ген. Краснова и его огромный военный стаж, а следовательно и его опыт, и его неоспоримый авторитет в казачестве. Позавчера Вы сами признали за ним и его большой государственный ум, и его всемирную известность. С другой стороны, надо принимать во внимание, что организованные казачьи части уже фактически существуют и давно ведут борьбу на фронте, тогда как Р.О.А. находится лишь в периоде формирования, да и, количественно, формируемые части, не столь многочисленны. Как военный, я вполне с Вами согласен, что необходимо единое командование и полное подчинение. Но обстановка сейчас необычайно сложная, а потому, едва ли можно применять то, что в нормальных условиях показалось-бы азбукой. Не подлежит сомнению, что это безоговорочное подчинение, во всяком случае, в начале, будет только на бумаге. Ведь немцы не позволят снять с фронта не только большую казачью единицу и перевести ее, по приказ. Главнокомандующего, на другой участок, но даже и сотню. При такой сложной обстановке, к этому вопросу, мне думается,

следует подходить крайне осторожно. Но, вместе с тем, я убежден, что при наличии подлинной дружбы между Андрей Андреевичем и Петром Николаевичем, была бы легко найдена соответствующая равнодействующая и этот сложный вопрос оказался бы улаженным, путем взаимного соглашения. И в этом случае, опять, на первое место выступает необходимость не только примирения, но и установление, между верховными вождями Р.О.А. и казачества, — прочной дружбы. Тогда все вопросы будут разрешаться совершенно безболезненно. С своей стороны я обещаю приложить все усилия, чтобы склонить Ген. Краснова на максимум уступок. Но тогда и Вам, если Вы разделяете мое мнение, придется убедить Ген. Власова в необходимости, и с его стороны, проявить, в известных границах, уступчивость».

Мы еще очень долго обсуждали этот вопрос и мне казалось, что Ген. Трухин, как будто бы, склоняется воспринять высказанные мною, положения.

Мы расстались, условившись предварительно, что мое свидание с Ген. Власовым состоится только тогда, когда Ген. Трухин найдет для этого наиболее подходящий момент. Независимо от этого, он просил меня посещать его возможно чаще и поддерживать с ним непрерывную связь.

Я не буду описывать дальше каждое мое посещение Ген. Краснова или Ген. Трухина. Скажу только, что почти ежедневно я, по очереди, бывал то у одного, то у другого. Благодаря этому, между ними все время поддерживался живой контакт и обе стороны были обо всем информированы.

Во избежание возможных кривотолков, я держал в курсе предпринятой мною акции также и казачью старшину, находившуюся при Гл. Упр. Каз. Войск или в Берлине.

Считаю своим долгом подтвердить, что они все, как мне казалось, искренно приветствовали мою миссию примирения генералов Краснова и Власова, проявляли к этому большой интерес и с нетерпением ожидали успешного ее окончания.

В одно из моих посещений Ген. Трухина, он сообщил мне, что на следующий день вечером, меня примет Ген. Власов. Я полагал, что присутствие Донского Атамана при моем разговоре с Андрей Андреевичем, будет весьма полезным, почему эту мысль и высказал Федор Ивановичу. Он против этого не возражал. Что касается Дон. Атамана Ген. Татаркина, то он любезно согласился поехать со мной к Ген. Власову.

Мы прибыли к Ген. Трухину и через несколько минут пошли втроем к Андрей Андреевичу. Он жил в небольшой вилле, в нескольких минутах ходьбы от штаба. Ген. Власов охранялся

довольно бдительно, но благодаря тому, что с нами был Ген. Трухин, мы легко миновали все заставы.

Оставив наши пальто в передней, мы вошли в слабо освещенную комнату, где при нашем появлении, поднялся сидевший у письменного стола, высокого роста мужчина лет около 54-х, с очень мужественной фигурой и резкими, энергичными чертами лица, одетый в военный китель, но без погон. Это был Ген. Власов.

Приветливо поздоровавшись, он представил нам находившегося в комнате штатского господина, сказав, что это — его большой друг, наш известный профессор, хирург Руднев, и добавил, что при нем мы можем говорить все откровенно.

Я должен предупредить, что передать точно все; что говорил Ген. Власов, является для меня задачей непосильной. Даже вернувшись домой и будучи еще под свежим впечатлением, я не мог полностью воспроизвести его речь. Поэтому, записанное мною я передам в подлиннике, в остальном же буду держаться точно смысла его речи.

Во время разговора, он несколько раз менял тему, затрагивал один вопрос и сейчас же переходил на другой, причем временами, затрагиваемые вопросы не имели между собой логической связи.

С некоторой натяжкой, его речь можно разделить на 4 части: в первой — он дал лестную оценку прекрасно поставленной у него разведки, сделав, однако, попутно, несколько резких выпадов против казачьего штаба и казачьего командования; во-второй — он коснулся своей военной службы и своих заслуг в Советском Союзе; третью часть — можно уподобить речи сурового прокурора, причем в роли подсудимого оказался П. Н. Краснов и, наконец, четвертая часть была хвалебным гимном тому же Краснову.

Свою речь, Андрей Андреевич начал заявлением, что разведка Р.О.А. работает идеально и что благодаря этому, он находится всегда в курсе всего, что происходит, какие разговоры ведутся о Р.О.А., а так-же какие интриги куются там, на другой стороне, т. е. в Гл. Упр. Каз. Войск. Благодаря этому он располагает подробными информациями и обо мне. Ему было своевременно доложено о моем появлении у Краснова; знает он о моем участии в Гражданской войне, о жизни в Югославии, а также о моей миссии в данный момент. Хорошо ему известно и то, что ближайшие сотрудники Ген. Краснова, страха иудейского ради, часто льстят последнему, скрывают от него истинное положение вещей и тем держат Петра Николаевича в заблуждении. В результате чего, последний живет как-бы вне

времени и пространства и далеко от реальной обстановки.

— «Я слышал» — сказал он, — «что Вы часто посещаете Краснова и говорите ему правду, не считаясь с тем, нравится ли ему это или нет и знаю, что он ценит Ваше мнение. Обо всех там, я детально информирован. Да и здесь у меня всегда полно людей и каждый сообщает мне какую либо новость. Многие приходят наниматься. Низко кланяются, выставляют свои прошлые заслуги, щеголяют вытащенными из архивов, губернаторскими дипломами, как бы желая этим сказать: подавай им соответствующий пост. А у Власова иной масштаб и другая оценка: ты покажи и докажи сначала себя способным работником на малом месте, а тогда я тебя возвышу до предела возможностей. В противном случае: вот Бог, а вот порог».

Еще с большим негодованием говорил Ген. Власов о посещении его лицами из казачьих кругов. Они, боязливо оглядываясь кругом, смиренно просят его, чтобы свидание их с ним осталось в тайне.

— «Они думают, что я наивен» — сказал он, — «что не смогу понять их продажные душенки и разгадать их истинный смысл, — что они на всякий случай себя страхуют. Скажите мне, могу ли я пенить таких людей? Сегодня они продают Краснова, а завтра меня» и не ожидая моего ответа, он продолжал говорить дальше.

— «Я не дипломат, а только военный, но в Советском Союзе я прошел суровую школу и тяжелую жизнь и иногда вижу в людях то, что другие не могут в них подметить. Всю мою жизнь я посвятил военному делу и обладаю достаточно большим и сложным стажем».

Взяв книгу, лежавшую на столе и показывая ее нам, он сказал, что в ней есть подтверждение его словам и указание, что самая лучшая дивизия и корпус в Красной армии были те; коими он командовал. После этого, он коснулся своего прошлого, его службы в Китае, в качестве Представителя Красной Армии, затронул и свое участие в нынешней войне, с гордостью оттенив, что именно его армия расстроила все планы немцев и не допустила их захватить Москву.

Вдруг его мысли неожиданно приняли иное направление и Ген. Власов, несколько волнуясь, стал рисовать нам свое теперешнее положение.

— «Я нахожусь сейчас» — говорил он, — «в особо тяжелых условиях. Немцы всячески тормозят мою работу, много обещают, но ничего не выполняют. Докатятся до краха, пусть винят самих себя, а Власову терять нечего. Все, что он им?л, он уже потерял, включая и дорогих дочурок. Можете себе представить, что они там пережили? Но все равно, я перед немцами расшаркиваться не

буду, как то делает Краснов. Я ставлю им свои условия и настойчиво требую их выполнения. В это же время, со стороны Краснова, вместо поддержки, я вижу только интрига и на каждом шагу забрасывание грязью и меня и Р.О.А. Слишком переоценивает себя Петр Николаевич, не считается с реальной обстановкой, в полном смысле слова — романист. Не хочет по добру по здоровому, ну и не надо. Просить не буду. Если он считает, что Власов придет к нему с поклоном, то он ошибается. Я найду иной путь.»

Продолжая дальше упрекать Ген. Краснова, Ген. Власов сказал, что Краснов глубоко заблуждается, думая, что Казачество стоит за ним и не желает учитывать, что придет момент и на зов Р.О.А. все казаки вольются в нее а Краснов останется один, со своим племянником, — С. Н. Красновым.

С не меньшей резкостью Андрей Андреевич обвинил Петра Николаевича в том, что тот ведет игру на его «Манифесте», прививая Казачеству мысль, что отсутствие в нем упоминания о казаках, — равносильно тайному желанию Власова уничтожить Казачество, как таковое, что, естественно, у многих казаков вызывает оправданное опасение.

— «А Краснову хорошо известно», — сказал Ген. Власов, «что я не сделал этого только потому, что скажи я о казаках, то я должен был бы тогда упомянуть и о всех других, как например. Украинцах, народах Кавказа и т. д.».

Столь же горячо критиковал он Ген. Краснова за его упорное нежелание понять и осознать необходимость единого командования и добавил, что точка зрения Петра Николаевича на этот предмет ему хорошо известна.

— «Не хочет, не надо, просить не буду, обойдемся и без него. Да и на что он сейчас способен, когда он, как я слышал, едва передвигается, скажет что-нибудь и тотчас же забывает».

И долго еще Ген. Власов расточал совершенно необоснованные и обидные упреки по адресу Ген. Краснова.

Стараясь не пропустить ни одного слова, я внимательно его слушал. Одновременно в моем сознании мелькала мысль: неужели же Федор Иванович так подготовил Ген. Власова, о чем он меня заверил? Несколько раз я недоуменно и вопросительно посматривал в сторону Ген. Трухина. Каждый раз я замечал, что он незаметно делает мне рукой какой-то знак. Непонятно было для меня и его поражающее спокойствие и полное-равнодушие к тому, что говорил Ген. Власов. Только, когда мы оставили Андрей Андреевича, Геп. Трухин объяснил мне значение этого. Он сказал, что он старался дать мне понять не принимать близко к сердцу слова Андрей Андреевича, ибо натура его такова, что сначала он

должен горячо и резко выговориться и только затем будет уже рассуждать спокойно.

Наконец, совершенно неожиданно, Ген. Власов спросил меня: «— Ну что вы теперь можете сказать?»

Быстро собравшись с мыслями, я ответил: «Очень много. Прежде всего скажу, что мне было больно слушать Ваши обвинения и незаслуженные упреки по адресу Ген. Краснова. Вы сами сказали, что Петр Николаевич ценит меня за то, что я говорю ему правду в глаза. В таком случае, разрешите мне быть правдивым и в отношении Вас. Вы отлично знаете цель моего визита к Вам, а я добавлю еще, что у меня нет намерения наниматься к Вам на службу, или просить Вам о чем либо лично для себя. Такие предпосылки позволяют мне говорить с Вами совершенно откровенно. Слушая ваше каждое слово, я болел душой и как русский патриот, и как казак, и в то же время думал: два крупных государственных деятеля, одинаково горячо любят свою Родину, оба стоят во главе русского национального движения, имея одну и ту же конечную цель: освобождение русского подъяремного народа и свержение коммунистической власти; оба несут огромную ответственность перед теми, кто идет за ними, а значит и перед историей. И эти два человека до сего времени не нашли общий дружеский язык для взаимного понимания. Разве можно отрицать, что пропасть между вами и Ген. Красновым образовалась искусственно и, по моему глубокому убеждению, без достаточных реальных к тому оснований? Но вместе с тем, она сильно вредит русскому национальному делу. Я несколько раз и подолгу беседовал с Ген. Красновым на эту тему и могу вас заверить, что он усвоил мою миролюбивую точку зрения. Мало того, считаю своим долгом доложить вам, что я никогда не слышал от него резких выпадов и упреков по отношению вас. Вот почему я смею утверждать, что ваши информации о Ген. Краснове далеки от истины. Скорее, я вынес впечатление, что Петр Николаевич искренно скорбит душой о том, что между возглавителями Р.О.А. и Казачеством существует рознь и вражда. Я уверен, что то же самое скажет вам и присутствующий здесь Донской Атаман».

Дальше я старался доказать Ген. Власову, что я не вижу никаких глубоких причин их взаимного непонимания и что все вопросы, выдвинутые им, легко могут быть решены полюбовно, но при непременном условии наличия между им и Ген. Красновым приятельских отношений.

Когда я убеждал Ген. Власова, меня временами горячо поддерживал Ген. Трухин, подавал реплики в мою пользу и профессор Руднев.

Ген. Власов слушал меня не перебивая. Когда я исчерпал все доводы, чтобы убедить Андрей Андреевича в том, что его суждения о Петре Николаевиче основаны на информациях, каковые сильно страдают субъективностью, я закончил свою речь вопросом: «Что же я могу передать завтра Ген. Краснову? Сказать все, что я сейчас слышал, значило бы убить у него надежду на установление дружеского контакта с вами, а это было бы равносильно подливанию масла в огонь. Убежденно и искренне скажу вам, Андрей Андреевич, что вы этого сами не хотите».

К большой моей радости, Ген. Власов ответил: «Конечно нет. Зачем раздувать ненужную и вредную вражду и особенно, когда Петр Николаевич, как Вы меня уверили, не питает ко мне личной неприязни».

Дальше, уже спокойно, и в очень миролюбивом тоне, Ген. Власов стал говорить, что его настольные книги — книги Краснова, что он читает их с захватывающим интересом и убеждается, что Петр Николаевич большой знаток человеческой души, человек широко образованный и огромного государственного ума и что, все это, добавил он, особенно ценно в наше время. Еще ярче подчеркнул он неоспоримый авторитет Ген. Краснова и не только в среде казачества, но и в кругах русской эмиграции, сказав, что он его глубоко уважает и склоняет свою голову перед его мудростью и огромным житейским опытом.

Столь же тепло отозвался Андрей Андреевич и о военной службе Ген. Краснова, сказав, что, если до Великой войны Краснов был известен, как выдающийся военный писатель, то во время войны его имя гремело по всей России, как отличного военного начальника и геройского командира полка и командира бригады. Не забыл он отметить и значение Ген. Краснова в Гражданскую войну, сказав, что и по ныне русский народ высоко чтит его имя.

И вся дальнейшая речь Ген. Власова — была хвалебным гимном Петру Николаевичу.

Я сидел, как зачарованный и не мог сразу отдать себе отчет в том, что я слышу. Чем и как можно было объяснить такой резкий контраст между началом речи Ген. Власова и ее окончанием? Такое же чувство испытал и Донской Атаман, о чем он поделился со мной, когда мы возвращались домой.

Наш разговор затянулся очень долго, но велся уже в очень миролюбивом тоне. Было уже около 9 часов вечера и мы стали собираться уходить. Заметив это, Андрей Андреевич сказал: «Куда вы? По русскому обычаю надо откушать хлеба соли» и он пригласил нас в столовую.

Здесь Ген. Власов был необычайно радушный и

гостеприимный хозяин. За рюмкой водки и очень скромной закуской, мы еще долго вели нашу дружескую беседу. Андрей Андреевич охотно рассказывал нам разные эпизоды из своей жизни в Советском Союзе, о войне, как он попал в плен и как с ним в начале грубо обращались немцы. Вместе с тем, он выразил желание, чтобы я в ближайшие дни снова посетил его. По его словам, нам предстояло разобрать еще много вопросов, касающихся Р.О.А. и Казачества. Только из боязни пропустить последний поезд, мы были вынуждены расстаться, я бы сказал, с суровым и гневным Ген. Власовым и, одновременно, с чрезвычайно любезным и симпатичным Андрей Андреевичем.

И дорогой и дома мы обменивались мнением, силясь угадать: когда же Ген. Власов был самим собой? — В начале или в конце нашего разговора? В конечном результате, после долгих и горячих дебатов, мы решили, что заключительный аккорд его речи звучал искренне и, как будто бы, без фальшивых ноток.

Все это время меня усиленно занимала мысль, как наиболее правдиво передать Петру Николаевичу мою беседу с Андрей Андреевичем. Рассказать все в точности, по моему, было нецелесообразно. После долгого размышления, я решил первые ее две части изложить почти полностью. Третью — несколько смягчить, умолчав кое-что, дабы не вызывать ненужного раздражения у Петра Николаевича. Но зато четвертую — оттенить возможно ярче, перенеся на нее и на мои возражения Ген. Власову, весь центр тяжести.

Так я и поступил, когда на следующий день был у Ген. Краснова. Приехал я умышленно рано, будучи уверен, что Петр Николаевич нетерпеливо ожидает моего доклада и в этом я не ошибся.

Наша продолжительная беседа была для меня, словно, экзамен. Ген. Краснов задавал мне массу вопросов, желая в точности знать речь Ген. Власова и мои ему возражения.

Рассказывая и, одновременно, наблюдая за Петром Николаевичем, я могу сказать, что мой доклад умиротворяюще действовал на него. Это подтвердил и он сам, сказав: «Большое Вам спасибо Иван Алексеевич, мне бы хотелось, чтобы Ваши труды увенчались успехом».

Вернувшись к себе в гостиницу, я встретил Донского Атамана, крайне чем то озабоченного. Показав мне какую-то бумагу, он сказал: «Прочтите, пожалуйста, но я не понимаю С. Н. Краснова, для чего он это делает?»

Бумага оказалось адресом Петру Николаевичу Краснову, составленным Семен Николаевичем. Этот адрес предназначался для подписи всем казачьим генералам. В первой его части

высказывались чувства глубокой преданности всех нижеподписавшихся П. Н. Краснову, как верховному вождю всего казачества, против, чего, конечно, ничего нельзя было возразить. Зато вторая часть, по своему содержанию, представляла резкий выпад лично против Ген. Власова и Р.О.А. Донской Атаман получил этот адрес для подписи первым и очутился в крайне затруднительном положении. Не подписать значило бы обидеть Ген. Краснова, а подписать, то же самое сделать в отношении Ген. Власова, ибо этот адрес был предназначен к опубликованию в газетах. Донской Атаман желал знать мое мнение. Я ответил, что сначала я бы хотел об этом переговорить с Ген. А. Г. Шкуро, которому немедленно и позвонил.

— «Слышал ли ты, Андрей Григорьевич, что-нибудь об адресе П. Н. Краснову»? — спросил я его. Он ответил, что он не только об этом знает, но уже по этому поводу послал Батьке Атаману Краснову письмо. В нем он выразил Петру Николаевичу свою любовь и безграничную преданность, но упомянул, что появление в печати этого адреса, в котором недвусмысленно высказывается осуждение Ген. Власову, он считает неуместным.

— «Ведь, тогда все твои усилия примирить наших Батек, пойдут насмарку», — добавил он.

Я вполне с ним согласился и сказал, что сейчас же поеду к Петру Николаевичу и, как лицо нейтральное, переговорю с ним по этому вопросу. Мне казалось, что, если Ген. Краснов искренно стремится к сближению с Р.О.А., то он согласится с моими доводами и не допустит появление адреса в такой форме.

Свой разговор с Ген. Шкуро я передал Донскому Атаману и просил его, не подписывая адрес, дать мне его, чтобы я мог показать его Петру Николаевичу. Григорий Васильевич был очень рад таким оборотом дела и охотно вручил мне злополучный адрес.

Мой приезд для Петра Николаевича был совсем неожиданным. Мне пришлось объяснить его неотложностью и важностью одного вопроса. Я показал ему адрес и передал мои разговоры с Ген. Шкуро и Ген. Татаркиным. Затем я сказал, что вполне одобряя и, так сказать, подписываясь под его первой частью, я никак не могу согласиться с его заключением.

— «Это взорвет всю мою работу и, в итоге, приведет к окончательному Вашему разрыву с Р.О.А.» — добавил я.

Должен заметить, что мне приходилось считаться и с тем, чтобы не обидеть Семена Николаевича, как инициатора этого адреса и не нажить в его лице себе неприятеля. Учитывая это, я просил Петра Николаевича, поручить мне немного изменить редакцию адреса и об этом поставить в известность Семена

Николаевича. Я не мог себе представить, чтобы Ген. Краснов не отдавал себе отчета, что появление в печати такого документа, вызовет бурю протеста в кругах Р.О.А. и безусловно исключит всякую возможность урегулировать его отношения с Ген. Власовым. Если его племянник, Семен Николаевич, полагал я, необдуманно допускает подобную ошибку, то обязанность, Петра Николаевича, была ее исправить.

Ген. Краснов согласился с моими аргументами и дал свое благословение видоизменить редакцию адреса. Об этом я немедленно по телефону сообщил молодому Ген. Краснову, сказав, что через день-два, я дополнив несколько редакцию, верну ему адрес.

Семен Николаевич неоднократно торопил меня скорее выполнить это. Но, каждый раз, я ссылался на недостаток времени. Получил он адрес лишь тогда, когда таковой потерял всякий смысл, т. е. накануне свидания П. Н. Краснова и А. А. Власова.

Все это время, примерно через день, я аккуратно посещал Ген. Трухина, а иногда и Андрея Андреевича. Необходимо было выяснить мнение последнего, по целому ряду спорных вопросов, дабы, информируя об этом Ген. Краснова, найти соответствующее решение.

Мне казалось, что Андрей Андреевич, постепенно привыкал ко мне и, как будто бы, относился с большим доверием, чем в начале. Такое заключение, я делал на основании тех откровенных разговоров, каковые он иногда вел со мною. Порой он горячо жаловался мне, что немцы умышленно тянут с назначением его Главнокомандующим Русской Освободительной армией, не отпускают потребного вооружения и снаряжения и в результате — формирование Р.О.А. идет крайне медленно и до сего времени не готова даже и одна дивизия.

— «Я буквально в отчаянии», — как-то сказал Ген. Власов — «и думаю, что моя заветная мечта — выйти с частями Р.О.А. на восточный фронт, установить там соприкосновение с Красной Армией, а через нее и с русским народом, едва ли осуществится. Вот видите» — и он, показав мне какой-то список, где некоторые линии были подчеркнуты красным карандашом, сказал: «Я не имею права назвать Вам фамилии, но все подчеркнутые красным, — наши люди, преимущественно высшие начальники в Красной армии. Они ждут момента, чтобы со своими частями, влиться ко мне. Но разве я могу побороть тупость немцев, а возможно их ко мне недоверие».

Беседуя с генералами Власовым и Трухиным, я пользовался каждым случаем, чтобы убедить их, что все вопросы, между Р.О.А.

и Казачеством, всегда могут быть улажены путем взаимного соглашения начальников штабов, при наличии нормальных отношений между возглавителями. В принципе, они не возражали против и, как будто бы, соглашались с моим мнением.

В одно из очередных посещений Ген. Краснова, я нашел его сильно взволнованным и раздраженным. Держа газету в руках, он встретил меня словами: «Читали, что пишут Ваши Власовцы?» Ничего еще не зная, я спросил: «В чем дело, Петр Николаевич, объясните мне пожалуйста».

Оказалось, что в газете Р.О.А., появилась небольшая заметка о создании, в ближайшие дни, при штабе Ген. Власова Главного Управления Казачьих Войск. Вполне понятно, что это вызвало справедливый гнев Ген. Краснова. Выходило, что при существовании Гл. Упр. Каз. Войск, под его главенством, Ген. Власов собирался формировать таковое у себя, как бы под № 2. Я вполне разделял негодование Петра Николаевича, хотя мой внутренний голос подсказывал мне, что эта заметка, отнюдь не исходит от генералов Власова или Трухина, а скорее является плодом чьей-то злой воли. Но я чувствовал, что убедить в моем предположении, Петра Николаевича, в этот момент, была задача невыполнимая. Он был вне себя, горячо обвиняя Ген. Власова и его штаб в неискренности и лицемерии. Сильно досталось и мне за мои уверения, что, Андрей Андреевич, дружески к нему расположен.

Я считал, что нужно что-то предпринять, дабы хотя немного, успокоить Петра Николаевича. Поэтому, я предложил, тотчас же поехать в штаб Р.О.А., выяснить на месте этот вопрос и вечером вновь приехать к нему с докладом. Мое предложение Ген. Краснов принял. Не теряя времени, я отправился к Ген. Трухину. Мое появление в штабе Р.О.А., без предварительного предупреждения по телефону, весьма удивило Федора Ивановича. Будучи еще под впечатлением разговора с Ген. Красновым, я, едва себя сдерживал, чтобы не начать упрекать штаб Р.О.А. в ведении им двуличной игры. Показав Ген. Трухину заметку, я, сколько мог спокойно, сказал: «Скажите пожалуйста, дорогой Федор Иванович, какой смысл нам обсуждать разные, острые вопросы и искать путь к сближению Р.О.А. и Казачества, когда, одновременно, в Вашей газете появляется такой недопустимый и обидный вызов Ген. Краснову и казачьему командованию?» Затем я указал, что трудно даже предвидеть какие непоправимые и вредные последствия вызовет эта заметка.

— «Ведь она может быть истолкована, как окончательный разрыв Казачества с Р.О.А.» — заметил я, — «и, конечно, казачья пресса с негодованием встретит это заявление и даст

заслуженный ответ».

Вспомнив случай с адресом Ген. Краснову, я сказал, что, когда несколько дней тому назад, по недоразумению, но отнюдь не умышленно, мог быть сделан выпад против Р.О.А., я принял все меры, чтобы его не допустить. В ответ на это Ген. Трухин сказал: «Мы об этом прекрасно информированы и очень Вам благодарны». Значит, надо было полагать, что среди ближайшего окружения Петра Николаевича, находились лица, передававшие все штабу Ген. Власова и, вероятно, с известными комментариями.

Быть может, я тогда ошибался, но мне казалось, что Ген. Трухин был крайне растерян. Видимо и для него самого, это явилось большим и неожиданным сюрпризом. Он несколько раз перечитал заметку и затем, пожав плечами, сказал: «Верьте мне, я сам ничего не понимаю и сейчас же спрошу Андрей Андреевича».

Его разговор с Ген. Власовым по телефону, я слышал. Он прочитал ему пресловутую заметку, добавив, что я нахожусь у него и ожидаю выяснение этого вопроса. Кончив разговор, он с некоторой официальностью, сказал: «И Ген. Власов и я, заверяем Вас, что мы никого не уполномочивали делать подобное, неуместное заявление». Одновременно Федор Иванович, обещал безотлагательно сделать от штаба соответствующее опровержение, дабы избежать возможных кривотолков.

После этого, он вышел в другую комнату, где говорил с кем-то но телефону, но что именно я разобрать не мог. Вернулся он несколько смущенным, но еще раз подтвердил мне, что ни Ген. Власов, ни штаб Р.О.А. в происшедшем неповинны. Его ответ далеко меня не удовлетворил, ибо автор заметки, все-таки оставался не выясненным. Делая разные предпосылки, дабы разгадать, кто мог быть заинтересован в появлении такого объявления, я приходил к заключению, что оно могло исходить от лица, близкого к казачеству, но стоящего на стороне Ген. Власова и, следовательно, занимающего недружелюбную позицию по отношению Ген. Краснова.

Свои подозрения, я высказал Ген. Трухину, на что он ответил как-то уклончиво, сказав, что это ему неизвестно, а потому он не может пи утверждать, ни отрицать. В этих словах, как будто бы, не было фальши и они меня не только не разубедили в моем предположении, но скорее в нем укрепили.

Из штаба Р.О.А., я поехал к Ген. Краснову. Передав ему мой разговор с Ген. Трухиным, я поделился с ним моими подозрениями, относительно возможного источника газетной заметки. Петр Николаевич, не отрицал правильности такого предположения и сказал, что после заявления Ген. Трухина, не

исключается возможность, что автор заметки есть один из казаков, хорошо известных штабу Р.О.А.

Я знал, что в этот день вечером, Донской Атаман едет в Прагу, где находились генералы Б. и А. Я решил поехать с ним и там попытаться выяснить этот вопрос у названных генералов. Обоих их, я знал еще из времен Гражданской войны и глубоко уважал. Хотя мое намерение понравилось Петру Николаевичу, но он заметил, что я напрасно льщу себя надеждой, что моя поездка увенчается успехом.

Однако я все-таки поехал и на другой день утром, Донской Атаман, я и Полк. С. прибыли в Прагу. Ген. Татаркин устроил, кажется, в русском ресторане, «Огонек», казачье заседание, на которое были приглашены и оба генерала. Ген. Б. пришел во-время. Вскоре, к сожалению, загудел «аларм». Тамошние сторожили, заверили нас, что воздушные эскадрильи, обычно мирно перелетают город, почему мы остались в помещении, ожидая Ген. А. К нашему огорчению, последний не пришел и после «отбоя».

В виду этого, мне пришлось о появлении газетной заметки, говорить только с Ген. Б. в присутствии Донского Атамана и Полк. С. В конце разговора, я спросил его — не исходит ли она от него? Очень решительно он ответил, что казачьими делами он не интересуется, т. к. является в Праге, представителем Ген. Власова, по гражданской части.

— «Тогда, быть может, ее автор Ген. А.? — спросил я. Еще более категорически, он заявил мне, что названный генерал не проявляет интереса, к казачьим вопросам. Сомневаться или не верить словам генерала, у меня не было оснований и сказанное пришлось принять за чистую монету. Но из разговоров с Петром Николаевичем, у меня создалось впечатление, что оба генерала, занимают в отношении его не особенно дружескую позицию.

Ночью я оставил Прагу, будучи очень расстроенный полной своей неудачей. Крайняя усталость, даже измученность, две бессонных ночи и ненужная трата денег — таков был результат моего путешествия.

О моих разговорах в Праге и о встрече там с Ген. В., я подробно информировал Ген. Краснова, не скрыв от него и своего разочарования безрезультатностью моей поездки. Заметив мое подавленное настроение, Петр Николаевич, старался меня ободрить и доказать, что, если даже автором газетной заметки и был один из генералов, то он, конечно, в этом бы не признался. Наиболее важным было то, что этот вопрос фактически уже потерял свою остроту и, так сказать, был снят с повестки дня. Ген. Краснов больше о нем не вспоминал, будучи, видимо,

удовлетворен той формой, как он был улажен, а, значит, не было смысла дальше его дебатировать.

Мое очередное посещение Ген. Трухина, носило опять прежний дружеский характер. Я замалчивал мой предыдущий визит к нему, не вспоминал и он о нем.

К этому времени, у меня окончательно созрело решение о необходимости встречи Петра Николаевича с Андрей Андреевичем, что, по моему, сблизило бы их и послужило прочным фундаментом для их дружной совместной работы. Этой мыслью, я поделился с Ген. Трухиным, желая знать его мнение. Я сказал, что по моему убеждению, все наши усилия установить и поддерживать постоянный деловой контакт между Р.О.А. и Казачеством, не будут прочны и не дадут желательного результата до тех пор, пока, генералы Краснов и Власов, не встретятся лично.

— «Только при личном свидании,» — сказал я, — «они сами смогут обо всем договориться, смогут высказать свои основные взгляды, сделать некоторые утупки, внеся нужные коррективы, а дальше дело начальников штабов, проводить в жизнь их указания. Их встреча, могла бы в корне изменить нынешнее ненормальное положение, когда Вы, например, не знакомы с начальником штаба Глав. Управ. Каз. Войск С. Н. Красновым и даже никогда не говорили с ним по телефону. При таких условиях, конечно, трудно ожидать, что вопросы, каковых с каждым днем будет все больше и больше, будут разрешаться и улаживаться полюбовно. Я бы считал свою миссию успешно законченной, если бы состоялось свидание, каковое привело к искреннему примирению генералов Краснова и Власова и тогда, я бы, с легким сердцем, вернулся в Вену».

Желая ярче пояснить мою мысль, я сказал Федору Ивановичу, что, говоря о возможности свидания вождей и считая этот вопрос чрезвычайно щекотливым, я отнюдь не намереваюсь предложить одному из них посетить другого. Такое предложение могло бы задеть их амбиции, особенно, при наличии между ними какой-то личной предвзятости.

— «Я не знаю,» — сказал я — «как бы это расценивал Ген. Власов, но что касается Ген. Краснова, то мне думается, такая форма, едва ли была бы им приемлема».

Развивая свой план, л высказал Федор Ивановичу, предположение, что на свидание с Ген. Власовым, где либо на нейтральной почве, мне бы, возможно, удалось уговорить Ген. Краснова. Но, при этом я решительно подчеркнул, что это лишь мое личное мнение, но никак не утверждение, ибо по этому вопросу я с Ген. Красновым еще не говорил, намереваясь это

сделать в ближайшие дня.

Мое предложение встретило сочувствие у Ген. Трухина. По его мнению, личное свидание Андрей Андреевича с Петром Николаевичем безусловно необходимо, иначе все наши усилия, в сущности, беспочвенны и висят, как бы, в воздухе. Он одобрил также, предложенную мною форму свидания, сказал, что зная характер Ген. Власова, нельзя надеяться, чтобы он согласился первым поехать с визитом к Ген. Краснову. Встречу же в нейтральном месте, он, вероятно, примет. Однако, этот вопрос, по его словам, надлежало провести тонко и дипломатично, подготовив, постепенно, для этого почву.

После всестороннего обсуждения возможности устройства свидания и, придавая этому факту чрезвычайно важное значение, было решено, что я беру на себя задачу добиться согласия Ген. Краснова, а Ген. Трухин займется исподволь подготовкой в этом направлении Ген. Власова, с целью облегчить мне успех, при моем разговоре с последним.

Самая встреча, по нашему расчету, могла состояться, не раньше десяти дней. Нам пришлось учесть отъезд сегодня ночью Ген. Власова и Федор Ивановича в район расположения 1 дивизии Р.О.А. и предполагаемое их возвращение не раньше 2-го января 1945 г. Мы условились, что во время этой поездки, Ген. Трухин в нужном смысле информирует Ген. Власова, а главную атаку должен буду выполнить я, после их возвращения. Здесь же, Ген. Трухин, предупредил меня, что Андрей Андреевич, спрашивал обо мне, а потому предложил вместе с ним пройти к нему.

Ген. Власова я нашел в очень хорошем и даже веселом настроении. Сегодня он особенно много рассказывал интересного из своей жизни, вспоминал свое детство, временами шутил и что мне было весьма приятно, избегал острых вопросов и шпилек по адресу Казачества.

Но вдруг он сделался необычайно серьезным и сказал: «Хочу Вам рассказать Иван Алексеевич, как широко популярна и какой любовью пользуется Р.О.А. среди русских, находящихся в Германии. Вот Вам наглядное доказательство» и он показал 15–20 штук золотых десятирублевок, лежавших на его письменном столе. «Сегодня утром», — продолжал он — «ко мне пришла наша русская, самая обычная работница на одной из немецких фабрик, пришла и говорит: «Вот тебе Андрей Андреевич, весь мой капитал, все мои долголетние сбережения, возьми их на свою армию». Такая жертвенность простой работницы, которая, не колеблясь, дала на армию все свое состояние, так глубоко меня тронула, что я сразу не мог ответить ей, что то сдавило мне горло. Только овладев собою, я горячо поблагодарил ее,

поцеловал и крепко сжал ее честную, мозолистую руку».

После небольшой паузы, Андрей Андреевич сказал, что, если бы нужны были только деньги, он крикнул бы клич и русские засыпали бы его деньгами. Но, к сожалению, в первую очередь, требуется сейчас то, что за деньги купить нельзя. И он долго и ярко рисовал положение Р.О.А., ее нужды, безмозглую политику немцев, посылая в их адрес далеко нелестные эпитеты и временами раздраженно стуча кулаком по столу.

— «Известно ли Вам» — спросил он меня, — «сколько сейчас в Германии русских, включая женщин и детей?» Я ответил отрицанием.

— «Тогда я Вам скажу», — продолжал Андрей Андреевич уже громким голосом, — «не менее 16 миллионов. Возьмите только 10 %. Получилась бы огромная армия, которая бы смела все на своем пути. А немцы все еще не понимают, что связывая меня, они сами роют себе яму».

В такие минуты Ген. Власов напоминал мне льва, впервые попавшего в клетку и тщетно пытающегося вырваться на свободу. И должен признать, что в эти моменты он был необычайно красив в своем гневе. Вся его фигура дышала безграничной энергией и огромной внутренней силой воли, что невольно тянуло и привлекало к нему слушателей.

Немного успокоившись, он вызвал к себе казначея штаба и, передавая ему золотые десятирублевки, сказал: «Возьми и храни это пуще твоего глаза, исчезнут — предавать суду не буду, а повешу сам. Знай, что эти деньги долгие годы добывались потом, кровью и тяжелым трудом».

Уйти от Андрей Андреевича, не перекусив и без рюмки водки, было немыслимо и он мог бы даже обидеться. Поэтому, мы и сегодня, кончив наши разговоры, перешли в столовую. Как обычно на столе стояли: селедка, кислая капуста, картофель, сало или колбаса, хлеб и графин водки. Затем следовала чашка чая. Столь скромны были ужины у командующего Р.О.А., что показывало крайнюю ограниченность требований Андрей Андреевича в отношении своей личной жизни.

На мой вопрос — когда бы я мог опять его видеть, Ген. Власов советовал мне приехать к нему 2-го января вечером, предполагая в этот день утром быть уже дома.

Я поздравил его и Федор Ивановича с наступающим Новым Годом, пожелав им обоим здоровья и полного успеха в их начинаниях, связанных с русским национальным делом.

После этого, я оставил гостеприимный дом и с большим трудом, в полной темноте, добрался до вокзала.

Вернувшись в Берлин, я решил завтра уехать в Вену, дабы

немного отдохнуть и привести в порядок мой скромный гардероб, уже пришедший в полную негодность. Посетив Ген. Краснова, я передал ему мой вчерашний разговор с Ген. Власовым, упомянул, что он и Ген. Трухин уехали и вернутся назад не ранее 2-го января и поставил его в известность, о моем намерении уехать в Вену. Я обещал Петру Николаевичу быть обратно в Берлине 2-го января утром, чтобы вечером посетить Ген. Власова, а 3-го быть у него. Обменявшись новогодними поздравлениями и сердечными пожеланиями, — мы расстались.

В этот же день вечером[4], я ехал в Вену, радуюсь, что несколько дней проведу спокойно.

Когда, после длительного перерыва, я вновь посетил казачий штаб в Вене, я явился предметом особого внимания. Почти все чины штаба проявляли большой интерес к моей акции примирения генералов Краснова и Власова. Меня удивило, что многие из них были достаточно в курсе хода переговоров.

Беседуя с казачьими, а также и Р.О.А. офицерами, я убеждался, что они решительно осуждали существующую натянутость отношений между Р.О.А. и казачеством и горячо желали скорейшего устранения этого ненормального явления. Как и надо было ожидать, одни из них вину за все возлагали на казачье командование и, в частности, на Петра Николаевича, а другие, наоборот, относили все это за счет Ген. Власова. Самое важное было то, что и те и другие были недовольны существующим положением, причем, некоторые главную причину всего этого усматривали в личном недружелюбии генералов Краснова и Власова, с чем я внутренне, к сожалению, не мог не согласиться.

Я не буду передавать все, что в эти дни я слышал в Вене, но скажу лишь, что на этой почве создавались чудовищные слухи и о Краснове и о Власове каковые, передаваясь из уст в уста, разжигали в массе страсти и делили ее на два враждебных лагеря.

Утром 2-го января, я вернуля в Берлин, а вечером посетил Ген. Трухина. К сожалению, Федор Иванович был крайне занят. В его отсутствие скопилось много работы и одновременно его осаждала масса посетителей. В виду этого, он уделил мне мало времени. Все же он рассказал мне, что по нашему вопросу он уже говорил с Ген. Власовым и вынес впечатление, что последний, по-видимому, согласится на мое предложение встретиться с Ген. Красновым.

Он предупредил меня, что Андрей Андреевичу уже известно, что именно сегодня я буду говорить с ним по этому вопросу. Это обстоятельство уже значительно облегчало мне выполнение весьма трудной задачи.

Что касается Петра Николаевича, то зная его много лучше, чем Андрей Андреевича, я чувствовал уверенность, что мне легче удастся склонить его на это. Достаточно охрабренный таким сознанием, я пошел к Ген. Власову. Но сегодня и здесь мне пришлось долго ждать.

Ген. Власов был в хорошем настроении и это могло сулить мне успех. Из первых его слов я понял, что он доволен своей поездкой и посещением частей Р.О.А. Будучи у него в последний раз, я не сказал ему, что уезжаю в Вену, однако он был уже осведомлен об этом, ибо спросил меня: «А как Вам было в Вене, что там нового хорошего?»

Я воспользовался этим вопросом и передал ему разговоры, которые мне пришлось там слышать, а также и впечатление, которое я вынес. Изложив ему все подробно, я сказал: «Откровенно скажу Вам, Андрей Андреевич, что все это оставило на меня чрезвычайно тяжелый осадок. Если на верхах Р.О.А. и Казачества существуют, быть может, взаимное непонимание и некоторые разногласия, то в низах это превращается уже в открытую вражду. Скажу Вам больше, что там зачастую и возносят и поносят и Ваше и Петра Николаевича имена и едва ли требуется доказывать, что это только вредит русскому национальному делу. Дальше откладывать нельзя, нужно безотлагательно положить конец этому. Все зависит от Вас и Ген. Краснова, почему, я полагаю, необходима Ваша встреча с ним. Я совершенно убежден, что Ген. Краснов будет только приветствовать такое решение. Тогда Вы, взаимно, легко уладите все важные вопросы и заложите прочный фундамент дружеским отношениям между Р.О.А. и Казачеством, что весьма важно для будущей Вашей совместной работы».

Ген. Власов очень спокойно ответил: «С Федор Ивановичем мы разбирали этот вопрос и я знал, что и Вы сегодня его затронете. Вы слышали от меня, что Петра Николаевича я высоко ценю и уважаю, и я охотно готов встретиться, дабы всесторонне обсудить создавшееся положение».

— «Но решен ли этот вопрос уже с Петром Николаевичем?» Я ответил: «В такой форме, как Вам, я не задавал его Ген. Краснову, но из частых бесед с ним, я вынес не только впечатление, но и полную уверенность, что Ген. Краснов, всегда столь же высоко ценя и уважая Вас, будет только рад встретиться с Вами. Если бы я в этом не был убежден, я не считал бы возможным в такой плоскости ставить Вам мое предложение».

— «Уверены ли Вы, Иван Алексеевич, что Петр Николаевич примет все мои условия, как основу для дальнейшей дружеской совместной работы?», задал мне вопрос Ген. Власов.

— «С уверенностью я не могу утверждать,» — сказал я — «но думаю, что подходя к решению этого вопроса с искренним желанием взаимно устранить все препятствия, стоящие между Р.О.А. и Казачеством и, сделав при этом, нужные уступки, Вам удастся найти среднюю линию, каковая удовлетворит обе стороны».

— «А где предполагается встреча?» — поинтересовался Андрей Андреевич.

— «Пока еще я и сам не знаю», — ответил я, — «но постараюсь устроить таковую в ближайшие дни на нейтральной почве, а где именно и когда точно, я доложу Вам через день, два».

На эти мои слова, Ген. Власов, пожимал мне руку, сказал: «Ну, действуйте, действуйте Иван Алексеевич, лишь бы конец был удачный».

Затем, он опять продолжал рассказывать о своей поездке, пока вдруг, не прервал свой рассказ, словами: «Пойдемте сейчас наскоро что-нибудь перекусим, ибо сегодня я чувствую себя очень усталым».

Оставался я у Андрей Андреевича недолго и вскоре поехал домой, будучи очень доволен результатом сегодняшнего моего к нему визита.

Прибыв к себе в отель, я позвонил в Гл. Упр. Каз. Войск и просил передать Ген. Краснову, что я нахожусь в Берлине и прошу его, если можно, принять меня завтра утром. Вскоре, на это последовало согласие.

Теперь мне предстояло решить не менее сложную задачу — уговорить Петра Николаевича и подыскать место встречи, которое удовлетворило бы обоих генералов. С просьбой помочь мне в последнем, я обратился к Донскому Атаману, Полк. С., а также и другим лицам. Не могу вспомнить, кто именно из них сказал, что в предместье Берлина, по соседству с Ген. Красновым, живет русский старый эмигрант[5], бывший помещик из Прибалтийского края. Он находится в дружбе с обоими генералами и, кажется, даже состоит членом «Комитета Освобождения России». Если это отвечало действительности, то лучшего места для встречи Краснова и Власова трудно было и придумать. Поэтому я, раньше визита к Петру Николаевичу, решил посетить названного помещика, познакомиться с ним и просить разрешения устроить, если это будет нужно, в его квартире встречу генералов.

Он жил на одной улице с Ген. Красновым и я легко нашел его виллу. Принял он меня официально и холодно. Но услышав, что я хорошо знаю генералов Краснова и Власова и, узнав о цели моего посещения, он изменился и его лицо расплылось в широкую

улыбку. Он очень охотно согласился исполнить мою просьбу и сказал, что он с удовольствием предоставит для этой цели всю свою квартиру и будет гордиться, что в его доме произойдет такое историческое свидание этих двух больших русских патриотов, которых он одинаково и любит и уважает. Будучи не менее его доволен таким результатом, я горячо поблагодарил его и мы уговорились, что я еще зайду к нему, чтобы заблаговременно предупредить о дне и часе встречи и условиться о разных деталях.

Направляясь к Ген. Краснову, я лелеял мысль, что он согласится встретиться с Ген. Власовым. Несколько раз я намекал ему об этом, но он каждый раз обходил это молчанием. В таких случаях молчание Петра Николаевича надо было истолковывать, как его согласие.

После приветствий и обыденного разговора, я подробно рассказал Ген. Краснову о слухах и сплетнях, какие ходят в Вене о нем и Ген. Власове. Не скрыл и того, что многие казачьи офицеры очень недовольны позицией высшего казачьего командования в отношении Р.О.А. и Ген. Власова и что симпатии некоторых из них определенно склоняются на сторону последнего.

— «Как я мог уловить», — сказал я, — «общее желание — скорее урегулировать существующее несогласие».

Затем я передал Ген. Краснову почти полностью мой вчерашний разговор с Ген. Власовым, из которого ему было ясно, что Андрей Андреевич выразил согласие встретиться с ним.

— «Теперь за Вами очередь, Ваше Высокопревосходительство», — сказал я. — «Если вчера», — продолжал я, — «на вопрос Ген. Власова я ответил так уверенно, о чем я Вам только что доложил, — то лишь потому, что был глубоко убежден, что и Вы, так искренне желающий добрососедских отношений с Р.О.А., также примите мое предложение».

— «Вы правильно поступили Иван Алексеевич,» — сказал Ген. Краснов. «Я не вижу причин, препятствующих мне повидать и поговорить с Андрей Андреевичем, но вопрос, — где?»

Я назвал фамилию его соседа, рассказал о моем к нему визите, а также и о том, что он обещал мне в любое время предоставить для этой цели свою квартиру.

— «Мне думается», — сказал я, — «выбранное место весьма подходящее; во-первых — эта вилла почти рядом с Вами, а во-вторых, — ее хозяин Ваш хороший знакомый. Если Вы согласны, то скажите мне — в какой ближайший день и, примерно, час для Вас наиболее удобно это свидание. Надо учитывать еще, что наступают наши Рождественские праздники».

После короткой паузы Петр Николаевич ответил, что ему совершенно безразлично в какой день и что я могу располагать им в любой час от 9 часов утра до 9 вечера и что теперь не приходится считаться с праздниками.

Я был чрезвычайно благодарен Ген. Краснову за такой ответ, который весьма облегчал мне возможность установить с Ген. Власовым уже окончательную дату и час встречи. Я искренно благодарил Петра Николаевича, что он принял предложение и обещал о дальнейшем заблаговременно поставить его в известность. В последний момент, прощаясь со мною, он сказал, что в связи с предстоящей его встречей с Ген. Власовым, ему нужно переговорить со мной завтра по одному важному вопросу. Так как завтра утром мне нужно было быть у Ген. Власова, дабы окончательно установить место, день и час свидания, то мы решили, что к Петру Николаевичу я приеду вечером.

На другой день я осведомил Ген. Трухина о согласии Петра Николаевича и о месте предстоящего свидания и сказал ему, что теперь мне необходимо переговорить с Ген. Власовым.

Я скоро был последним принят. Передавая ему мой разговор с Петром Николаевичем, я особенно подчеркнул, что Ген. Краснов, как и надо было ожидать, охотно принял предложение, надеясь, что личными переговорами удастся, к обоюдному согласию, разрешить все главные вопросы и, так сказать, расчистить атмосферу. Очень понравилось Андрей Андреевичу место встречи, в квартире его хорошего знакомого. Оставалось решить вопрос дня и часа, что оказалось не так просто выполнить. Пришлось вызвать на помощь Ген. Трухина. Последний, взяв свою записную книжку, читал вслух, где в ближайшие дни должен быть Ген. Власов. Выходило, что, почти за две недели вперед, у Ген. Власова все дни и часы были заняты. Только 7-го января, около пяти часов вечера, он мог быть свободным. В этот день он был приглашен присутствовать на елке детей русских рабочих, кажется, на фабрике имени маршала Геринга. Празднование там начиналось в два часа дня. В конечном итоге, мы условились, что около трех часов я приеду в помещение, где состоится елка, а в четыре часа мы поедем автомобилем, чтобы точно в пять часов быть на месте встречи. На всякий случай я должен был поддерживать по телефону связь с Ген. Трухиным, дабы быть в курсе каких либо возможных, неожиданных изменений нашего плана.

Когда, в этот день вечером, согласно желанию Ген. Краснова, я ехал к нему, меня крайне интересовало — какой именно важный вопрос явится предметом нашего разговора.

Будучи у Петра Николаевича, я раньше всего, доложил ему,

что Ген. Власов местом встречи остался доволен, но, к сожалению, может быть свободным только 7-го января в 5 часов вечера, т. е. на первый день нашего Православного Рождества.

— «Для меня и день и час также приемлемы и, значит, будем считать это окончательно установленным», — сказал Петр Николаевич.

— «В связи с этим, у меня к вам просьба Иван Алексеевич и я сейчас скажу в чем она состоит». После этого Ген. Краснов сказал, примерно, следующее: «Надеясь, что мои переговоры с Ген. Власовым окончатся успешно, я решил установить и поддерживать с ним постоянный контакт, путем учреждения при штабе Р.О.А. Зимовой Станицы, т. е. казачьего посольства. Такую форму связи Казачества и Р.О.А. я предложу Андрей Андреевичу при моем с ним свидании. Кроме Вас, я не нахожу сейчас никого, кто бы мог стать во главе Зимовой Станицы. Вы свой человек у Ген. Власова и, особенно, у Ген. Тру-хина; они Вас знают, считаются с Вами и в то же время, Вы остаетесь преданным казачеству и отстаиваете его интересы. Если Вы согласны, то я прочитаю Вам грамоту, введу Вас в курс процедуры посылки Зимовой Станицы и объясню главные ее функции».

Это предложение было для меня полной неожиданностью. Я мог все предполагать, но только не это. Служить я не собирался, о чем в первый день поставил в известность Петра Николаевича. Наша оценка общей военной обстановки была разная: он верил в победу немцев, я сомневался, считая, что Германия стоит накануне краха. Видел я и трагедию П. Н. Краснова, в его ужасном одиночестве. Он весьма тяжело переживал события и только внутреннее чувство, не допускало его признаться в этом. Не даром в его словах часто звучали грустные нотки и косвенные намеки на его крайне трудное и тяжелое положение. Кроме его племянника С. Н. Краснова, безусловно ему преданного, у него, в сущности, почти никого не было. Его окружение льстило ему, часто искажало и скрывало истинное положение, чем вводило его в заблуждение и при этом нередко больше заботилось о личном благополучии, нежели об общем деле. Передо мной была дилемма: отказать Петру Николаевичу, значило бы нанести ему, которого я и любил, и уважал, и коему был бескорыстно предан, — большую рану. Принять предложение — было для меня равносильно насильственному акту над. моей волей и сознанием. Я вспомнил, как часто и Ген. Краснов и Ген. Власов говорили мне, что Западных союзников они не считают своими противниками, что их единственный неприятель — советская власть и коммунизм. И они даже выражали уверенность, что их точка зрения: хорошо известна Лондону и Вашингтону.

Борясь внутренне сам с собой, я сказал: «Если Вы, Петр Николаевич, признаете для дела нужным мое назначение, то я согласен.»

Дав такой ответ, я все же надеялся, что даже при неизбежной катастрофе, мне, быть может, удастся оказать Петру Николаевичу, а значит и Казачеству, посильную помощь. Моим согласием Ген. Краснов остался доволен и тепло поблагодарил меня. Затем, он начал во-всех подробностях знакомить меня с церемонией предстоящей посылки Зимовой Станицы к Ген. Власову. Он прочитал мне прекрасно составленную им грамоту, каковую Атаман Зимовой Станицы, по прибытии к Ген. Власову, должен будет огласить в особо официальной и торжественной обстановке, с участием почетного караула и хора трубачей. Почетную свиту Атамана, по замыслу Петра Николаевича, должны были составить представители Всевеликого Войска Донского, Кубанского, и Уральского или Оренбургского. При этом он сказал, что Ген. Доманову уже послано приказание командировать из Италии в Берлин указанных представителей. Не упустил Ген. Краснов сделать даже набросок штата канцелярии Атамана Зимовой Станицы и, передав таковой мне, просил меня, если нужно, внести соответствующие коррективы.

Я был буквально поражен той огромной работой, которую выполнил Петр Николаевич в такой короткий срок. Эта большая работа, сделанная Ген. Красновым, красноречиво говорила мне, как серьезно он готовился к предстоящей встрече с Ген. Власовым и что он верил в ее успех. Давая мне разные пояснения и указания, оп говорил в полном убеждении, что все это будет осуществлено.

К сожалению, поздний час и необходимость предупредить соседа Петра Николаевича о дне свидания генералов, вынудили меня напомнить об этом Ген. Краснову и, тем самым, прервать нашу интересную беседу.

Соседа — помещика, — я застал дома и сообщил ему день и час намеченной встречи.

— «Вся моя квартира в полном Вашем распоряжении,» — ответил он. Обсуждая с ним вопрос встречи, я просил его предназначить одну комнату для конфиденциального разговора, без свидетелей, генералов Краснова и Власова. Сознавая важность предстоящего события, он сказал, что по его мнению, никто из посторонних в этот день присутствовать не может. Конечно, я только мог приветствовать такое его решение. Но, когда я приехал с Ген. Власовым, то вся квартира оказалась полна людьми. Заметив мое удивление, хозяин подошел ко мне и сказал: «Прошу Вас иметь в виду, что здесь только мои

родственники, чужих никого.»

Приехав к себе в отель, я оповестил казачью старшину, кого лично, кого по телефону, о предстоящем свидании генералов Краснова и Власова. Однако, этим подготовительная работа не была закончена. Надо было на следующий день сообщить Ген. Трухину, что Ген. Краснов согласен с местом, днем и часом свидания.

Вечером я был приглашен на заседание казачьих генералов, устроенное в помещении Глав. Управ. Каз. Войск, по инициативе С. Н. Краснова.

Не могу обойти молчанием этого собрания, так как оно мне косвенно подтвердило, что на «внутреннем фронте» у П. Н. Краснова не все благополучно. На заседании присутствовали: Донской и Кубанский атаманы и генералы: С. Краснов, Г., Д., А. и В. Как старейший казак, заседание открыл Ген. А. Он говорил о ненормальности взаюккп-ношении между генералами Власовым и Красновым причем вину за это возлагал преимущественно на последняго. Из его слов можно было сделать заключение о необходимости поддержать ген. Власова.

Тогда я попросил слово и решительно заявил, что здесь, в сущности предлагается порвать с Ген. Красновым накануне его встречи с Ген. Власовым. Между тем, продолжал я, есть основание полагать, что это свидание послужит к установлению их прочной дружбы. Большинству присутствующих здесь, все это известно. Акция примирения генералов Краснова и Власова, продолжал я, ни от кого мною не скрывалась а, наоборот, я охотно информировал каждого, кто проявлял к этому интерес». —

Заседание было вскоре закончено.

С раннего утра 7-го января, будучи в напряженно — нервном состоянии, я неотлучно сидел у телефона, ожидая звонка, опасаясь, дабы какая-либо непредвиденная случайность, не нарушила намеченного плана. Наконец, около трех часов дня, я вышел из отеля и с трудом отыскал фабрику, где была русская елка. Благодаря предусмотрительной любезности Ген. Трухина, приказавшего офицеру Р.О.А. ожидать меня, я беспрепятственно миновал полицейский кордон, очень тщательно охранявший здание.

В большом зале я увидел Ген. Власова, окруженного группой русских и немецких генералов, в красивой военной форме. В штатском костюме, среди них, я чувствовал себя как-то неловко, особенно, когда занял место рядом с Андрей Андреевичем, каковое мне любезно уступил Ген. Трухин. Конечно, такое внимание, оказанное мне, я всецело относил в адрес Ген. Краснова.

В четыре часа дня, оставив вместо себя Ген. Малышкина, Ген. Власов покинул зал, в сопровождении Ген. Трухина.

Когда мы поехали, Андрей Андреевич, заметив, что за нами мчатся два полицейских автомобиля, сказал сердито: «Какого дьявола, они не оставляют меня в покое и все время ходят за мной по пятам».

В начавшемся разговоре, Ген. Власов начал вспоминать свое пребывание в плену и сильно поругивать немцев. У меня в памяти запечатлелся только его рассказ о том, как однажды, немецкий лейтенант вошел к нему в комнату и нашел его, лежащим на нарах. Он грубо потребовал, чтобы, Андрей Андреевич, встал. — «Я ответил ему через переводчика, что русский генерал не будет вставать перед немецким лейтенантом,» — рассказывал Ген. Власов. Ответ буквально взбесил лейтенанта. Он намеревался даже расправиться со своим собеседником физически. Однако, увидев на лице Власова непоколебимую решимость дать отпор, лейтенант изменил свое намерение и побежал за майором. Вскоре они появились вместе. Последовало бурное объяснение, брань и угрозы избиения, но в итоге, Андрей Андреевич был переведен в другой барак, под команду менее требовательного немецкого лейтенанта.

Точно в 5 часов мы подъехали к вилле и вошли в квартиру, где Ген. Власов был чрезвычайно любезно и радостно встречен хозяином. Оставив здесь обоих генералов, я тотчас же поехал за Ген. П. Н. Красновым. И он, и Семен Николаевич, были уже в шинелях, совершенно готовые к отъезду. Я сообщил им, что Ген. Власов уже приехал и, как мне показалось, находится в отличном настроении. Прекрасно помню, как милая супруга Петра Николаевича, Лидия Федоровна, в момент, когда мы выходили, сказала мне: «Я Вас прошу Иван Алексеевич поддержать там Петра Николаевича». Я успокоил ее, сказав, что по моему внутреннему чутью, все кончится благополучно и нет никаких причин волноваться. Заметно, немного нервничал и Петр Николаевич. Через две минуты мы были у нашей цели.

При появлении Ген. Краснова, все встали и наступила мертвая тишина. Подойдя к Ген. Власову, стоявшему в этот момент посреди комнаты, Ген. Краснов обратился к нему с кратким словом приветствия. В необычайно красивой по форме и глубокой по содержанию речи[6], он приветствовал Ген. Власова. Он сказал, что счастлив видеть здесь храбрейшего и любимого русского вождя, который на своих богатырских плечах несет тяжелую и ответственную работу и который с непоколебимой верой в правоту и успех, творит большой и святое русское дело.

С не меньшим темпераментом и искренностью, на

приветствие Ген. Краснова ответил Ген. Власов. Он ярко оттенил, что он гордится сознанием встретить здесь славнейшего и популярнейшего Донского Атамана, бесспорного авторитета среди всего казачества и верховного вождя доблестных казачьих частей.

После обоюдного приветствия, когда генералы еще стояли, к ним подошел хозяин дома и любезно предложил, если они желают, перейти в кабинет, где они наедине могут обменяться мнением. Они приняли предложение и удалились, оставив нас среди гостей. С. Н. Краснов сел рядом с Ген. Трухиным и оживленно с ним разговорился. Это обстоятельство я считал важным, так как было заранее предусмотрено, что по окончании переговоров генералов, должны быть вызваны начальники штабов.

Во всех комнатах было довольно шумно, но все же, временами до моего уха долетал раскатистый, порой с оттенком недовольства, бас Ген. Власова, что, по моему, не предвещало ничего хорошего. Все напряженно ждали конца переговоров. Не скрою, что, быть может, больше всех, нервничал я. Так продолжалось, думаю, не менее часа. Вдруг, неожиданно открылась дверь кабинета и мы услышали голос Ген. Власова: «Прошу Трухина и Полякова». На лице С. Н. Краснова выразилось, как бы, недоумение и вопрос — почему вызван я, а не он, как начальник штаба. Это мне это было непонятно, но вскоре я узнал причину этого.

Когда мы вошли в кабинет, то с первого взгляда, судя по позам и выражению лиц генералов, можно было безошибочно сказать, что переговоры окончились неуспешно. Действительно, так и было. Что и как говорили между собой генералы Краснов и Власов, мне неизвестно; эту тайну они унесли с собой в могилу. Спрашивать их об этом я не считал возможным, а сами они этого вопроса в полном объеме не поднимали. Большую ценность для меня представлял последующий разговор, в котором я лично принимал участие и который передам сейчас с наибольшей точностью. Наше появление Ген. Краснов встретил словами: «Иван Алексеевич, я с Андрей Андреевичем, к сожалению, не мог договориться.»

Я: «Я этого понять не могу. Два человека, делающие одно и то же большое дело, глубоко уважающие друг друга, прибывшие сюда с искренним желанием полюбовно решить все спорные вопросы, заверения о чем я часто слышал от обоих, — в результате, не могли найти общий язык? По моему убеждению, в данном случае, самое главное — наличие доброй воли с обеих сторон, а техническая разработка острых вопросов и нахождение

среднего решения это — дело начальников штабов. Не правда ли, Федор Иванович?»

Ген. Трухин: «Я горячо поддерживаю Вашу точку зрения и считаю, что необходимо лишь желание принципиально прийти к соглашению, а при наличии такового, — всегда можно найти соответствующую линию».

Ген. Краснов: «Андрей Андреевич требует единого командования и безоговорочного подчинения ему Казачества. Об этом можно говорить, когда Андрей Андреевич станет Главнокомандующим всеми русскими национальными силами и когда будет единый фронт. Но пока такового нет. Сейчас Р.О.А. только формируется, тогда как казаки уже давно ведут борьбу на боевом фронте и подчинены немецкому командованию. При таком положении, я не имею права отдать приказ о снятии их с боевого участка и передаче Андрею Андреевичу.»

Ген. Власов: «Говоря об едином командовании, я не ставил такого условия, так как отлично сознаю, что оно невыполнимо.»

Ген. Трухин: «Сейчас единое командование будет иметь больше значение моральное, чем практическое, но его ценность состоит в том, что оно положит предел разным кривотолкам и установит нормальные и дружеские взаимоотношения между Р.О.А. и Казачеством».

Я: «Я также не могу отрицать необходимости установления единства командования; для меня это — азбука, не вижу в нем и ничего страшного для Казачества, тем более, что сохранение за казаками особенностей их военной службы, можно оговорить в особом письменном соглашении с Главнокомандующим. А в чем сейчас, Федор Иванович, могло бы выразиться единое командование?»

Ген. Трухин: «В единстве уставов и обучении войск. У нас уставы готовы, имеются наставления для обучения войск разных родов оружия и мы бы этим охотно поделились с Вами. Но главное, сейчас, моральное значение этого акта, что обеспечило бы дружную, совместную работу Р.О.А. и Казачества».

Я: «Я полагаю, Петр Николаевич, что такая форма может быть Вами приемлема. Кроме того, было бы возможно, приступить к немедленному формированию казачьей бригады или дивизии в составе Р.О.А. В этом отношении большую помощь оказал бы Ген. Шкуро, дав для этой цели казаков из запасного полка, нашлось бы достаточно и офицеров».

Ген. Краснов: «Я опасаюсь, что казаки растворятся в Р.О.А., их начнут сотнями придавать к разным войсковым единицам, появятся не казачьи начальники, что у казаков вызовет справедливый ропот.»

Ген. Власов: «Делать этого я не собирался, но разумеется, что по ходу военных действий, иногда будет необходимо придать ту или иную казачью единицу к частям Р.О.А., конечно, не нарушая ее единства».

Ген. Краснов: «А кто же будет при едином командовании назначать высших казачьих командиров?»

Ген. Трухин: «Конечно Главнокомандующий.»

Ген. Краснов: «Это неприемлемо. Казаков Вы не знаете и при таком порядке, на положении начальников дивизий или бригад, могут оказаться лица, совершенно несоответствующие».

Я: «Решение этого вопроса я бы предложил в иной форме, а именно: назначение и утверждение по всей казачьей линии на разные должноости осуществляется Ген. Красновым. Только в отношении начальников дивизий и командиров бригад, таковые назначаются Ген. Красновым, а утверждаются Главнокомандующим.»

Ген. Трухин: «С моей стороны против этого возражений нет и я уверен, что каждое представление, сделанное Верховным вождем казачества, будет всегда утверждено Главнокомандующим. Быть может, в исключительных случаях, когда мы будем располагать определенными данными о несоответствии представленного лица на высшую командную должность, — мы об этом сначала представим неоспоримые доказательства и, при наличии между нами дружеского контакта, решим этот вопрос совместно.»

Ген. Краснов: «Андрей Андреевич настаивает, чтобы казаки принесли ему присягу. Я такого распоряжения отдать не могу, считая, что они уже раз присягали Гитлеру.»

Ген. Власов: «Это безусловно необходимо.»

Я: «Быть может Вы, Андрей Андреевич, удовлетворитесь половинчатым решением? Учитывая, что и Вы будете подчинены Гитлеру, как Верховному Главнокомандующему, и что казаки уже раз ему присягали, распространить Ваше требование лишь на тех казаков, каковые будут входить в новые формирования.»

Ген. Власов: «Это надо обдумать. Текст присяги у нас готов».

Ген. Краснов: «Он мне знаком, но для казаков он не подходит, надо несколько видоизменить.»

Ген. Трухин: «Это легко совместно выработать, не меняя основного смысла нашего текста».

Ген. Власов: «Петр Николаевич, намеревается, поддержание постоянного контакта между Р.О.А. и Казачеством, осуществить установлением при мне Зимовой Станицы во главе с Иван Алексеевичем. Это предложение я приветствую и уверен, что оно послужит залогом нашей дружбе и все вопросы будут разрешаться

по взаимному согласию. И, конечно, Иван Алексеевич войдет в состав Комитета Освобождения России.»

Ген. Краснов: «Как таковой, он может сделать это в любой момент и я не могу ему препятствовать. Но, когда мы окончательно придем к соглашению и при Вас будет Зимовал Станица, то он, вступив в «Комитет», явится единственным законным представителем казачества. Пока же такового у Вас нет. Известные Вам донские генералы, казачества собой не представляют.»

Затем Ген. Краснов стал настаивать на необходимости, чтобы Ген. Власов, став Главнокомандующим, дал бы официальное письменное заверение, что, в случае возвращения на Родину, за казаками будут сохранены в неприкосновенности все казачьи территории, недра их, права и весь быт казачьей жизни. Ген. Власов соглашался, но при условии, что таковое не должно быть опубликовано, дабы не вызывать нареканий со стороны других национальных группировок.

Наступившую затем длинную паузу, я нарушил словами: «Мне кажется, Петр Николаевич и Андрей Андреевич, что все основные вопросы затронуты и, в известной степени, по ним достигнуто принципиальное согласие. Теперь дело начальников штабов выработать окончательное письменное соглашение, в форме, приемлемой обеими сторонами. Если это так, то остается только пожать друг другу руку и заложить прочное основание дружной дальнейшей работе.»

При этих словах, Ген. Власов поднялся и сказал: «Пожать руку мало, я очень высоко ценю сотрудничество Петра Николаевича и в знак этого, хочу его расцеловать.»

В этот момент, маленькая фигура Петра Николаевича совершенно утонула в широких объятиях Андрей Андреевича, который поцеловал его три раза. Казалось, более удачного конца и ожидать нельзя было. Мы радостно стали взаимно пожимать друг другу руки и сердечно поздравлять с успешным исходом этого свидания.

Напомнив генералам, что в соседних комнатах присутствующие с нетерпением ожидают результат переговоров, я попросил разрешение открыть дверь и объявить им результат. Получив согласие, я сделал это.

Трудно описать, какой неподдельный восторг и радость вызвало это мое объявление. Все буквально бросились поздравлять генералов. Очень скоро после этого, столы ломились от изобилия разнообразных закусок и вин. Все присутствовавшие были приглашены принять участие в трапезе. Нас хозяева усадили за отдельный стол. Застольная беседа носила

откровенный и дружеский характер. Никаких деловых разговоров почти не поднималось. Было решено, с одобрения генералов, выпустить для печати и радио официальное сообщение о состоявшемся их дружеском свидании и достигнутом соглашении. Оно должно было носить заголовок: «От штаба Р.О.А. и Глав. Управ. Каз. Войск», а затем короткий текст, составить каковой было поручено мне.

Конечно, не обошлось без тостов. Первый, короткий, но необычайно красивый тост в честь Ген. Власова, сказал Ген. Краснов, показав полностью свой огромный талант блестящего оратора. Он удивительно мастерски оттенил, что на Р.О.А. сейчас устремлены взоры, чаяния и упования всех национально мыслящих, русских и что он убежден, что под мудрым водительством Ген. Власова, эта армия успешно выполнит свою задачу и поможет русскому народу сбросить с себя ненавистные ему советские оковы. Эти слова Петра Николаевича произвели особо сильное впечатление на Ген. Власова.

— «Дорогой Петр Николаевич», сказал он, подойдя к нему, — позвольте мне за Вашу блестящую оценку Р.О.А. и Ваши искренние и добрые пожелания успеха в моем деле, обнять и поцеловать Вас.» И при общих аплодисментах и криках «ура», он, чокнувшись бокалом, расцеловал Петра Николаевича. Столь же яркий по форме и содержанию был и ответ Ген. Власова, а затем и другие гости стали соревноваться друг с другом в ораторском искусстве. Не были забыты Ген. Трухин и я. И Петр Николаевич и Андрей Андреевич тепло и сердечно благодарили нас, отмечая, что мы много положили труда, чтобы добиться единения в русском национальном деле. Возможно, под влиянием успешного окончания свидания генералов, а отчасти под действием винных паров, но я должен сказать, что наша застольная беседа протекала в необычайно интимной атмосфере. Еще больше приподнятое и веселое оживление царило в других комнатах.

Любезный и милый хозяин дома предложил каждому из нас написать что либо ему на память, в особую книгу. Надписи, сделанные генералами Красным и Власовым и прочитанные вслух, вновь вызвали бурю аплодисментов и шумные крики «ура».

Уже было поздно, когда Ген. Краснов оставил дом, провожаемый всеми, во главе с Ген. Власовым. После него уехал Андрей Андреевич. Я немного задержался, ожидая возвращения Семена Николаевича, провожавшего Ген. Краснова. Мы условились вместе поехать в Берлин, где у меня, в номере отеля, должна была собраться казачья старшина, предупрежденная по телефону о нашем прибытии. Они жаждали скорее узнать результат свидания.

По возвращении Семена Николаевича, я еще раз поблагодарил наредкость симпатичных хозяев за их отзывчивость и чисто русское радушие и затем мы отправились на вокзал.

В отеле вас ждали Донской Атаман, Ген. Шкуро и Полк. С. Все они были необычайно довольны исходом свидания и наперерыв поздравляли нас. Далеко за полночь, когда разошлись все, я, под свежим впечатлением, пока не изгладились из памяти нужные подробности, спешил, по обыкновению, записать все наиболее важное, что я видел или слышал.

Делая объективный анализ сегодняшней встречи генералов, вспоминая каждую их фразу, прислушиваясь к тону, как они произносились и, одновременно, зорко следя за выражением их лиц, — я должен констатировать, что оба они, как будто бы, стремились найти пути к взаимному пониманию. Однако, в тоже время они чрезвычайно упорно отстаивали свои взгляды и даже в таких вопросах, каковые, по моему мнению, существенного значения не имели. Разгадку этого, полагаю, надо искать, главным образом, в личных качествах и различных характерах обоих генералов.

В памяти у меня невольно оживилась моя первая встреча с Ген. Власовым. Хорошо помню, как он резко осуждал Ген. Краснова, а через час, диаметрально, изменил свое суждение и стал высоко превозносить талант, качества и авторитет Петра Николаевича.

Не забыл я и мой разговор с последним, когда он, сильно горячась, упрекал Ген. Власова, возлагая за все вину на него. Но затем, услышав несколько веских аргументов относительно достоверности приводимых им фактов, стал менять свое мнение. Быть может и сегодня^ думал я, при их разговоре наедине, повторилось то же самое. В присутствии Ген. Трухина и меня, Ген. Власов был уступчивие, стремясь найти желательную равнодействующую, каковая удовлетворила бы обе стороны. Не так настойчиво протестовал и Ген. Краснов. Но насколько они оба в этот момент были действительно искренни, я, конечно, решить не могу.

Меня сильно интересовала очередная встреча с Ген. Красновым, который просил меня приехать к нему утром. Я надеялся, что он откровенно поделится со мной своим впечатлением о свидании с Ген. Власовым. Одновременно у меня созрела мысль, предложить Ген. Краснову поехать к Андрей Андреевичу, как бы, с ответным визитом, принимая во внимание, что вчера последний приехал на свидание в ту деревню, где жил Петр Николаевич. Этой новой встрече генералов я придавал особо важное значение, как в деловом отношении, так и в целях их

более тесного сближения.

Как обычно, я приехал к Ген. Краснову около 10 часов утра. У него я застал и Семен Николаевича. Наш разговор я начал вопросом: «Меня очень интересует, Петр Николаевич, ваше мнение о вчерашнем свидании вообще, а в частности об Андрей Андреевиче и Федор Ивановиче.»

Ген. Краснов ответил, что результатом вчерашней встречи он вполне доволен. Однако, он далек еще от мысли преждевременно строить радужные иллюзии. Он признавал сначала необходимым, чтобы Ген. Власов был назначен Главнокомандующим, затем надлежало письменно оформить соглашение, подписать таковое и опубликовать. Что касается Ген. Власова, то по его словам, в разговоре с ним наедине, последний предъявил ему совершенно невыполнимые требования, каковые, конечно, принять он не мог. Но каковы были эти требования и в какой ультимативной форме они были ему предъявлены, Петр Николаевич не сказал. Не пришлось мне никогда об этом слышать и от Андрей Андреевича. Особенно тепло вспомнил Петр Николаевич Ген. Трухина, сказав, что последний произвел на него самое лучшее впечатление выдержанного, умного и весьма дельного начальника штаба, с которым Семену Николаевичу будет очень легко работать.

В свою очередь, Ген. Краснова интересовало мое мнение о вчерашней их беседе. Вспоминая все подробности и оттеняя порой уступчивость Ген. Власова в различных спорных вопросах, я старался воспроизвести полную картину их свидания. Вместе с тем, я высказал предположение, что чрезмерные требования и несговорчивость в начале их разговора, со стороны Андрей Андреевича, а в дальнейшем благожелательную уступчивость, я отношу исключительно к особенности его натуры. В силу этого, центр тяжести надо переносить на тот разговор, который происходил в присутствии Ген. Трухина и моем. В конце доклада я дал понять Петру Николаевичу, что вчерашний приезд Власова, я, лично, рассматриваю, как его визит к нему, ибо он приехал на свидание туда, где находился Петр Николаевич.

— «Если это расценивать так, — сказал я, — «то возникает вопрос — не ответить ли Вам тем же Власову. Я уверен, что такой акт в отношении его, как будущего Главнокомандующего, будет там истолкован только в Вашу пользу. При Вашем согласии, надо это сделать сегодня или завтра, дабы придать Вашему посещению смысл ответного визита.»

Немного подумав, Ген. Краснов сказал: «Если это для дела полезно и послужит к упрочению добрых взаимоотношений, то я готов посетить Ген. Власова».

В связи с этим, Ген. Краснов просил меня организовать эту поездку, но с таким расчетом, чтобы визит, по возможности, состоялся на следующий день, около 10 с половиной часов утра. Согласно желанию Петра Николаевича, его должны были сопровождать С. Н. Краснов и я.

Возвратившись в Берлин, я позвонил Ген. Трухину и сказал, что спешу передать ему желание Ген. Краснова посетить Ген. Власова.

— «Скажите пожалуйста, Федор Иванович», — спросил я, — «может ли завтра Ген. Власов, часов около 10 с половиной утра принять Ген. Краснова, учитывая, что для Петра Николаевича этот час наиболее подходящий?»

Я был уверен, что мое сообщение явилось большой и приятной неожиданностью для Ген. Трухина.

— «Конечно, конечно,» — особенно задушевно, ответил он, — «Андрей Андреевич будет чрезвычайно рад этому. Я сейчас доложу ему и немедленно дам Вам ответ. Думаю, что нам удастся отменить прием лиц, назначенных на этот день.»

Через несколько минут, Федор Иванович сообщил, что Ген. Власов передает Ген. Краснову сердечный привет и будет рад видеть его у себя в назначенное время.

Ответ Ген. Трухина я по телефону передал С. Н. Краснову.

Зная обычную пунктуальность Ген. Краснова, я был у него точно в 9 с четвертью часов утра. Он и Семен Николаевич уже одевали шинели, почему и я не раздевался. В этот момент Петр Николаевич вынул из портфеля лист бумаги и передал мне его со словами: «Это письменный набросок соглашения с Власовым, просмотрите его и, если найдете нужным, внесите Ваши дополнения».

Я наспех начал читать. Уже из первых строя мне было ясно, что содержание этого документа находится в полном противоречии с тем, что было уговорено при свидании. Но кто был автор, угадать я не мог, так как бумага была напечатана на пишущей машинке, с небольшими лишь поправками рукой Петра Николаевича. У меня не было времени даже прочитать этот документ, не говоря уже о том, чтобы основательно вникнуть в его смысл, так как ко мне подошел Ген. Краснов и спросил: «Ну, что Вы скажете?» Откровенно говоря, этот вопрос привел меня в недоумение и, одновременно, как бы снизил значение этого чрезвычайно важного документа.

— «Чтобы высказать свое мнение, Ваше

Высокопревосходительство,» — сказал я — «следует основательно изучить документ, для чего надо иметь время, а не пять минут, которыми я сейчас располагаю. При таких условиях, конечно, не приходится говорить о внесении каких либо дополнений. По первому, поверхностному впечатлению, здесь требуется не дополнение, а коренное изменение содержания, так как в нем значительно искажен смысл всего того, о чем Вы позавчера договорились с Ген. Власовым. Я убежденно скажу, что в таком виде он не будет принят последним, а в таком случае, бесцельно его показывать ему сегодня.»

В ответ на это я услышал: «Вы правы, у нас нет времени, мы должны сейчас ехать,» а затем, обратившись к Семену Николаевичу, Ген. Краснов добавил: «Возьмите, на всякий случай, его с собой.»

В этом нашем разговоре Семен Николаевич никакого участия не принял.

Таким коротким обменом мнений, в сущности, окончилось наше обсуждение столь важного вопроса. Или можно сказать, что он, как бы, повис в воздухе.

Будучи в автомобиле, Петр Николаевич говорил на другие темы, ни разу не обмолвившись о «соглашении».

Когда мы подъехали к вилле Ген. Власова, заметно было, что он ждал Ген. Краснова. Снаружи дома стоял офицер, который провел нас до передней, где Петра Николаевича, особенно приветливо и радушно, встретили генералы Власов и Трухин.

Ген. Краснов занял место у письменного стола с Андрей Андреевичем, а мы втроем сели в углу, в глубине комнаты. Сначала, наш разговор касался общей военной обстановки и критического положения Германии. Затем мы перешли на циркулирующие слухи о каком-то новом, тайном немецком оружии, применение которого только и могло изменить положение Германии. Между тем, я показал Ген. Трухину текст объявления, составленный мною для печати и радио, о состоявшемся свидании генералов Власова и Краснова. Прочитав, Федор Иванович подписал его. Тогда Семен Николаевич вынул, почему то, пресловутое «соглашение» и также передал его Трухину. Чем руководился он, поступив так, я не мог понять, тем более, что Ген. Краснов сказал ему взять этот документ только на всякий случая. Я был вне себя от досады и внутренне обвинял его в этом необдуманном поступке, могущим иметь весьма неприятные последствия.

Ген. Трухин быстро пробежав его, сделал недоуменное лицо и вопросительно взглянул на меня. Поняв его без слов, я сказал: «Я полагаю, что это лишь схематический набросок, подлежащий

основательной переработке Вами с Семен Николаевичем. Не правда ли, Семен Николаевич?» Последний ответил: «Конечно, кое-что можно там изменить.»

— «Я дам прочитать Андрей Андреевичу,» — сказал Трухин и, подойдя к Ген. Власову, передал ему бумагу. Я видел, что тот погрузился в чтение этого документа. Но вошедший адъютант перебил чтение, доложив что-то тихо Ген. Власову. Последний встал и, держа бумагу в руке, пригласил нас к завтраку. Застольная беседа протекала в приятной и дружеской атмосфере. Андрей Андреевич, как всегда, был любезный и радушный хозяин. Выбрав удобный момент, он снова начал чтение «соглашения». Окончив таковое, — Ген. Власов, передавая бумагу Ген. Трухину, сказал довольно сухо: «В такой форме соглашение немыслимо, в нем почти ничего нет того, о чем мы при свидании условились.» Оба генерала Красновы — молчали. Чтобы сколько нибудь сгладить неприятное впечатление, я сказал: «Ведь это лишь черновой набросок, а окончательную и приемлемую форму должны будут выработать начальники штабов, не так ли, Петр Николаевич?» Только теперь последний прервал свое молчание и поддержал меня словами: «Конечно, там можно кое-что изменить.»

— «Не кое-что — а очень многое,» — сделал примечание Ген. Власов. Вне всякого сомнения, что загорелся-бы горячий спор на эту тему, если бы не появился адъютант, который доложил Ген. Власову, что к нему, кажется от Гиммлера, приехал немецкий полковник и просит его срочно принять. Ген. Власов решил пригласить его к столу.

Предъявив ему какие-то удостоверения, полковник через переводчика, просил разрешение поставить ему несколько вопросов. У меня в памяти сохранилось из них только три, а именно: организация будущей армии Р.О.А., ее финансовая сторона и управление.

Отвечая на первый вопрос, Ген. Власов сказал, что он может в кратчайший срок сформировать миллионную армию, но для этого необходимо вооружение, обмундирование и снабжение. Полученное им до сего времени столь ничтожно, что недостаточно даже для одной дивизии. Но зато существует много обещаний, из которых он, однако, не может создать армию. Особенно ясно и категорически подчеркнул он, что район действий его армии непременно должен быть восточный фронт, отнюдь не западный, так как только там он может ручаться за успех Р.О.А. Что касается финансовой стороны, то этот вопрос обстоит лучше и что сегодня он ожидает смешанную русско-немецкую финансовую комиссию, каковая окончательно его

решит. Коснувшись третьего вопроса, Ген. Власов, заметно волнуясь, сказал: «Все русские воинские единицы, где бы они ни находились, должны быть подчинены мне, как Главнокомандующему. Они должны быть изъяты из подчинения немецкому командованию и переданы в мое распоряжение. В русских частях, на командных должностях, не должно быть немецких офицеров. Таковые могут находиться при частях только для связи. Для контроля моих действий может быть учрежден любой орган, за все несу ответственность только я и только мне подчинены и передо мной ответственны все чины Р.О.А. Это мое требование и я от него не откажусь.» В этот момент все мои симпатии были всецело на стороне Ген. Власова. Меня особенно подкупала его непоколебимая уверенность и решительный тон, коим он говорил с официальным представителем высшего немецкого командования, прибывшим к нему получить интервью.

Мы еще не успели позавтракать, как Ген. Власову было доложено о прибытии финансовой комиссии, которая уже ожидала его в соседней комнате. Пришлось быстро закончить нашу трапезу и перейти в рабочий кабинет Андрей Андреевича, где мы нашли пять или шесть членов названной комиссии. При такой обстановке, конечно, нельзя было и думать, чтобы спокойно обсудить «соглашение». Я заметил, что русские члены финансовой комиссии, лично знавшие Ген. Краснова, были крайне удивлены встретить его в кабинете Ген. Власова. Но узнав, о состоявшемся два дня тому назад свидании генералов, они радовались этому событию и спешили поздравить их обоих.

Мне удалось сказать Ген. Трухину, что сегодня невозможно заняться нашим вопросом. Поэтому, было бы целесообразно, чтобы каждая сторона самостоятельно составила текст соглашения, а затем, начальники штабов, на основании этого, выработают среднюю, приемлемую форму. Этой мыслью Ген. Трухин поделился с обоими генералами и, по его словам, они с этим согласились.

Мы не могли больше задерживать Ген. Власова, которому предстояла еще конференция с финансовой комиссией и потому распрощавшись со всеми, отправились домой.

Ген. Краснов чувствовал себя очень усталым и всю дорогу молчал. Не был словоохотлив и Семен Николаевич. Его я предупредил, что вечером приеду к нему, передам текст объявления о свидании генералов и мы подробно обсудим, как наилучше это использовать.

Будучи у Семена Николаевича, я окончательно убедился, что главным лицом в Глав. Управ. Каз. Войск являлся отнюдь не он, а Д-р Х. Действительно, сначала Семен Николаевич подписал

указанное объявление и осведомил меня о способах его широкого распространения. В последнюю минуту, когда я собирался уйти, он попросил меня немного задержаться, а сам прошел в комнату Д-ра Х. Что у них там было и о чем они говорили, для меня осталось тайной. Но только вернулся Семен Николаевич — крайне смущенным. Он стал сбивчиво доказывать, что Глав. Управ. Каз. Войск, находясь в каком-то двойственном подчинении, не имеет права официально выпускать подобное объявление, не испросив предварительно у обеих инстанций разрешения. Объяснение Семен Николаевича меня не убедило, а вызвало лишь неприятное огорчение. Не желая, однако, углублять этот вопрос и обострять отношения, я сказал: «Это — Ваше дело и только жаль, что Вы не предупредили меня раньше; тогда бы я не попал в неловкое положение перед Ген. Трухиным. Во всяком случае, я убедительно прошу Вас урегулировать это дело с ним непосредственно.»

Примерно через месяц, когда я уже был в Вене, мне стало известно, что по радио было передано короткое сообщение о состоявшемся 7-го января 1945 г. свидании генералов Власова и Краснова. Судя по рассказам слышавших это сообщение, текст был мой, но почему оно было передано на месяц позже, для меня и по ныне является загадкой. С некоторой осторожностью можно сделать следующее предположение. По времени оно было сделано тогда, когда Ген. Власов окончательно порвал с Ген. Красновым и в лагере Гойберге приступил к формированию при своем штабе Глав. Управ. Каз. Войск. Не исключается возможность, что опубликованием, в этот момент, названного объявления, Ген. Краснов снимал с себя вину за действия Власова. Неоспоримо что это сообщение по радио внесло тогда в массу, как Р.О.А., так и Казачества, полное недоумение. С одной стороны упорные: слухи, о полном разрыве между генералами Красновым и Власовым, а с другой — сообщалось о дружеской их встрече и урегулировании всех спорных вопросов.

Несколько дней, из-за сильной простуды, мне пришлось не покидать гостиницу. Эти дни я проводил с Донским Атаманом и Полк. С. делясь с ними моими разговорами с генералами Красновым и Власовым.

Еще было преждевременно вывести окончательное суждение о результатах моей акции, каковую я считал временно оконченной. Две встречи генералов Краснова и Власова немного сблизили их; казалось, они нашли и общий язык. Узнали друг друга и начальники штабов. Теперь они, временами, разговаривали по телефону, решая по взаимному согласию вопросы, касавшиеся обеих сторон. Конечно, это была, так

сказать, только видимая, внешняя сторона. Насколько же была глубока искренность желания у обоих генералов совместно и дружно работать, это, в моем сознании, учету не поддавалось.

Ген. Власов твердо и определенно ставил свои требования, в которых доминировало — единое командование и полное, безоговорочное ему подчинение. В остальном, надо полагать, он пошел бы на многие уступки. Ген. Краснов, как будто бы, принципиально принимал это, хотя и с некоторыми оговорками. Однако, осуществление соглашения в письменной форме несколько отодвигал, связывая таковое с официальным назначением Ген. Власова Главнокомандующим. Не подлежит сомнению, что на первом свидании генералов, после длительных дебатов и взаимных уступок, все-таки соглашение было достигнуто и, по моему, оно и должно было лечь в основу дальнейших переговоров и действий. Но через день, черновой набросок письменного соглашения, кем то составленный, звучал уже диссонансом, так как в нем, по существу, отсутствовало то, что было установлено при свидании. Естественно, что это вызвало у Ген. Власова оправданный протест. Никак не мог я объяснить, почему Ген. Краснов не поручил мне составить текст соглашения, а сделал это сам или с помощью Семен Николаевича, который не присутствовал при переговорах, а, следовательно, не был в курсе дела. Желая выяснить и разобраться в этих вопросах и надеясь, что в этом поможет мне Петр Николаевич, я решил поехать к нему.

Надо еще упомянуть, что в одно из моих посещений Глав. Упр. Каз. Войск, мне представились два офицера и вахмистр, приехавшие из Италии и зачисленные в свиту Атамана будущей Зимовой Станицы при Ген. Власове. Один из них был Полк. Кубанского войска, другой — донец — Войсковой старшина, бывший член Войскового Круга и третий — уралец вахмистр. Они жаловались мне, что целые дни слоняются без дела, живут в ужасных условиях, питаются очень плохо, а потому просили меня, до поры до времени, отпустить их в Италию, откуда они в нужное время могут вернуться назад. Я обещал им устроить это, сказав, что предварительно мне необходимо переговорить с Ген. П. Н. Красновым.

Здесь же, кто-то из чинов штаба, сообщил мне, что из Югославии приехал командир Русского корпуса, Генерал Штейфон, и живет в Потсдаме. Будучи хорошо с ним знакомым, я решил посетить его. Мне было приятно с ним встретиться, узнать новости, касающиеся Корпуса, а также и судьбу моих знакомых и друзей. Случайно, он оказался дома и мы долго беседовали. От него я узнал, что в последнее время немцы держали Корпус в

арьергарде и ему все время приходилось вести весьма тяжелые бои, вследствие чего потери были велики. Затем Ген. Штейфон рассказал мне о цели своего приезда в Берлин. От него я узнал, что накануне он представлялся Ген. Власову и сделал ему заявление о передаче в его полное и безоговорочное распоряжение Корпуса. На это я заметил: «Жест очень красивый, морально важный, но сейчас без всякого практического смысла. Вы не будете оспаривать, что ни Вы, ни Ген. Власов, каковой еще не есть Главнокомандующий, не сможете без разрешения немецкого командования, не только целый Корпус, но даже самую малую воинскую единицу снять с фронта и перевести ее, по Вашему усмотрению, на другой участок.» На эту тему у нас разгорелись большие прения и, в результате, не убедив один другого в своей правоте, мы, все же, расстались дружески.

Уже пять дней я не видел Петра Николаевича, но он знал, что причина этому была моя болезнь. Когда я к нему приехал, у нас сразу завязался оживленный разговор, касавшийся визита Петра Николаевича Ген. Власову. На мой вопрос — остался ли он доволен этим посещением, Ген. Краснов ответил, что было только бесцельно потеря-, но много драгоценного времени. Из его слов я понял, что он рассчитывал, будучи у Власова, еще раз обсудить с ним, в присутствии начальников штабов, все жгучие вопросы и там же, совместно, набросать письменное соглашение. Однако, завтрак, а затем приезд немецкого полковника и, наконец, — финансовой комиссии, нарушили его расчеты.

— «Позвольте Вас спросить, Петр Николаевич,» — сказал я, — «почему же тогда Семен Николаевич показал Ваш черновик соглашения, вызвав у Ген. Власова справедливое огорчение, если, судя по Вашим словам, Вы текст предполагали выработать у Ген. Власова?»

— «Это Семен Николаевич сделал по собственной инициативе. Этот текст я не считал окончательным,» — ответил Петр Николаевич.

Если это была ошибка Семен Николаевича, считал я, то она, к сожалению, значительно обострила этот вопрос. Дальше наш разговор коснулся посещения немецкого полковника. Вспомнив решительные, полные сознания своего достоинства, ответы Ген. Власова, я не скрыл от Петра Николаевича своё ими удовлетворение, добавив, что только такой язык немцы понимают и ценят. Но это мое примечание Ген. Краснов оставил без ответа и перевел разговор на Зимовую Станицу. По его мнению, учреждению и официальному оформлению таковой должны непременно предшествовать три условия, а именно: Назначение Ген. Власова Главнокомандующим, принятие им выработанного

совместно соглашения, каковое обеспечило бы за казаками особенности их военной службы при данных обстоятельствах и, наконец, Ген. Власов, как Главнокомандующий, особой грамотой должен был гарантировать неприкосновенность земель и казачьих прав на Родине.

В связи с разговором о Зимовой Станице, я передал просьбу офицеров, приехавших из Италии, добавив, что, по моему, их можно отпустить домой, а когда понадобится, снова вызвать. Ген. Краснов с этим, согласился. Решение последнего я передал офицерам и они очень довольные, уехали обратно в Италию.

Из моей беседы с Петром Николаевичем, считаю нужным отметить одну деталь, которая говорит, что он безусловно верил в успех состоявшегося свидания. Иначе, чем иным можно объяснить его вопрос ко мне: почему я еще не приобрел военную форму, о чем он уже два раза напоминал Семену Николаевичу. Я ответил, что вопрос о форме мы уже разбирали с Семен Николаевичем и пришли к соглашению, что таковую я закажу не ранее, чем окончательно решится вопрос о Зимовой Станице и будет отдан приказ о моем назначении.

Большой интерес проявил Петр Николаевич к рассказу о моей встрече с Ген. Штейфоном и наших дебатах. Внимательно меня выслушав, он промолвил: «Им легко, конечно, обещать дать то, чего не могут.»

Сегодня Ген. Краснов опять много говорил об Италии. Он показал мне новые фотографии, только что полученные им оттуда, долго рассказывал о казачьем стану Ген. Доманова и, как обычно, восхвалял достоинства и качества последнего.

Зная, что я несколько скептически отношусь к этому, он сказал, что было бы хорошо, если бы я посетил Италию и познакомился с Ген. Домановым. Он хотел, чтобы я объехал казачьи станицы и, затем, в устной или письменной форме, правдиво изложил бы ему мое впечатление. Предложение Петра Николаевича мне очень понравилось и я сказал, что охотно его выполню, но раньше я предполагаю проехать на несколько дней в Югославию, по личным делам. Ген. Краснов ответил, что поездка в Италию не является спешной и может быть выполнена позже. Прощаясь, я обещал ему, побывать у Ген. Трухина, а возможно и Власова и после приехать к нему с докладом.

Два дня я безрезультатно звонил в штаб Р.О.А. Генералы Власов и Трухин отсутствовали. Только на третий день я связался по телефону с Фёдор Ивановичем. Несмотря на перегруженность большой и спешной работой, он просил меня приехать к нему на следующий день вечером, чтобы потом вместе пройти к Ген. Власову.

Приехав к Федор Ивановичу, я нашел его крайне утомленным, так как последние дни он провел в дороге, посещая части Р.О.А. Он еще не был в курсе здешних дел и весьма интересовался новостями в казачьих сферах. Я информировал его обо всем и передал ему, частично, последний разговор с Ген. Красновым, сказав, что у Петра Николаевича незаметно никаких перемен к худшему. Наоборот, можно смело утверждать, что он по-прежнему намеревается выработать совместно с ними соглашение, но, как я уже говорил, поставив условием официальное назначение Ген. Власова Главнокомандующим.

— «Кстати, скажете, Федор Иванович, когда же, наконец, это будет?» — спросил я.

— «Не только я, но и сам Ген. Власов этого не знает. Каждый день ему обещают, каждый день мы ждем, но безуспешно,» — ответил он мне.

— «Возможно, что такое положение продлится еще и месяц?» — задал я снова вопрос.

— «Не исключается и это,» — последовал лаконический ответ.

В дальнейшем разговоре Федор Иванович поделился со мной своими впечатлениями о поездке и о том, как подвигается формирование Р.О.А..

Узнав по телефону, что у Ген. Власова окончился прием, мы пошли к нему. Заметно было, что Андрей Андреевич чувствовал себя утомленным. Не отдохнув после поездки, он целый день принимал разных посетителей. Однако, встретил он нас с обычным радушием.

— «Ну, Иван Алексеевич, расскажите мне, будет ли Петр Николаевич держать свое обещание и идти с нами нога в ногу?» — с такими словами обратился ко мне Андрей Андрдеевич, опустившись в удобное, мягкое кресло. Мне пришлось повторить ему то, что час тому назад я рассказывал Ген. Трухину. Особенно сильно я подчеркнул, что Ген. Краснов идет искренно на сближение, но идет ощупью, быть может, с известным недоверием, опасаясь за дорогое ему казачество, которое он любит душой и сердцем.

— «Это надо понять и почувствовать», — сказал я, — «тогда многое станет ясно».

— «Да, быть может, и я не меньше его люблю и ценю казачество, но об этом молчу», — бросил мне в ответ Андрей Андреевич.

— «Многие, например,» — продолжал Ген. Власов, — «всячески зондируют почву и пытаются узнать — монархист ли я или республиканец. Но я молчу. Вам скажу, что ни то и ни

другое. Для меня любая форма правления — приемлема. Но какая лучше, — это дело русского народа; он сам знает, что ему нужно. Захочет он монархию и я буду первый монархист, выскажется большинством за республику или федерацию, я столь же рьяно буду поддерживать его в этом. Упрекают меня также, что я не высказал официально мою точку зрения на еврейский вопрос. Но я сделал это умышленно. Скажи я что либо против, этим вызвал бы к себе отрицательное отношение мирового еврейства, выскажись за него, мог бы нажить себе больше врагов. Поэтому этот вопрос я обошел молчанием, считая, что его решит сам русский народ.»

Переведя опять разговор на Ген. Краснова, Ген. Власов проявил особенный интерес к «соглашению», сказав, что то, что он прочитал во время завтрака, не содержит даже и намека об едином командовании и подчинении ему казачества, как Главнокомандующему. По его словам, там все, главным образом, сводилось к учреждению при нем Зимовой Станицы, а остальное полностью противоречило тому, что было договорено при его свидании с Ген. Красновым. К сожалению, я не мог дать ему исчерпывающий ответ по этому вопросу, ибо я знал, что никаких шагов со стороны генералов Красновых не было пока предпринято, дабы радикально изменить содержание «соглашения». Но я воздержался это высказать Ген. Власову и ограничился передачей ему мнения по этому вопросу Петра Николаевича. Я сказал, что в разговоре со мной, последний не считал эту редакцию окончательной и намеревался, приехав к нему, еще раз обсудить с ним все вопросы, а начальники штабов должны были тогда же составить письменное соглашение, приемлемое обеими сторонами. «Однако, прибавил я, обстановка, как Вам известно, сложилась неблагоприятно и выполнить это оказалось невозможным.»

Был ли удовлетворен Ген. Власов этим моим объяснением, я судить не могу, ибо, прервав эту тему он вдруг, неожиданно, спросил меня: «А как молодой Краснов?» — «Мне известно,» — ответил я — «что он также благожелательно настроен к Вам, но решающего, значения он не имеет. Я лично его ценю за его неподкупность и преданность Ген. П.Н.Краснову.»

— «Это мне хорошо известно. Знаю и то, что у него не хватает мужества противоречить или сказать неприятную правду в глаза Петру Николаевичу, а, кроме того, он находится всецело под влиянием Д-ра — Х.» — сказал Ген. Власов.

Заговорив о будущей Зимовой Станице, Андрей Андреевич высказал надежду, что при наличии ее, отпадут все недоразумения и будет легче работать. На это я возразил ему, что

при неизвестности, когда произойдет назначение его Главнокомандующем, вопрос о Зимовой Станице может затянуться на долгое время. И что в виду такой неопределенности, я хотел бы использовать время и на короткий срок проехать в Вену, для устройства моих личных дел. Там фактически находится моя квартира, а здесь я живу, как на бивуаке.

— «В любой момент, если будет нужно, и Вы и Ген. Краснов, имея мой адрес, можете меня вызвать,» — сказал я. Андрей Андреевич, не возражал против этого и лишь добавил, что и он с Федор Ивановичем редко будет здесь в ближайшие дни.

Наш разговор, по обыкновению, закончился скромным ужином. В тот момент я никак не предполагал, что это была моя последняя встреча с генералами Власовым и Трухиным. Больше я их никогда не видел.

После окончания войны о них ходили самые разнообразные слухи, каковые нашли свое завершение в официальном советском сообщении о состоявшейся в Москве над ними казни.

По имеющимся сведениям, уже проникшим в печать, Ген. Власов и ближайшие его генералы, став военнопленными тех, кого они никогда не считали своими противниками, были ими выданы на страшные мучения и смерть в Советский Союз.

К Ген. Краснову я ехал уже с окончательно созревшим решением, временно уехать в Вену. Никаких событий, которые могли бы изменить мое намерение, не произошло. Генералы Власов и Трухин опять отсутствовали. В беседе с Петром Николаевичем, я доложил ему о моем посещении Ген. Власова, передав во всех деталях мой с ним разговор. Я всячески старался оттенить Ген. Краснову тот большой интерес, который проявил Андрей Андреевич к письменному соглашению. На вопрос — изменен ли уже текст последнего в том духе, как было услов-лено при свидании, Петр Николаевич, как-то неохотно, ответил, что пока еще нет, но будет сделано своевременно. Чувствуя, что он избегает углублять этот вопрос, я не стал дальше говорить на эту тему, а продолжил мой доклад. В заключение я высказал надежду, что, судя по всем данным, Ген. Власов, действительно, желает установить с ним дружескую связь. Вследствие этого можно предполагать, что в своих требованиях он сделает много уступок, но, конечно, при условии, что и с казачьей стороны будет проявлена известная сговорчивость и даже инициатива.

— «В этом отношении,» — сказал я, — «Вы можете всецело рассчитывать на поддержку ближайшего сотрудника и советника Андрея Андреевича, Ген. Трухина. Вы сами дали ему такую лестную аттестацию и он действительно много сделал, чтобы

сблизить Вас с Ген. Власовым. Что касается меня, то я считаю мою задачу временно законченной.»

С этими доводами Ген. Краснов согласился и высказал пожелание, чтобы мои предположения оправдались. Здесь же он похвально отозвался о моей работе, сказав, что инициатива сближения казачества с Р.О.А. принадлежит исключительно мне и что он хорошо помнит наш разговор, когда я впервые поделился с ним моим планом.

Услышав о моем намерении вернуться домой в Вену, так как мое присутствие сейчас в Берлине не является необходимым, Петр Николаевич не оспаривал мое решение. Наоборот, он одобрил его, сказав, что это так близко, что в крайнем случае, аэропланом, я могу быть в Берлине за один, два часа.

Прощаясь со мной, Петр Николаевич просил меня поддерживать с ним и Семеном Николаевичем постоянный контакт.

Итак, в двадцатых числах января, распрощавшись с моими друзьями, я уехал в Вену.

В первое время моего пребывания здесь, ничего не произошло, что заслуживало бы внимание. Как и прежде, я заходил иногда в казачий штаб на короткое время, за получением новостей и ожидая каждый день моего вызова в Берлин. Меня озабочивал вопрос, в какую форму выливаются взаимоотношения между генералами Красновым и Власовым. На мои письма, посланные генералам Красновым, я ответа от них не получил.

Раньше я посещал штаб часто и нередко встречал там много лиц, прибывших из Берлина. Они иногда правильно и объективно рисовали мне картину событий в центре и я, отчасти, был в курсе тамощных дел. Теперь бывал я в штабе реже, ибо, в результате ежедневных сильных бомбардировок, была разрушена большая часть трамвайных линий и мне до штаба надо было идти пешком около 7 километров. В бурную, снежную и дождливую погоду я вообще избегал совершать это путешествие.

3-го февраля я готовился уехать в Югославию, где предполагал пробыть около недели. Почти накануне моего отъезда я получил по телефону извещение, что в Вену приехал Донской Атаман Ген. Татаркин и желает меня видеть.

Я отправился по указанному адресу и нашел Атамана несколько озабоченным и расстроенным. С ним были Полк. С. и офицер Р.О.А. Ротмистр М. Григорий Васильевич рассказал мне, что находясь последнее время в районе Виллаха, он неожиданно получил из штаба Р.О.А., от Ген. П., официальное письмо, которое привез ему Ротмистр М.

— «Вопрос, затронутый в нем,» — сказал Ген. Татаркин, —

«весьма конфиденциальный и крайне деликатный. Прежде чем, принять то или иное решение, я бы хотел обсудить его с Вами» и он передал мне письмо, напечатанное на пишущей машинке.

Насколько мне память не изменяет, оно начиналось, примерно, так: «Распоряжением Главнокомандующего на меня возложена организация казачьих войск и решение всех казачьих вопросов.» Второй абзац письма был посвящен Ген. П. Н. Краснову, по адресу которого автор разразился недопустимо резкими выпадами и клеветой. По третьему пункту Донской Атаман, Ген. Татаркин, предназначался на должность Начальника Главного Управления казачьих войск при штабе Р.О.А. а его начальником штаба Полк. К.[7], по отзыву некоторых, любимец генералов Власова и Трухина, молодой и довольно невоздержанный человек. Дальше были поименованы еще 2–3 лица, в том числе и я, как кандидаты на высшие посты при штабе Главнокомандующего. Письмо было подписано Ген. П., предназначенным Ген. Власовым на должность инспектора казачьих войск.

Когда я ознакомился с этим документом, у меня не оставалось ни малейшего сомнения, что между Красновым и Власовым произошел не только разрыв, но случилось нечто худшее. Совершенно игнорируя П. Н. Краснова, в официальном документе, его действия подвергаются грубой критике и, именем Главнокомандующего, казачьи генералы сзываются в ставку Р.О.А. для работы по казачьим вопросам, но вне всякой связи с главой Казачества. Но больше всего меня возмутила подпись Ген. П., которая совершенно обесценивала этот документ. В моей памяти сразу воскресла вся бурная эпопея этого генерала. Свою карьеру он начал в составе Русского Охранного корпуса в Югославии, где удержался недолго и, по словам командира корпуса Ген. Штейфон, вскоре оттуда дезертировал. Кстати сказать, что по пути своего бегства из корпуса он, около часа ночи, явился ко мне на квартиру в нетрезвом виде и требовал от меня деньги. Через небольшой срок, генерал, неожиданно, появляется уже в штабе 1 казачьей дивизии Ген. Панвица. Но и здесь он долго не ужился и, исчезнув, вынырнул внезапно в Италии, в казачьем стане Ген. Доманова. Помню, как-то раз, Петр Николаевич спросил меня: — знаю ли я Ген. П., находящегося сейчас у Доманова и которого он намеревается назначить на ответственную должность. Я ответил, что этого генерала в своей жизни я видел только раз и то он был в нетрезвом состоянии, а затем, рассказав всю его пеструю карьеру, я добавил, что ко всему этому он — больной алкоголик. Подумав немного, Петр Николаевич промолвил: «Теперь я понимаю, почему он

периодически болеет по неделям.»

Однако, служба в стане Доманова тоже не пришлась по вкусу Ген. П. и он тогда перекочевал к Ген. Власову. Чем и как он подкупил симпатии последнего, мне неизвестно, но бесспорно, судя по документу, он завоевал доверие Андрей Андреевича и свое дело начал с грязной и грубой клеветы на П. Н. Краснова.

Все это я подробно рассказал Донскому Атаману, дабы он знал подлинное лицо автора письма. Негодуя против генерала П., я одновременно не щадил и генералов Власова и Трухина, справедливо упрекая и их. Я мог понять…что они не сошлись с Ген. Красновым, мог допустить, что они стали на. путь открытого с ним конфликта, но в моем сознании никак не укладывалось, чтобы они среди казаков не могли найти более достойного на такую большую и ответственную должность, чем названный генерал.

— «Кто же из казаков, уважающих себя, пойдет служить под его командой?» — задал я вопрос Донскому Атаману.

— «Какой же выход из положения?» — спросил Григорий Васильевич.

— «Если я получу такое письмо, я поеду сначала к Петру Николаевичу, посоветуюсь с ним, а потом приму окончательное решение,» — ответил я. Атаман молчал. Он, видимо, внутренне боролся с собой, не зная как поступить. После небольшой паузы он сказал, что этот вопрос столь важен, что он должен его еще всесторонне обдумать. Полагая, что он знает причины, побудившие Ген. Власова открыто выступить против Краснова, я спросил его об этом. Он ответил отрицательно, сославшись на то, что последнее время он жил вблизи Виллаха и не в курсе Берлинских событий, но что когда он находился еще в Берлине, он ничего не мог заметить, что предвещало бы их разрыв.

Не зная, что предпримет Атаман, я, на всякий случай, просил его, если он будет видеть Ген. Трухина, передать ему мое письмо. Он обещал выполнить мою просьбу и мы условились, что завтра я принесу ему письмо.

В письме Ген. Трухину я, прежде всего, выразил глубокое сожаление, что наши старания сблизить Р.О.А. и казачество оказались напрасными. Они не только не увенчались успехом, но в данный момент, на лицо — еще более острая вражда. Я не защищаю и не обвиняю ни одну сторону, — писал я, — ибо мне неизвестны причины и обстоятельства, которые привели к такому печальному концу. Быть может, с большой натяжкой, можно найти некоторое обоснование враждебной позиции Ген. Власова по отношению Ген. Краснова, но никак нельзя оправдать, когда его именем, в официальном документе, выносится гнусная

клевета на Ген. Краснова и когда все казачье дело вручается Ген. П., бурная карьера которого должна вызывать только суровое осуждение. В моей памяти еще так свежи хвалебные гимны Андрей Андреевича Петру Николаевичу. Приходится признать, что сомнения Ген. Краснова оправдались, когда он высказал опасение, что Ген. Власов, не зная Казачество, может на высшие должности назначать лиц, далеко не отвечающих своему назначению. Затем, дав аттестацию Ген. П., я в конце письма указал, что испытываю необычайно горькое разочарование, вспоминая его и Ген. Власова заверения, (каковые тогда мне казались искренними), о том, что все вопросы между Казачеством и Р.О.А. будут решаться дружески. Между тем, вчера я читал документ с грязными выпадами против Краснова, убедивший меня, что штаб Р.О.А. открыто повел борьбу против главы Казачества.

Передавая это письмо Донскому Атаману, я спросил: «Каково же его решение?» Ген. Татаркин дал уклончивый ответ, сказав: «Вероятно я проеду сначала к Ген. Краснову». Вскоре мы расстались.

Позднее я узнал, что Донской Атаман не поехал к Ген. Краснову, а направился в Мюнзанген и 6-го февраля виделся с генералами Власовым и Трухиным. Какой был у них разговор и о чем они договорились, точно никогда установить не удастся, так как никого из них в живых нет. Известно также, что Ю-го Февраля Ген. Татаркин, по указанию Ген. Власова, переехал в лагерь Гольберг, где встретился с генералами П. и Г… Главную роль здесь играл, занимая доминирующее положение, как будущий инспектор казачьих войск, описанный мною выше, Ген. П… Вместе с ним находился Ген. Г… Он предназначался Ген. Власовым в атаманы всех степных казачьих войск, кроме Донского. Временно исполняющим должность Терского Атамана, был назначен Полк. В.

Генералом П. и полковником К.[8] было выработано положение об управлении казачьими войсками, каковое сильно шло в ущерб интересам казачества. Учитывая мягкость характера Ген. Татаркина и опасаясь, что он может таковое принять, Полк. С, состоявший при Донском Атамане, по своей инициативе, срочно известил об этом Кубанского Атанама Ген. Н. Последний 17-го Февраля прибыл в Гольберг и настоял на пересмотре «положения». После нескольких, очень долгих заседаний, было выработано новое положение, в котором, в из-известной мере, были защищены казачьи права. Согласно последнему, начальником казачьих войск должен быть старший Атаман и при нем Атаманский совет, собираемый им по своему усмотрению.

Приказом Ген. Власова от 28-го Марта 1945 г. № 061-к, в этой должности был утвержден Ген. Татаркин, а начальником его канцелярии и штаб офицером для особых поручений Полк. С. Следует еще отметить, что против желания Донского и Кубанского атаманов, но по настоянию Ген. П. и Полк. К., пользовавшихся поддержкой Ген. Трухина, в Атаманский Совет вошел и Ген. Г., что усилило в Совете позицию Ген. Власова.

Уже по окончании войны мне стало известно, что в 1945 году, Ген. Г. В. Татаркин был интернирован американскими властями и пробыл в интернации около года. Это заточение окончательно надломило его силы и он вышел на свободу совершенно больным. Все мои попытки установить с ним контакт, успехом не увенчались. А в конце Октября 1947 г. пришло официальное уведомление о скоропостижной смерти Донского Атамана Ген. — лейт. Г. В. Татаркина, последовавшей 14 Октября 1947 г. в Фельдмохинге, недалеко от Мюнхена. В виду этого, согласно приказу Дон. Атамана еще от 1943 года, мне пришлось вступить в исполнение обязанностей Дон. Атамана.

После отъезда Донского Атамана, я уехал в Югославию, откуда вернулся в средине Февраля. В казачьем штабе меня ждало официальное письмо из Глав. Управ. Каз. Войск. Ссылаясь на указание Ген. Краснова и Д-ра Х., С. Н. Краснов просил меня проверить работу Венского казачьего штаба[9] и дать свое заключение в возможной его реорганизации. Из Берлина, в помощь мне, был прислан офицер, который и привез мне это письмо. Отказать в просьбе я не мог уже потому, что я пользовался некоторой защитой штаба а, главное, штаб выдавал мне продовольственные карточки. В силу этого, я чувствовал себя как то обязанным, почему и принял предложение.

Предстоящая работа не представляла для меня большого труда. Все плюсы и минусы штаба я уже давно видел. Поручив офицеру собрать нужные статистические данные, я начал урывками писать порученный мне доклад.

В это время я совершенно не был в курсе Берлинских событий и не знал какую позицию занимает Глав. Управ. Каз. Войск вообще, а в частности Ген. Краснов, в отношении Р.О.А.. Ничего не мог сказать по этому вопросу и офицер, присланный из Берлина в мое распоряжение.

Между тем, народная молва несла различные слухи. Усиленно говорили, что, будто бы, Кубанский Атаман оставил Генерала Краснова и даже отдал приказ о полном безоговорочном вступлении Кубанского казачьего войска в ряды Освободительного Движения Народов России, под водительством Ген. — лейт. Власова. Впоследствии этот слух оправдался. Тогда

признавалось, что этим актом был нанесен большой моральный удар лично П. Н. Краснову, а также и его престижу, как главе всего казачества. Будучи в Италии, мне пришлось читать приказ Ген. Краснова Казачьим Войскам № 12 от 23 Марта 1945 г. в котором он весьма сурово осудил поступок Ген. Н., считая таковой лишенным законных оснований.

Под влиянием этих слухов я написал С. Н. Краснову письмо, прося его обо всем меня подробно информировать. Но курьер штаба, коему было дано письмо, привез мне его обратно, сказав, что Ген. С. Н. Краснов находится в Италии. Как бы в подтверждение, несколько дней позже, я получил из Италии письмо от С. Н. Краснова. В нем он сообщал, что Глав. Управ. Каз. Войск находится уже в Италии, где условия работы гораздо лучше, чем в Берлине, и советовал и мне приехать в Италию. Но где был Петр Николаевич, он мне не написал и только из другого источника я узнал, что последний также находится в Италии, при стане Доманова.

Я колебался, не зная, что предпринять. Принять приглашение Семена Николаевича и поехать в Италию, или еще задержаться в Вене, хотя здесь жизнь с каждым днем становилась все более и более невыносимой. Спасаясь от воздушных нападений, приходилось ежедневно просиживать в подвалах — убежищах по 4–6 часов. Еще грознее была военная обстановка. С каждым днем Германия с двух сторон все сильнее сжималась в тиски и катастрофа была на пороге. Все, кто могли, спешили оставить Вену, ища спасение в удалении на запад, навстречу союзникам. В городе все суетилось в беженской горячке, и как обычно в подобных случаях бывает, трусость шла авангардом, платя огромные деньги, в золотой валюте, за каждое место в автобусе или в грузовом автомобиле, уходившими на запад. Такая обстановка была в первой половине Марта. В связи с ней, сумбурные, волнующие слухи, сделались обычным явлением. Этому много способствовало прекращение связи с Берлином и слабая, мало надежная, с Италией.

Доклад о казачьем штабе в Вене я окончил и ждал оказию, чтобы его переслать в Италию.

Красные войска, почти не встречая отпора, быстро приближались к Вене, заставляя, пока еще не поздно, усиленно думать об отъезде на запад.

Мои мрачные размышления были однажды прерваны, появлением у меня в квартире казачьего офицера — сотника[10]. Он представился и доложил, что привез мне письмо от Ген. П. Я. Краснова. Распечатывая таковое, я не обратил тогда внимание, считая это случайностью, что личная печать Петра Николаевича

на конверте была сломлена. Прочитав письмо, я спросил офицера, когда он возвращается в Италию. Он ответил, что это зависит от меня, так как он специально послан вручить мне письмо и привести мой ответ Ген. Краснову. Не желая его задерживать, я просил за получением ответа зайти ко мне завтра утром.

В своем письме, П. Н. Краснов сетовал на меня, что я не подаю о себе никаких признаков жизни и что он даже не знает точно, где я сейчас нахожусь. Весьма подробно Петр Николаевич описывал мне условия жизни в Италии, жаловался на чрезмерную перегруженность работой и отсутствие нужных помощников. Свое письмо он закончил предложением мне безотлагательно переехать в Италию, признавая мое дальнейшее пребывание в Вене бесцельным и небезопасным.

В ответ на это я сообщил Ген. Краснову, что с благодарностью принимаю его приглашение и в ближайшие дни выеду в Италию. Я подробно описал ему мою встречу с Донским Атаманом, изложил содержание документа, полученного Ген. Татаркиным из штаба Р.О.А. за подписью Ген. П., а также упомянул о письме, посланном мною Ген. Трухину. Написав еще отдельно письмо Семену Николаевичу, я эти письма, а также и доклад о поверке Венского штаба, вложил в конверты, запечатав каждый несколькими личными печатями. Когда сотник пришел ко мне, я все» вручил ему. Предупредив его, что письма являются важными и секретными, я советовал, связав их, надеть на шею на тесемке под рубашку. С моим советом он согласился. Поручив ему передать генералам Красновым мой привет, я распрощался с ним, пожелав ему счастливого пути. Уезжал он сегодня вечером.

На другой день, около 6 часов утра, я был разбужен моей квартирной хозяйкой. Она сказала, что какой-то военный хочет меня видеть. К моему огромному удивлению на пороге я увидел курьера — сотника. Весьма путано он объяснил мне причину своего раннего визита — пропажей моих писем. Впадая в противоречие, он рассказал мне, как это произошло. Из его слов я понял, что он приехал на вокзал и, в ожидании поезда, стал ужинать. Затем, решив, что надежнее будет держать письма в небольшом чемоданчике, он, расстегнув мундир и рубашку, вытащил оттуда письма. В вагоне, сотник положил чемодан на полку, сам сел в другое отделение и всю ночь не спускал с него глаз. Но вдруг, под утро, он на минутку задремал, а когда открыл глаза, то чемодан исчез. Таково было его сумбурное объяснение.

— «Разве Вы могли наблюдать за чемоданом, если вагоны не освещаются?» — спросил его я. Мой вопрос смутил сотника, но только на мгновенье и затем последовал его наглый ответ: «Был

месяц.»

— «Вы говорили, что ехали всю ночь и, значит, далеко отъехали от Вены, а сейчас 6 часов утра и Вы уже у меня.»

Не задумываясь он ответил, что приехал автомобилем. Дальше я не хотел его спрашивать, но невольно вспомнил поломанную печать на письме Ген. Краснова. У меня не оставалось сомнений, что передо мной сидит наглый тип, исполняющий, но крайне грубо и примитивно чье-то поручение.

Но кого могла интересовать моя переписка с Ген. Красновым, ломал себе я голову. Как я ни старался это решить, делая разные предпосылки, все мои мысли концентрировались на Ген. Доманове. Офицер был его штаба, письмо Ген. Краснова было там вскрыто, прочитано и, конечно, снята копия, — думал я. Так как мои письма были запечатаны несколькими печатями и вскрытию не поддавались, то было решено симулировать их пропажу. И, если тогда я не мог уяснить себе смысл этого, то позже, когда я был свидетелем поведения Ген. Доманова, его разрыва с Ген. Красновым и заискивания перед Ген. Власовым, для меня стала ясна цель. В этом случае Доманов применил чисто советский метод. Общеизвестно, что в Советском Союзе никаким словесным заверениям в приверженности к коммунистическому режиму, ценности не придается. Таковую надо доказать соответствующими поступками, в виде доносов на своих близких, или предоставлением каких либо важных документов, выкраденных, например, у иностранцев. Ген. Доманов, бесспорно, все время занимал явно враждебную позицию по отношению Р.О.А.. Каждое одобрительное слово, произнесенное офицером по адресу Ген. Власова, неминуемо влекло за собой увольнение со службы и таких примеров было очень много[11]. Желая подтвердить свой полный разрыв с Ген. Красновым и доказать свою верность Ген. Власову, Доманов, надо полагать, решил, вместе со своей челобитной, подкрепить свою преданность передачей ему и этих писем.

Я сделал вид, что удовлетворен докладом сотника, но просил его, порядка ради, проехать в штаб и доложить о краже писем начальнику штаба. По его уходе, я позвонил в штаб и сказал дежурному офицеру передать начальнику штаба мою просьбу, немедленно меня вызвать по телефону, как только он придет в штаб.

Когда, примерно через час, я рассказал ему историю с письмами, он был крайне возмущен и заверил меня, что они, вне сомнения, будут найдены, ибо он немедленно вызовет немецкую полицию и передаст ей для допроса этого офицера. Но, к сожалению, его расчеты не оправдались. Оказалось, что «курьер»,

ожидая его, сидел в углу той комнаты, где находился телефон. Он, конечно, слышал весь разговор и своевременно поспешил скрыться. Розыски его полицией остались безрезультатны.

Будучи в Италии, я встретил этого сотника в свите приближенных лиц к Доманову. При свидании с Петром Николаевичем, я, в шутку, сказал ему, что я не знал, что он находится здесь на положении пленника и под очень строгой цензурой. Затем я рассказал ему историю похищения писем. Для меня' было более чем странно, что мое заявление он принял Совершенно равнодушно. Он на него, никак не реагировал. Возможно, что Петр Николаевич так высоко ценил Доманова, что не допускал и мысли, чтобы его заподозрить в таком поступке.

Зато, С. Н. Краснов, сильно негодуя, весьма энергично взялся за это дело. Он вызвал «курьера» к себе. В моем присутствии опросил его, а затем, с моими показаниями, несомненно, уличавшими его во лжи, передал все Ген. Доманову.

При каждой встрече с Семен Николаевичем, я спрашивал его с положении этого дела. Ответ был всегда один и тот же, что он уже несколько раз весьма остро говорил по этому вопросу с Домановым, но последний лишь обещает передать дело в суд, а на самом деле держит его у себя.

Тогда я высказал генералам Красновым мою полную уверенность, что главную роль во всем играет сам Доманов. Мое подозрение вскоре подтвердилось. Когда, накануне отъезда офицеров на «сообщение» Английского генерала, я приехал в Лиенц, то названный сотник был самым близким адъютантом Доманова.

Я умышленно остановился на этом случае, дабы показать, в каком окружении работал П. Н. Краснов и чтобы иметь право утверждать, что кража писем была выполнена по приказанию Доманова, методами и приемами, применяемыми в Советском Союзе.

В последних числах марта, собираясь покинуть Вену, я пошел еще раз в штаб за новостями. Там начальник штаба передал мне письмо и сказал, что его привез офицер Р.О.А., который возможно, снова будет здесь через несколько дней. Письмо было от Ген. Трухина[12]. Федор Иванович подтверждал мне получение моего письма и писал, что сейчас уже поздно дебатировать вновь больной вопрос или искать виновников. Не касаясь причин, вызвавших враждебность Ген. Власова по отношению Ген. Краснова, он высказал лишь сожаление, что я тогда уехал из Берлина. Затем он упрекнул меня, что я исчез и в дальнейшем ни разу не посетил их, а между тем, мое присутствие иногда было необходимо. Не отрицая аттестацию, данную мною Ген. П., Федор

Иванович писал, что им нужен был тогда казачий генерал и что им Ген. П. показался подходящим. Дальше он высказывал пожелание, чтобы я возможно скорее приехал в штаб Ген. Власова. Письмо было датировано 19 марта и оно косвенно подтвердило мне, что Ген. Татаркин прибыл в штаб Р.О.А.

Теперь передо мной стоял вопрос: куда же ехать, к Ген. Краснову или к Власову? Я решил сначала повидаться с Петром Николаевичем, а затем проехать в штаб Р.О.А.

Покинув Вену 1-го Апреля, я, после крайне тяжелого семидневного путешествия по железной дороге, автомобилями и даже на обычных подводах, с трудом добрался до г. Толмецо, где находился штаб Ген. Доманова. Ген. Краснов жил в деревне Вела Сантино, в 4-х километрах от Толмецо, почему я, не задерживаясь здесь, поехал туда.

Петра Николаевича я встретил на пороге дома. Он ехал на лекцию в школу разведчиков. Эта наша встреча носила особенно сердечный характер. Редко Петр Николаевич был так радушен, как этот раз. Не имея времени поговорить со мной, он пригласил меня к себе на обед, после которого он намеревался со мной побеседовать.

Канцелярия Глав. Управ. Каз. Войск находилась почти рядом с домом Петра Николаевича и я прошел туда, чтобы встретить Семена Николаевича. Моя беседа с ним была весьма продолжительна и мы говорили на разные темы. Как я мог заключить, интересы Семен Николаевич ограничивались исключительно казачьим станом Ген. Доманова, боевыми стычками казачьих полков с партизанами и жизнью казаков, расселенных в, так называемых, казачьих станицах. Дальше этого его интересы не простирались. Он с большим увлечением информировал меня обо всем, высказывая разные предположения и строя планы, совершенно забывая или не учитывая общее военное положение. Должен сказать, что эту характерную черту я подметил еще и раньше почти у всех лиц, окружавших Ген. Краснова, которые проявляли весьма слабый интерес к общей обстановке на фронте и обычно просили меня информировать их в этом отношении.

Все, что я почерпнул из разговора с Семен Николаевичем о Р.О.А. и Ген. Власове, в его оценке, можно резюмировать так: с Власовым нам не по пути; он ведет свою линию, мы свою; где он сейчас и что делает, нас не интересует. И действительно, он не был в курсе событий в ставке Ген. Власова и не имел представления о том, что там уже сформировано новое Глав. Управ. Каз. Войск.

Во время обеда у Петра Николаевича я рассказывал ему о

моих мытарствах и приключениях во время путешествия из Вены до Италии. После мы перешли в рабочий его кабинет, где начали вести деловой разговор.

Свой доклад я начал издалека, с момента моего приезда в Вену и тщетных ожиданий вызова меня в Берлин. На это мое заявление Петр Николаевич не сделал никаких примечаний. Описывая, затем, встречу с Донским Атаманом, я подробно передал содержание бумаги, полученной Ген. Татаркиным за подписью Ген. П. смягчив лишь, несколько, ту клевету, которая касалась лично Ген. Краснова. Упомянув о моем письме Ген. Трухину, я предложил Петру Николаевичу прочитать письмо, полученное мною от Федор Ивановича. Когда он кончил чтение, я сказал: «Получив почти одновременно приглашение от Вас и Ген. Трухина, я решил побывать у Вас, ориентировать Вас обо всем, а затем попытаться проехать в штаб Р.О.А.»

Ген. Краснов, видимо, не разделял мое мнение, почему он особенно тепло сказал: «Я думаю, Иван Алексеевич, что прежде всего мы должны основательно отдохнуть после Вашего тяжелого путешествия. Кроме того, у меня к Вам просьба — объехать станицы, познакомиться с жизнью казаков в них и, после, поделиться со мной Вашими впечатлениями. Ехать же Вам к Власову, я полагаю, нет никакого смысла».

Избегая дальше углублять вопрос о моей поездке в ставку Р.О.А., что, как я заметил, было неприятно Петру Николаевичу, я выразил мое согласие выполнить его поручение и в короткий срок побывать во всех станицах. И опять Ген. Краснов дал мне пенять, что нет никакой необходимости спешить с объездом станиц.

Вернувшись опять к моему докладу, он задал мне несколько вопросов. В связи с ними, он выразил глубокое сожаление, что Ген. Татаркин к нему не приехал, а ушел в лагерь Ген. Власова, точно также, как и Ген. Н..

— «Но что они будут там делать?» — спросил он меня.

Не получив от меня ответа, он решительно заявил, что все казаки находятся под его командой и что этим генералам остается лишь будировать и толкать казаков на дезертирство, или помогать штабу Р.О.А. обливать его клеветой и грязью. Говоря это, Ген. Краснов терял свой обычный спокойный тон и сильно волновался.

— «Я иду своим путем и с него не сойду,» — заявил уверенным тоном Петр Николаевич.

— «Позвольте спросить Вас Петр Николаевич», — сказал я — «видели ли Вы Ген. Власова после моего отъезда из Берлина и в чем лежит причина столь его враждебной позиции? Мне это совершенно непонятно, особенно после Вашей с ним встречи.»

Ген. Краснов ответил, что он Власова не видел и что никакого конфликта не было. Из дальнейшего разговора я мог приблизительно уяснить, что после назначения Ген. Власова Главнокомандующим, со стороны последнего не последовало предложения для окончательного решения казачьего вопроса[13]. В конце Петр Николаевич сказал, что оставив Берлин и переехав в Италию, он совсем потерял контакт со штабом Р.О.А. и теперь о Власове до него, временами, доходят только слухи. По его сведениям, 1-я дивизия Р.О.А., получившая наименование 600 Гренадерской дивизии, будто бы сформирована, но ее первые боевые действия успехом не увенчались.

Прощаясь, Петр Николаевич рекомендовал мне возможно скорее познакомиться с Домановым, иначе последний может быть обижен. Я его заверил, что в этом отношении он может быть спокоен и что уже завтра я буду у Доманова.

Я решил поселиться в Толмецо и, при содействии С. Н. Краснова, получил в Итальянской гостинице довольно приличный номер. На другой день он познакомил меня с Домановым, любезность которого и необычайная предупредительность, буквально меня поразили. Он заверил меня, что не будучи еще со мной знаком, он часто слышал обо мне от П. Н. Краснова, как о старом его сотруднике во время гражданской войны. Сказал также, что ему известна моя работа по сближению Р.О.А. и Казачества и мои дружеские отношения с Ген. Власовым. И закончил заявлением, что ему приятно видеть меня здесь.

Я отлично сознавал, что у меня не было никаких оснований рассчитывать на такое необычайное внимание со стороны Доманова, так как я не занимал никакого официального положения, будучи совершенно частным человеком. Однако, его лестные излияния по моему адресу и чрезмерное радушие, побудили меня к осторожности и потому я решил, по возможности, избегать с ним особо откровенных разговоров.

В беседе со мной, Ген. Доманов старался выяснить, как именно Ген. Власов расценивал П. Н. Краснова. Инстинктивно насторожившись, я не стал посвящать его во все детали этого вопроса, а также умолчал о теперешней позиции Ген. Власова по отношению к Петру Николаевичу, полагая, что таковая ему неизвестна. Но зато, с особой яркостью, я отметил глубокое уважение Ген. Власова к Ген. Краснову, чему, во время их свидания, я был живой свидетель.

Говорил Доманов тихо, медленно, тщательно подбирая слова и, как бы, обдумывая каждую фразу. Временами тон его голоса принимал оттенок слащавости, что я расценивал, как доказательство его неискренности и желание подкупить доверие

своего собеседника.

Он был уже осведомлен о предстоящем моем объезде казачьих станиц и, в связи с этим, он сказал, что ему будет особенно приятно услышать мое мнение, так как им выполнена огромная работа для наилучшего благоустройства казачьего стана. Для объезда станиц он предоставил в мое распоряжение автомобиль.

В этот же день вечером, С. Н. Краснов и я получили приглашение быть у него на ужине. Следует отметить, что внимание Доманова не ограничилось только этим. Когда я вернулся к себе в гостиницу, ко мне, по его приказанию, явился комендант г. Толмецо, Полк. К. Он осведомился у меня, доволен ли я комнатой и условиями жизни здесь и сказал, что если мне что либо нужно, он просит меня ему телефонировать. Такую заботливость Ген. Доманова никак нельзя было признать обычной и скорее надо было предполагать, что за ней что-то кроется.

Ужин у него, по тем временам, отличался редким изобилием разных деликатесов и отборных вин, каковые я уже давно даже не видел. Никакого сравнения не могли выдержать необычайно скромные обеды у П. Н. Краснова или ужины у Ген. Власова с роскошным ужином Доманова. Во время нашего разговора я, в полушутливом тоне, рассказал историю пропажи моих писем, каковую закончил серьезно, сказав, что к моему большому удивлению, я этого «героя» видел сегодня на улице. Доманов тотчас же выразил готовность расследовать этот случай, считая, что виновный должен быть наказан. Но, на самом деле, как я уже говорил, сотник не только не понес никакой кары, а даже продвинулся в своей служебной карьере.

Почти каждый день я объезжал станицы. О моих посещениях, заблаговременно, были оповещены станичные атаманы, что значительно облегчало выполнение моей задачи. В станицах я встретил много старых друзей по Дону. Беседуя с ними, со станичными атаманами и особенно с рядовыми казаками, я постепенно знакомился с жизнью в станицах. Часто я заходил в станичные правления, в церкви, в школы, в околодки, в театры, в столовые, а также и в квартиры, где жили казаки.

Попутно я выяснил способ расселения казаков по итальянским деревням, каковой, по моему, нельзя было признать удачным. Обычно, немцы силой выселяли из некоторых деревень большую часть коренного итальянского населения, а затем эти деревни передавали в ведение стана Доманова. В таких случаях, большинство жителей, убегало к партизанам, увеличивая их ряды, а главное, все свое негодование и злобу итальянцы выливали не на немцев, а на казаков, так как их дома занимали

казаки. Много способствовали отрицательному и даже враждебному отношению населения к казакам и сами последние, своим поведением, и даже случаями воровства и грабежа.

Высшее начальство, в лице Ген. Доманова, смотрело на это сквозь пальцы, что вело еще к большему разгулу. Причину такого поведения казаков я усматривал также и в их безделье. При моих объездах станиц, я видел здоровых, крепких и иногда далеко не старых казаков, целый день сидящих группами у домов и проводящих время в праздных разговорах. Правда, часть из них входила в, так называемую, внутреннюю охрану станиц. Однако, вооружения на всех далеко не хватало, не говоря уже об обмундировании. Последнее, зачастую, было убогое и жалкое. Я нередко видел на посту, у въезда в станицу, казаков с винтовкой в руках, одетых в военные брюки, а куртка и головной убор были штатские. Или же, вся принадлежность казака к военной службе выражалась только в военной фуражке и винтовке. Едва ли надо доказывать, что такие «воины» никаким авторитетом среди казаков не пользовались. И все же, с этим еще можно было мириться. Но, главным образом, развращало людей и толкало их на совершение проступков, как я уже сказал, — их безделье, чему трудно было найти оправдание. Паек был отличный и, например: хлеба выдавалось 600 грамм в день, в то время, как в Вене мы получали только 150. В такой же пропорции были и остальные продукты.

Между тем, мне стали известны такие факты. Итальянец сегодня посадил картофель. И вот два казака, сидя на заваленке, ведут, примерно, такой разговор: «Слушай Сидор Иванович, наш тальян посадил картофель, хошь, обнесем сегодня ночью?» И ночью они вырывали картофель, делая это отнюдь не из-за голода, а исключительно из-за озорства.

Я уже не говорю о том, что пропажа коров и другого домашнего скота, не были явлением редким. Итальянцы озлоблялись еще больше, уходили в горы и мстили казакам.

Меры, применяемые Домановым в борьбе с этим злом, были далеко недостаточны. Он, я бы сказал, ограничивался полумерами, быть может, опасаясь потерять среди казачества свою популярность доброго вождя, потворствующего процветанию подобных явлений.

Еще большим злом было то, что и среди офицеров находились лица, которые спекулировали и лихорадочно стремились лишь к личному обогащению. Пример начальников, конечно, заражал и ободрял казаков. Они между собой говорили, что коли офицеры берут, то им то уж и Бог простит. Лозунг — все дозволено, находил себе поддержку в упорно ходивших слухах,

что за всякое злодеяние можно легко откупиться, даже и у Домнова, лишь бы было, что дать. Насколько это отвечало истине, я не могу утверждать, хотя мне часто в доказательство приводили факты и называли даже имена и фамилии. Достоверно мне известно, что в числе частного имущества Доманова были и автомобили, и лошади, и коровы.

Однако, на ряду с этими отрицательными явлениями, было бы несправедливо обойти молчанием и положительные стороны казачьего стана. Функционировало юнкерское училище и кадетский корпус, предполагалось основать и женский институт. Во всех станицах, с любовью и большим вкусом, были устроены церкви, столовые, читальни, бани, школы, детские сады, околокди, разные мастерские, школа разведчиков, комиссионные магазины и даже лавки. Существовал прекрасный казачий хор и духовой оркестр.

Все это показывало, что была проделана большая и продуманная работа. На каждом шагу я видел неоспоримые доказательства казачьей изворотливости и смекалки, когда за отсутствием материала и нужных средств, применялся разнообразный суррогат, но так искусно, что он с успехом отвечал своему назначению.

Казаки с семьями размещались по квартирам, большинство которых содержалось в относительной чистоте.

Мой объезд станиц продолжался, с небольшими перерывами, дней восемь. Обычно, проезжая недалеко от места, где жил Петр Николаевич, я посещал его. Он иногда давал мне указания, где именно и на что желательно обратить особенное внимание.

Окончив свою задачу, я в условленное время приехал с докладом к Петру Николаевичу, где застал и Ген. Доманова.

Свой доклад я начал с просьбы не сетовать на меня, если я, отмечая плюсы, оттеню также и минусы того, что я видел, считая это необходимым, дабы нарисовать полную картину.

После такого вступления, почти в двухчасовом докладе, я изложил все положительные и отрицательные стороны казачьего стана Доманова. Несколько раз последний, не соглашался со мной, признавая мои выводы ошибочными, что побуждало меня каждое мое положение подкрепить целым рядом фактов, с именами и фамилиями, каковые я собрал и на всякий случай записал.

На вопрос Доманова, как я мог это слышать или узнать, я ответил, что мой штатский костюм позволял мне видеть и слышать часто то, что было бы невозможно, если бы я носил военную форму.

Резюмируя мои наблюдения и впечатления, я сказал: «Не

отрицая больших достижений в устройстве казачьей жизни в станицах, я, вместе с тем, утверждаю, что существует еще большое зло, а именно: сытая и праздная жизнь, слабая дисциплина и сознание, что проступки часто остаются безнаказанными, — развращает людей и толкает их на путь преступлений.»

Я видел и чувствовал, что мой доклад не понравился обоим генералам, но по разным причинам. Ген. Краснов переживал сильное огорчение, видимо, впервые услышав что-то новое о жизни в станицах, каковые были его любимым детищем. Ген. Доманов сделался красным, сидел надувшись, вероятно в душе проклиная меня за такой доклад Петру Николаевичу.

Неоспоримо, что на Ген. Краснова доклад произвел весьма тяжелое впечатление. На следующий день его супруга, Лидия Федоровна, просила меня пощадить Петра Николаевича и не делать ему докладов, подобных вчерашнему, после которого он всю ночь не спал. Я обещал ей это и свое слово сдержал. Откровенно говоря, больше всего я винил самого себя. Действительно, не было смысла огорчать Петра Николаевича, открывая ему оборотную сторону медали — жизни казаков в станицах, когда я был уверен, что не сегодня — завтра наступит общая катастрофа.

Поэтому, при первой встрече с Ген. Красновым, я всячески старался смягчить остроту моего доклада и сколько было возможно его успокоить.

Для меня знакомство с казачьим станом в Италии имело одно неоспоримо важное значение. Я лично убедился, что при озлобленности населения к казакам, а, значит и к русским, оставаться здесь, в случае капитуляции Германии, будет рискованно и разные эксцессы неизбежны. Эти соображения, а также и окончание поручения, возложенного на меня Петром Николаевичем, побуждали меня оставить своевременно Италию и переехать в штаб Ген. Власова.

Чтобы посоветоваться по этому вопросу с Петром Николаевичем, я отправился к нему. Мотивируя свое намерение покинуть казачий стан, я сказал ему, что, не будучи ничем здесь связан и располагая свободным временем, я бы хотел проехать к Ген. Власову, выяснить там обстановку и затем объективно его информировать. При этом я заверил Петра Николаевича, что ни в коем случае не прийму службу у Генерала Власова, особенно, связанную с казачьими вопросами и что, если обстановка позволит, я вернусь снова в Италию. Вместе с тем, я указал, что для этой поездки мне необходим автомобиль, так как путешествие по железной дороге сейчас невозможно. Выслушав

меня, Ген. Краснов категорически заявил, что у Доманова нет ни одного хорошего автомобиля, с которым мне можно пуститься в далекий и, при нынешних обстоятельствах, даже опасный путь. Дальше он дал мне понять, что его мало интересует обстановка в штабе Р.О.А. и что, по его мнению, было бы целесообразнее мне никуда не уезжать, а начать работать при нем, в качестве генерала для поручений.

— «Я сильно перегружен работой,» — сказал Петр Николаевич — «кроме Семен Николаевича у меня нет помощников; я Вас знаю и Вы, приняв мое предложение, значительно облегчили бы мою работу.»

Какие истинные мотивы побуждали Ген. Краснова в такой момент предложить мне службу, угадать трудно. Ведь нельзя же предполагать, чтобы ему не была известна общая военная обстановка, последняя агония Берлина и судорожные сопротивления сплюснутых с Востока и Запада, немецких армий, что красноречиво говорило о неминуемой развязке мировой трагедии. Скорее я мог это объяснить только его желанием не допустить моего отъезда в «лагерь» Власова, где находилось уже несколько казачьих генералов и что для него было бы еще одним моральным ударом больше. Учитывая это, я, хотя и против моей воли, но ответил, что, соглашаясь с его доводами, я остаюсь здесь.

Затем, поблагодарив Петра Николаевича за его ко мне доверие и предложение, я сказал, что принимая в принципе таковое, я прошу его дать мне 3 дня для устройства моих личных дел.

Моим ответом Ген. Краснов остался доволен. Я, говоря так, стремился выиграть время, будучи уверен, что и это назначение окончится точно также, как и вопрос о Зимовой Станице.

И предчувствие меня не обмануло. На третий или четвертый день я приехал к Петру Николаевичу и дал ему окончательное согласие. Но, вместе с тем, я просил его приказ о моем назначении отдать только тогда, когда я получу военную форму. Он принял мое предложение и тотчас же позвонил Доманову, сказав, чтобы для меня в кратчайший срок было приготовлено военное обмундирование.

Я был очень обрадован, когда встретив Доманова, услышал от него, что в их мастерских нет требуемого для формы сукна, но что в ближайшие дни в Триест будет командирован офицер, которому будет поручено привести оттуда нужные материалы.

Между тем, события вскоре начали развиваться необычайно быстрым темпом, опередив все наши предположения и выдвинув на первый план более важные вопросы, нежели мое назначение

или вопрос о военной форме.

В эти дни меня посетил Полк. Б.[14] и представился мне, как Представитель Р.О.А. при стане Ген. Доманова. Мне было приятно познакомиться с ним. Я вспомнил, что однажды я его встретил у Ген. Власова. Последний очень высоко его ценил, как героя, стоявшего во главе русского гарнизона, защищавшего небольшую крепость на Западном фронте. Только благодаря храбрости ее защитников и коменданта, крепость держалась дольше всех других, несмотря на то, что была окружена со всех сторон. Накануне ее сдачи, когда иссякла амуниция и продовольствие, ее коменданту, названному полковнику, каким то чудом удалось спастись и, при помощи подводной лодки и авиации, прибыть в Берлин.

В продолжительной беседе он нарисовал мне печальную одиссею своей жизни в Италии. Прибыл он в стан Доманова около двух месяцев тому назад. Ген. Доманов, не только сухо его принял, но и всячески преследовал, вплоть до ареста. Только наличие здесь его семьи, живущей в одной из станиц и нежелание с ней расстаться, заставляли его мириться с положением затравленного зверя и мечтать при первом случае перебраться назад к Ген. Власову. Разбирая вопрос казачества и Р.О.А., а также взаимоотношения генералов Краснова и Власова, я заметил, что Полк. Б. во всем этом довольно хорошо ориентирован.

О моей с ним встрече и разговоре я передал Ген. Краснову но он очень резко отозвался о Полк. Б., назвав его самозванцем. Доказать Петру Николаевичу противное я не мог, так как видел полковника второй раз в моей жизни, а потому решил больше вообще вопроса о нем не поднимать.

Если память не изменяет, то числа 22 или 23 Апреля в Италию прибыл немецкий генерал-лейт. Н., видимо с целью инспекции немецкого фронта в районе Триеста, а также и казачьих частей.

Прибытие генерала явилось большим событием в жизни Толмецо и вызвало, знакомое в таких случаях, волнение и суматоху. Все

повседневные вопросы отодвинулись назад и внимание штаба Доманова полностью сосредоточилось на этом высоком начальнике. В связи с этим, по городу ползли разные фантастические слухи. Все напряженно чего то ждали. Говорили, что немецкий генерал уже два раза посещал Ген. Краснова и каждый раз оставался у него по несколько часов. Зная, что оба генерала Краснова сильно заняты, я избегал эти дни беспокоить их посещением или телефонными звонками, полагая, что через день, два, они меня сами обо всем информируют.

В честь высокого гостя в Толмецо был устроен большой концерт. В этот день ко мне пришел комендант города и весьма удивил меня своим заявлением, сказав, что согласно указаниям генералов Краснова и Доманова, я должен присутствовать на этом концерте. Откровенно говоря, я не испытывал тогда ни малейшего желания развлекаться, но расценивая приглашение генералов, скорее, как приказание, я, скрепя сердце, согласился.

В театр я пришел немного раньше и видел, как вошел немецкий генерал в сопровождении генералов Красновых, Доманова и других. Перед самым началом концерта ко мне подошел адъютант немецкого генерала и сказал, что последний просит меня к себе. Недоумевая и полагая, что это какое то недоразумение, я встал и подошел к группе стоявшего начальства. Тогда Петр Николаевич Краснов представил меня немецкому генералу. Меня совершенно озадачила просьба последнего остаться и занять место рядом с ним.

Во время концерта мы изредка перебрасывались отдельными фразами, касавшимися прекрасного исполнения отдельных номеров программы. По окончании концерта у Ген. Доманова состоялся ужин. Под всякими предлогами я уклонился от приглашения Доманова и пошел домой, стараясь отыскать причину непонятного внимания, оказанного мне немецким генералом. На следующий день, этот вопрос не представлял для меня уже загадки.

Ко мне в гостиницу пришел адъютант генерала и передал его. просьбу посетить его в 4 часа дня. Только что он ушел, как появился Полк. В., который спросил меня, — получил ли я приглашение от немецкого генерала. Я ответил утвердительно. Оказалось, что и Полк. Б. также был позван. На мой вопрос о причине этого приглашения, он ответил несколько неопределенно, высказав предположение, что вероятно генерал будет интересоваться взаимоотношениями генералов Краснова и Власова. В назначенный час, мы пошли к генералу вместе. Он принял нас очень радушно, о чем наглядно говорил стол, богато заставленный разными напитками, папиросами, шоколадом и другими яствами. Кроме генерала в комнате находился еще один немец — полковник генерального штаба.

Предсказания Полк. В. сбылись. Генерал целым рядом вопросов старался выяснить у меня не только отношения между Красновым и Власовым, но и пытался найти путь к их примирению.

Отвечая ему, мне пришлось изложить всю историю этого вопроса. Одновременно, вспоминая главные положения, выдвинутые в свое время Ген. Красновым[15], как основание для

соглашения с Ген. Власовым, я заявил, что только при этих условиях, я полагаю, Ген. Краснов согласится подчиниться Ген. Власову, как Главнокомандующему. Я решительно отстаивал эти положения, временами ссылаясь на Полк. Б. и говоря, что в частной со мной беседе последний, как Представитель Ген. Власова, считал эти условия последним приемлемыми. Однако, здесь Полк. В. стал несколько менять свои первоначальные взгляды, что привело к довольно горячим прениям. Из реплик генерала я сделал вывод, что он больше склоняется поддержать требования Ген. Краснова, нежели Ген. Власова. Основные положения я упорно отстаивал уже потому, что не считал себя вправе, без согласия Петра Николаевича делать какие либо уступки. Еще меньшим правом в этом отношении, неоспоримо, располагал Полк. В., полномочия которого говорить на эту тему от имени Ген. Власова и, особенно, идти на какие либо компромиссы, были под большим знаком вопроса.

В результате мы не могли прийти к соглашению и зашли в тупик. Как выход из положения, хотя и с очень малой надеждой на успех, генерал предложил обсудить этот вопрос с генералами Красновым и Домановым. Волей неволей, я вынужден был согласиться на это предложение, будучи заранее убежден, что оно не будет принято Ген. Красновым. Свое предвидение я обосновывал, прежде всего, на отрицательном отношении П. Н. Краснова к Полк. В., у которого не было официальных полномочий на ведение таких переговоров. Непонятна была мне и необходимость присутствия Ген. Доманова. Генерал просил меня организовать это совещанием. В принципе я был против, но отказать считал невозможным.

Окончив этот вопрос, генерал перевел разговор на казачий стан Доманова и, в частности, на казачьи войска. Не могу сказать, чтобы его аттестация была особенной лестной для них. В виду этого, он признавал необходимым безотлагательно провести полное переформирование казачьей группы. Говоря на эту тему, он сказал, что ему известно, что подходящим лицом для проведения этой реорганизации был бы я, причем, он добавил, что Ген. Доманов, если это признавалось бы нужным, мог оставаться, но только как фирма. Его неожиданное предложение застало меня совершенно врасплох. Я поблагодарил генерала?за его любезное предложение но ответил, что ввиду слабого моего здоровья, я, к сожалению, вынужден от этого отказаться. Кроме того, я прибавил, что такое переформирование требовало бы известное время, тогда как часы бьют уже двенадцать.

Мой ответ не понравился генералу. Он нахмурился и сурово спросил: «Вы уверены в этом?» — «Так точно», — ответил я.

Дальше наш разговор уже не вязался. Мы остались еще недолго и расстались довольно сухо.

Я поспешил к П. Н. Краснову, дабы поделиться с ним моим разговором с немецким генералом, будучи уверен, что это для него явится большой новостью. Но оказалось, что он этим нисколько не был удивлен. Скорее у меня создалось впечатление, что он не только знал, что я буду вызван генералом, но ему было известно и предложение, которое последний мне сделает. Могу с уверенностью предполагать, «что инициатива всего этого исходила именно от Ген. Краснова. Только одно мне и по ныне неясно: почему Петр Николаевич скрыл это и не считал нужным заранее меня предупредить.

Когда я, согласно желанию немецкого генерала, заговорил о предстоящем совещании, то мое предположение оправдалось. Ген. Краснов категорически воспротивился и решительно заявил, что по этому вопросу бесцельно говорить и с Полк. Б. и с Ген. Домановым.

Только после моих настойчивых просьб и заявления, что я обещал генералу устроить совещание, Петр Николаевич дал свое согласие, но с оговоркой, чтобы его заменил Семен Николаевич. — «Я перегружен работой и у меня нет времени для таких заседаний,» — сказал он.

В такой, примерно, форме, я сообщил Полк. В., предупредив его, что о дне заседания я своевременно его уведомлю.

Однако, этому совещанию не суждено было осуществиться. Полк. В. торопил меня, а я С. Н. Краснова. Последний, ссылаясь на перегруженность работой, обещал в ближайшие дни устроить таковое, но дальше этого дело не шло. Мне было уже ясно, что П. Н. Краснов дал ему соответствующее указание, чтобы это заседание вообще не состоялось. Немецкий генерал уехал и я больше не настаивал на этом вопросе, фактически не имевшим никакого существенного значения. Больше всех был огорчен неудачей Полк. Б. Он тогда же решил покинуть Толмецо и уехать в штаб Ген. Власова. Находясь на положении опального, Полк. Б. просил меня перед отъездом устроить ему свидание, хотя бы с начальником штаба Ген. Доманова. Я обещал ему и с этой миссией пошел к и. д. начальника штаба. Последний, услышав фамилию Полк. Б., был вне себя от радости. Он сказал, что они его уже давно ищут и что Атаман Доманов будет очень рад его видеть. Узнав от меня, что полковник ожидаем ответа на улице, начальник штаба тотчас же выбежал из здания. Он радостно приветствовал Полк. Б. и, забыв со мной попрощаться, повел его сам в квартиру Доманова. Все это произошло так быстро и неожиданно, что я стоял как зачарованный, не веря своим глазам

и ничего не понимая.

Так начался резкий поворот политики Доманова в отношении Ген. Власова. С этого момента бывший опальный полковник Б. уже не выходил из дома Доманова, став первым лицом в казачьем стане и сам Доманов всячески стремился ему угождать.

Чтобы легче понять такое поведение Доманова, нужно описать одно событие, имевшее место в 15 казачьем корпусе Ген. Панвица, в Югославии, каковое оказало влияние, не только на перемену Домановым внутренней политики, но и сыграло известную роль в судьбе самого П. Н. Краснова.

29-го Марта 1945 г., в названном корпусе, по инициативе Пол. К., бывшего командира 5-го Донского полка, был созван, так называемый, Всеказачий съезд фронтовиков. Едва ли надо доказывать, что широковещательное наименование этого «съезда», далеко не отвечало той уродливой форме, в которую фактически он вылился, присвоив себе незаконно название «Всеказачьего». При оценке этого съезда, следует учитывать, что большая казачья группа, находившаяся в Италии, т. е. Казачий Стан Доманова участия в нем не принимала. Мало того, его составляли только воинские чины, т. е. подчиненные и начальник в лице Полк. К. При таких условиях не приходится, конечно, говорить, хотя бы о намеке свободного волеизъявления его участников.

Первым постановлением этого пресловутого съезда, Полк. К. «обрадовал» казачество, выбрав на должность Походного Атамана всех казачьих войск, немецкого генерала Панвица, своего командира корпуса. Мотивы такого избрания пояснений не требуют. Обласкав этим актом Ген. Панвица, Полк. К., на всякий случай, страхует себя и у Ген. Власова.

По его почину выносится резолюция о переходе 15-го казачьего корпуса в полное и безоговорочное подчинение Главнокомандующему вооруженными силами Народов России, Ген. Власову. Бесспорно, это постановление никакого практического значения не имело и до самой капитуляции Германии корпусом фактически распоряжались только немцы, а не Ген. Власов. Но моральное значение этого акта, несомненно, было велико. Ген. Власов получал документ, свидетельствовавший, что казачья группа в Югославии, бывшая по казачьей линии в некотором подчинении Ген. Краснову, порывала с последним и самочинным порядком отдавала себя в его распоряжение. Такое постановление ласкало самолюбие Ген. Власова и, одновременно, наносило большой моральный удар Ген. Краснову. В своем стремлении выслужиться у Ген. Власова, названный полковник делает еще худший выпад против казачьего

великана П. Н. Краснова. Здесь же выносится резолюция, с требованием расформирования Глав. Управ. Каз. Войск и, тем самым, устранения Ген Краснова, как его начальника. И вот с этими решениями съезда Полк. К. спешит к Ген. Власову, желая его обрадовать ими.

Ни Глав. Управ. Каз. Войск, ни лично Ген. Краснову, в виду отсутствия тогда связи, ничего не было известно ни об этом съезде, ни об его резолюциях. Но Ген. Доманов каким-то путем об этом узнал. Тогда, надо полагать, перед ним встала дилемма: остаться верным П. Н. Краснову, быть может, даже с риском потерять свое положение, если немцы подчинят Власову казачьи части. Или же изменить своему благодетелю, коему он был всецело обязан н своей блестящей карьерой и высоким постом, и признать немедленно ген. Власова, но зато, быть может, остаться у власти. И он выбрал второе. Без ведома и согласия Ген. Краснова, тайно, он написал челобитную Ген. Власову, которой передавал группу в Италии в полное его подчинение и просил указаний. Два гонца, из наиболее верных и надежных адъютантов, должны были доставить это донесение в ставку Ген. Власова. Посылка этих курьеров была обставлена необыкновенной тайной. Но как ни старался Доманов скрыть свое деяние, оно оказалось шилом в мешке. Его закулисная игра конфиденциально стала известна и мне, о чем я срочна доложил ген. Краснову.

И сейчас еще хорошо помню, как он горячо протестовал. Петр Николаевич никак не желал верить и не допускал мысли, чтобы Доманов мог решиться на подобный шаг. Даже больше, он очень разгневался на меня и упрекнул в том, что я передаю ему сплетни и мараю имя честного и благородного человека, Ген. Доманова. Однако, я не сдавался и настаивал на своем. В конечном итоге я предложил Петру Николаевичу задать вопрос Доманову: куда, почему и с чем посланы адъютанты и я назвал их фамилии.

Не будучи уверен, что мне удалось убедить Ген. Краснова в правоте моего утверждения, я решил по тому же вопросу информировать Семен Николаевича. Последний отнесся к моему сообщению с большим доверием и обещал безотлагательно принять меры для выяснения этого вопроса. Что именно сделал Семен Николаевич, я не знаю, но уже на другой день Доманов был вызван Ген. Красновым. У них произошло весьма бурное объяснение, каковое подтвердило правоту моего предостережения, сделанного Ген. Краснову.

В это же время, т. е. в последних числах Апреля, в Толмецо, из штаба Р.О.А., приехал Ген. К.[16] Почти одновременно возвратились с ответом Ген. Власова и посланцы Доманова — его адъютанты.

Ген. Власов утвердил Доманова в должности Походного Атамана казачьей группы в Италии и отдал приказ о расформировании Глав. Управ. Каз. Войск.

Зная немного характер А. А. Власова, у меня есть основание сделать некоторые предположения. Я думаю, что получив от обеих казачьих групп, помимо Ген. Краснова, признание его Главнокомандующим и заявление о безоговорочном их ему подчинении и, одновременно, постановление «съезда» о ликвидации Глав. Управ. Каз. Войск, Ген. Власов решил нанести своему сопернику Ген. Краснову окончательный удар и навсегда устранить его со своего пути. Ген. Власов, поддаваясь легко хорошему влиянию, очевидно, не всегда мог устоять и против дурного совета. Во всяком случае, смело можно утверждать, что на такой акт А. А. Власов решился только по совету кого-то. Кто именно взял на свою душу этот тяжкий грех — неизвестно. Можно предполагать, что в этой роли мог оказаться Ген. П.[17], злобно настроенный против Ген. Краснова и бывший вершителем судеб казачества при штабе Р.О.А.. Но особенного значения это не имело. Гораздо важнее было то, что отдавая приказ о ликвидации Глав. Управ. Каз. Войск, и, следовательно, в скрытой форме об устранении Ген. Краснова, Ген. Власов не учел многого, весьма существенного. Вследствие этого, его такой решительный шаг против Краснова можно уподобить бездельному выстрелу из тяжелого орудия в воздух.

Прежде всего, он не принял во внимание удельного веса тех факторов, в силу коих обе казачьи группы, не только без согласия, но и тайно от Ген. Краснова, били ему челом, передавая себя в полное ему подчинение. Приходится сожалеть, что Ген. Власов очень слабо знал казачество. Иначе он понял бы всю бутафорию Всеказачьего съезда фронтовиков, несерьезность и даже смехотворность его решений, как например, выбор Походным Атаманом всех казачьих войск, немецкого генерала и преподношение ему, но, конечно, только на бумаге, и самого 15-го казачьего корпуса. Я сказал «на бумаге», ибо передача корпуса в распоряжение Ген. Власова отнюдь не зависела ни от постановления «съезда», ни от желания Полк. К. выслужиться у Ген. Власова. Это могло произойти только по решению высшего немецкого командования, каковое, кстати сказать, если бы пошло на это, то только по личному ходатайству П. Н. Краснова. Не обратил должного внимания Ген. Власов и на личность Полк. К., который привез ему эти постановления, приятные лишь для сердца, но уму ничего не дающие. Я отчетливо помню горделивое заявление А. А. Власова, что у него разведка поставлена идеально и что о каждом, кто к нему приходит, он знает все, до

мельчайших подробностей. Что же случилось с разведкой, — спрошу я? Между прочим, в этом случае Ген. Власову не было необходимости прибегать к услугам своей разведки. Было бы достаточно вспомнить лишь один наш разговор и ту характеристику, какую он сам дал Полк. К. Как-то раз, рассказывая Ген. Власову о 15 казачьем корпусе, я обрисовал ненормальное в нем положение^ когда корпус казачий, а все командные должности заняты немцами, что среди казаков вызывает большое неудовольствие. Исключение, составлял 5 Донской казачий полк, а теперь бригада, которой командует русский полковник К., мало, похожий на казака. Продолжая разговор, я сказал, что будучи в Югославии, мне приходилось слышать о действиях 5-го Донского казачьего полка под командой Полк. К. и как тогда, так и теперь, для меня остается загадкой — на кого больше нагонял страх и трепет этот полк: на партизан или на мирное население?

Ген. Власов ответил, что об этом и он слышал. Затем добавил, что у него названный полковник так не разгулялся бы, он бы согнул его в бараний рог или ликвидировал.

Вспомни только Ген. Власов эти свои слова, он, конечно, совсем иначе расценивал бы факты и события, связанные с личностью Полк. К,

То же самое применимо и в отношении Доманова. Стоило лишь Ген. Власову побороть свое предубеждение против Ген. Краснова, он объективно оценил бы донесение Доманова и разгадал бы истинную подкладку и закулисную игру последнего. Ему стало бы ясно, что передавая тайно от Краснова в его распоряжение казачью группу в Италии, Доманов на всякий случай страховал себя у него.

Ген. Власова нельзя было не признать за глубокого психолога, когда он так метко характеризовал людей. — «Они думают,» — говорил он, — «что я наивен, что не могу понять их продажные душенки и разгадать истинный смысл, что они на всякий случай себя страхуют. Скажите мне, — могу ли я ценить таких людей? Сегодня они продают Краснова, а завтра меня». Казалось бы, эти его слова как нельзя лучше подходили к оценке Доманова и Ген. К. Слова забыть, конечно, допустимо, но убеждение, как таковое, остается навсегда.

Вероятно, оба указанные факта — постановление «съезда» и челобитная Доманова — понравились Ген. Власову и он стремится чем то вознаградить инициаторов. Доманова он утвердил в должности Походного Атамана казачьей группы в Италии, а Ген. К. назначил командиром 15-го казачьего корпуса.

Последнее, т. е. назначение Ген. К., я беру из документа[18],

фабрикации самого автора — названного генерала.

В документе говорится: «В начале Апреля 1945 г. Ген. — майор К., вызывается к Главнокомандующему Вооруженными силами народов России Ген. Власову и назначается командиром 15-го казачьего корпуса.» В расшифрованном виде следует читать: «Имея в кармане постановление «съезда» полк. К., без вызова, по собственной инициативе, спешит к Ген. Власову».

Решив устранить Краснова, Власов не учел еще, что казачьи группы, были созданы, организованы и все время находились под непосредственным руководством Ген. Краснова, авторитет которого среди казачества никем не оспаривался. В таком случае, мог возникнуть вопрос: пошло бы казачество за новыми вождями, при условии, что служба, как в Р.О.А., так и в казачестве, была добровольная.

Наконец, Ген. Власов упустил из вида одно важное обстоятельство, а именно, что немецкое командование, не только верило и глубоко уважало Ген. Краснова, но и считалось с ним. Фактически так и случилось. Когда Доманов предъявил Краснову приказ Ген. Власова о расформировании Глав. Управ. Каз. Войск, то Ген. Краснов не признал его. Он заявил, что юридически Ген. Власов не имеет на это никакого права. По этому вопросу он решил запросить указаний командующего немецкой армией в районе Триеста Ген. Глобочника, которому в оперативном отношении подчинялась и казачья группа Доманова. Ответ Ген. Глобочника гласил, что он не считает себя компетентным решить этот вопрос сам, а потому запрашивает высшую инстанцию, но до получения ответа все должно оставаться по старому. Однако, как и надо было предвидеть, вместо ответа, пришла капитуляция Германии.

Между тем, в акте Ген. Власова была одна положительная сторона. Благодаря ему, П. Н. Краснов, убедился в лицемерии и двуличии Доманова, как я уже говорил, абсолютно всем ему обязанного и так легко его предавшего.

На Ген. Краснова все эти события отразились очень тяжело. Правда, наружно он держался спокойно, не показывая и ничем не выдавая своих душевных переживаний.

Трещина в его отношениях с Домановым обратилась в пропасть, исключая конечно, всякую возможность нормальных взаимоотношений.

Предпринять открыто что либо против Краснова Доманов не рисковал. Зато исподтишка, где только мог, он делал ему разные неприятности. Он, например, перестал посещать его. Под видом необходимости отсылки казаков на фронт, он отобрал у Ген. Краснова конвойный взвод его личной охраны. Под всякими

благовидными предлогами сокращал число продовольственных пайков, полагавшихся на чинов Гл. Управ. Каз. Войск, урезывал перевозочные средства для них и вообще, всякими мелочами, старался подчеркнуть свою независимость.

Именно тогда, когда как Представитель Ген. Власова, играл главную роль Полк. Б.

Однажды Доманов случайно встретил меня на улице. Мы остановились и он в разговоре между прочим, сказал: «Я думаю, Иван Алексеевич, что Вы понимаете мое положение, что я не могу посещать теперь Ген. Краснова. Ведь сейчас же донесут и меня оклевещут в глазах Ген. Власова.» На это я ему ответил: «Это — Ваше дело. В свое время я ходил и к Власову и к Красному и не боялся никакой клеветы». Он начал доказывать разницу наших положений, но в этот момент подошел адъютант и доложил ему, что его срочно просят в штаб. Наш разговор прервался, чему я был очень рад.

В эти дни в Толмецо приехал Ген. К. Он остановился в той же гостинице, где я жил и мы встретились. Его я видел впервые. Произвел он на меня впечатление русского мужичка, одетого лишь в генеральскую форму, но мужика чрезвычайно хитрого, как говорят, себе на уме; прежде всего и во всем ищущего себе личную выгоду. Под таким углом зрения и в такой призме, он оценивал и в его сознании преломлялись и все события.

Специфической его особенностью в разговоре, что отнюдь не повышало ни его военных дарований, ни его образования, была его привычка, после двух, трех фраз, обязательно употреблять гнуснейшую площадную брань. На мое замечание, что он находится в комнате, а не в конюшне, Ген. К. совершенно простодушно ответил, что он никак не может от этого отвыкнуть и… кончил свою фразу, все тою-же нецензурной бранью.

Я невольно сравнил его[19] с Полк. В., фактически окончившим в Советском Союзе Военную имени Фрунзе Академию и все плюсы были на стороне последнего. Он был действительно широко военно образован, тогда как Ген. К. далеко не производил такого впечатления. Он с оттенком хвастовства рассказал мне о Всеказачьем съезде фронтовиков в 15 казачьем корпусе, о постановлениях, вынесенных на нем, в том числе и требование о расформировании Главн. Упр. Каз. Войск.

Считая этот съезд уродливой пародией на таковой, а его резолюции от имени казачества незаконными, я высказал это Ген. Е. В заключение я сказал моему собеседнику, что устройство съезда была совершенно ненужная затея. Такие его постановления, как, например, выбор немца в Походные Атаманы или ликвидация Глав. Управ. Каз. Войск, а, значит и устранение

Ген. Краснова, я никак не могу оправдать. — «Для чего это сделано и кому нужно было так жестоко и незаслуженно обидеть старейшего, популярнейшего, пользующегося общей любовью и уважением Атамана Ген. П. Н. Краснова?» — спросил я.

— «Это можно легко исправить,» — самоуверенно ответил Ген. К. — «я пойду и переговорю с ним.» Такая самонадеянность меня буквально взорвала и я спросил: «А вы уверены, что он Вас примет?»

Мой этот вопрос не был простым любопытством. В этот день вечером, я доложил Петру Николаевичу о моем разговоре с Ген. К.

Он меня выслушал, а затем, дав крайне отрицательную аттестацию Ген. К., назвал его авантюристом, а меня упрекнул, что я теряю время на пустые с ним разговоры.

На другой день Ген. К. снова зашел ко мне, иначе он все время проводил у Доманова. Вечером он предполагал выехать из Толмецо, вместе с Полк. В., с целью попытаться пробраться в Загреб.

Очень характерен был ответ Ген. К. на мое ироническое замечание по поводу выбора Ген. Панвица в Походные Атаманы всех казачьих войск. Ген. К. сказал, что это можно поправить, лишь бы ему добраться до своей части, а там он легко свернет Панвица и себя сделает Походным Атаманом.

Вся остальная часть нашего разговора, была посвящена исключительно выяснению наиболее безопасного пути проникновения в Югославию до г. Загреба. Меня сильно поразило, что генерал с претензиями на популярность, чрезвычайно волновался в виду предстоящей поездки и расспрашивал каждую мелочь. Его крайне нервное состояние и страх давали основание предполагать, что он, вообще, дальше Виллаха или Клагенфурта не рискнет ехать. Больше я с Ген. К. не встречался. Но я слышал, что когда казаки 15-го корпуса силой отправлялись в Советский Союз, то названного генерала, конечно, при своей части не оказалось.

Общая военная обстановка сильно ухудшилась, что отразилось и на жизни в Толмецо. Носились слухи, что немецкие войска в Италии уже капитулируют. На улицах города можно было часто видеть братание немецких солдат с итальянцами. Не все было благополучно и на казачьем фронте. Одна или две сотни перешли на сторону партизан, а с казачьей дивизией Ген. Силкина была прервана связь и являлось опасение, что она целиком захвачена противником. Еще большее смятение в казачьи умы внесла воздушная бомбардировка партизанами Новочеркасской станицы, где оказалось убитыми, не считая

раненых, несколько десятков казаков. Казаки этой станицы противились возвращаться в свои дома и искали спасение в самочинном уходе через перевал в Германию(Австрия). Все это вместе взятое, создавало весьма тревожное, близкое к панике настроение.

Сказывались результаты политики Доманова в отношении мирного итальянского населения. Наиболее трусливый, но и наиболее блудливый элемент, бывший за свое поведение на учете итальянцев, боялся оставаться в Италии и, следуя примеру Новочеркассцев, одиночками и группами, иногда с женами и детьми, на подводах и пешком, стали устремляться на перевал, постепенно загружая единственную дорогу. Выставленные заставы имели крайне малый результат и самотек продолжался. Такая тревожная обстановка побудила высшее начальство Казачьего Стана Доманова оставить Италию и через перевал перейти в Австрию (Германия).

30-го Апреля Ген. Краснов, в сопровождении Семен Николаевича и нескольких офицеров Глав. Управ. Каз. Войск, переехал в д. Пиано, расположенную, примерно, на полпути между Толмецо и Австрийской границей. Мне, из-за отсутствия перевозочных средств, не удалось с ними уехать.

Утром в этот день я сказал Семену Николаевичу Краснову, что буду всячески стараться, чтобы к ним присоединиться. Оставаться в Толмецо и ждать развязки событий я считал неблагоразумным, а потому настойчиво занялся вопросом отыскания подводы. В этом мне ка-зал огромную услугу Полк. Х., начальник тыловой части группы Дома-нова. Он предложил мне воспользоваться автобусом, перевозившим тяжело раненых из Толмецо в другой госпиталь, лежавший ближе к перевалу. Было условлено, что доставив раненых в госпиталь, автобус должен был довести меня до д. Пиано.

Для характеристики нравов, распущенности и хаоса, царивших тогда в стане Доманова, приведу доклад одного начальника обоза, сделанный полковнику Х. в моем присутствии. Войдя к нему, он отрапортовал: «Господин Полковник, в Ваше распоряжение с 6-ю подводами транспорта № прибыл. Сегодня ночью 134 обозных, вместе с подводами, ушли самовольно в неизвестном направлении». По словам Полк. Х., случай бегства этих подводчиков не представлял особенного исключения.

Вечером 2-го Мая, взяв с собой Д-ра П. и инженера М., я покинул Толмецо и на следующий день, около 10 часов утра, прибыл в д. Пиано.

Поездка была неприятная и не совсем безопасная. Временами во всех направлениях слышалась ружейная и пулеметная

перестрелка. Несколько раз автобус становился целью для итальянских партизан, обычно занимавших гребни гор. Дорога была сильно запружена подводами, верховыми и пешими, каковые двигались в полном беспорядке. Ехать без огней было невозможно, а свет привлекал внимание партизан и вызывал со стороны идущих злобные окрики и угрозы разбить автобус.

Выгрузив, наконец, поздно ночью раненых, я поехал дальше. Но вскоре натолкнулся на немецкую заставу, каковая задержала автобус, заявив, что ночью ехать запрещено и надо ждать рассвета. Утром автобус продолжал путь и мы достигли д. Пиано, где быстро отыскали дом, в котором помещался П. Н. Краснов.

Первого я встретил Семена Николаевича. Он был необычайно рад прибытию автобуса, сказав, что это — их спасение. По его словам, они должны, во избежание неприятных последствий, покинуть Пиано и ехать через перевал в Австрию. Между тем, у них, кроме малого, совершенно негодного автомобиля и двух подвод, — ничего нет.

Вскоре, к общей радости, неожиданно появился грузовой автомобиль. Этот грузовик видимо сбился, су дороги, долго ехал за моим автобусом, потом исчез, а теперь появился снова. Он оказался принадлежащим казачьему стану и его также задержали.

Через час наша колонна была готова. Впереди шел автобус с чинами Главн. Управл. Каз. Войск, тянувший на канате автомобиль П. Н. Краснова, за нив двигался грузовик, а за ним две подводы. Перед автобусом ехали два верховых казака, с целью расчищать дорогу.

Мы уже усаживались в автобус, как вдруг в 50-ти шагах от пас, на маленьком мостике, появилась группа с ног до головы вооруженных партизан. Они направили на нас пулеметы. С. Н. Краснов с одним офицером, словно парламентеры, храбро направились к ним. К нашему счастью, это оказались итальянские партизаны — националисты и потому, после десятиминутных объяснений, они решили нас пропустить.

На большом нашем привале я подошел к Петру Николаевичу, сидевшему со своей супругой в маленьком автомобиле. Вид у него был крайне подавленный и очень усталый. Он безусловно безумно тяжело переживал крушение своих надежд. В такой момент было бы неуместным поднимать какие либо вопросы, которые могли бы его еще более расстроить. В виду этого, наш разговор носил совершенно безобидный характер, не затрагивая главных событий. Вся дорога перед нами была буквально забита пестрой толпой, стихийно спешившей на перевал. Мужчины, женщины и дети, пешие и конные, подводы и ручные тележки, лошади, коровы и овцы, все это, беспорядочно перемешанное,

словно большой человеческий муравейник, торопилось вперед. Подъем был тяжелый, покрытый густой, липкой грязью. Временами срывался снег, с сильными порывами холодного ветра. Мне это напоминало движение большого цыганского табора, вынужденного по каким то обстоятельствам бросить насиженное место и искать себе спасение в неизвестности.

Миновав разные препятствия, мы перешли перевал и вечером 3-го Мая достигли село Кетчах, лежавшее уже на территории Германии (Австрии). Здесь, по указанию немецкого коменданта, нам отвели небольшой гастхауз. Две свободные в нем комнаты в первом этаже заняли Ген. Краснов, Д-р Х. и Семен Николаевич. Все остальные, в числе около 30 человек, мужчины, женщины и дети, разместились в партере, в одной большой комнате, где, кроме столов и скамеек, никакой другой мебели не было. Сильно промерзшие, голодные и очень утомленные продолжительной ездой, мы немедленно завалились спать, использовав, вместо кроватей, скамьи, столы и пол.

Вся местность вокруг Кетчиха ночью освещалась кострами. То казачьи станицы, двигаясь в долину Дравы, делали ночной привал.

Вопрос с продовольствием людей и особенно с фуражем, стоял очень остро. Местные запасы, как я слышал, далеко были недостаточны, чтобы прокормить внезапно нахлынувшую казачью массу, а обозы с продовольствием где-то затерялись. Больнее и острее всего это почувствовало на себе мирное население. Но противодействовать насилию и установить порядок не было достаточно сил. Немецкий гарнизон оказался крайне малочисленным, казачьи полки где-то шли, а буянили станицы, будучи частично вооруженными.

Так прошло два дня. Мы были словно отрезаны от всего мира, не зная, что происходит вокруг нас. По слухам и, судя по растерянности немцев, можно было предполагать, что Германия уже капитулировала, но сказать это утвердительно никто не мог.

П. Н. Краснов все это время чувствовал себя плохо и не выходил из комнаты, а Семен Николаевич знал столько же, как и все остальные.

На третий день прибыл Доманов с несколькими чинами штаба и многочисленной свитой адъютантов, а с ним и Полк. В. Их прибытие до такой степени уплотнило нашу комнату, что занять место для спанья на полу, не говоря уже о лавке, считалось роскошью и расценивалось, как главный выигрыш в лотерею. За то вопрос продовольствия немного улучшился. Этому отчасти способствовал Полк. Б. Встретив какую-то небольшую немецкую команду, охранявшую продовольственный пункт, он ее

разоружил, отобрал продукты и доставил их в штаб Дома нова. Ген. Краснов, узнав об этом, был глубоко возмущен и горячо осуждал действия Полк. В.

Не помню точно, 7-го или 8-го Мая, часов около 11 утра, когда я был на дворе, возле здания кто-то крикнул: «Смотрите, смотрите, английские танки.» В самом деле: между казачьими подводами, мирно их обгоняя, во двор въехало две малых английских танкетки. Из них вышли английские офицеры и кое-как. дали понять, что они желают видеть старшего начальника. В этот момент появился Доманов и все пошли в здание, в отдельную комнату. Такова была первая встреча стана Доманова с союзниками. Ни радости, ни восторга, а в одинаковой степени, ни удивления, ни неприязни или огорчения, никто не проявил. Такое безразличие, мне кажется, надо приписать тому, что все были убеждены, что именно так, а не иначе, это должно было случиться. Имело значение и то важное обстоятельство, что казаки, как раньше, так и теперь, в союзниках отнюдь не видели своего противника. Потому то появление их, в сущности, и не произвело особенного впечатления.

Казаки, обступив танкетки, с любопытством осматривали их. Они тыкали пальцами в гусеницы и делали свои своеобразные примечания. Шофера — англичане равнодушно, но свысока, смотрели па них и снисходительно угощали английскими папиросами, каковые тогда были большим лакомством. Никакого «пленения» казачьей группы или ее «сдачи» англичанам, о чем уже появились заметки на страницах русской печати, не было.

Я прошел к Петру Николаевичу и спросил его, видел ли он уже англичан. — Весьма спокойно он ответил утвердительно, добавив, «что ему еще неизвестна цель их приезда. Немного позднее, мы узнали, что английские офицеры интересовались численным составом казачьей группы и количеством лошадей. Видимо было намерение организовать снабжение довольствием и фуражом и тем самым предотвратить возможность дальнейших грабежей на этой почве. Англичане потребовали списочный состав всего стана Доманова и указали, чтобы казаки, не задерживаясь здесь, продолжали следовать дальше в район Лиенца.

С этого дня посещение английскими офицерами штаба Доманова участилось. Иногда они приезжали и по два раза в день. Я жил уже на частной квартире, но почти целый день проводил в штабе, интересуясь здесь новостями.

Два раза я был свидетелем, когда приехавшие английские офицеры[20], коверкая фамилию Краснова, спрашивали на ломанном русском языке: «Где Атаман Краснов?» Однако,

услужливые адъютанты и переводчики Доманова делали недоумевающие лица и отвечали, что здесь есть только Атаман Доманов. Последний, уже оповещенный, торопился на зов, представлялся им и, затем, все шли для ведения переговоров в отдельную комнату. Возмущенный этим, я спешил слышанное мною передать С. Н. Краснову. Но сразу отыскать я его не мог, а когда находил, то было уже поздно. Кроме того, английским языком он не владел, а переводчики держали сторону Доманова.

Конечно, это становилось известным П. Н. Краснову. Но он, как я заметил, это сообщение не принимал близко к сердцу, хотя и осуждал такие поступки Доманова. В это время отношения между ним и Домановым были для меня далеко неясными. Они, как мне представлялось, приняли довольно странную и ненормальную форму, как следствие известного приказа Ген. Власова. Я не видел, чтобы Доманов посещал Петра Николаевича и разговаривал с ним, хотя они жили в одном этаже, не говоря уже о каких либо служебных докладах. Сам Петр Николаевич, в беседах со мной на эту тему не говорил, даже имени Доманова, вообще, не упоминал. Небольшой контакт с последним, скорее полуофициальный, поддерживал Семен Николаевич, временами разговаривая с Домановым.

При оценке этих взаимоотношений надо принимать во внимание, что если отпал такой важный фактор, как немцы, благодаря которым приказ Ген. Власова об устранении Ген. Краснова был поставлен под знак вопроса, то теперь сам собою устранился и второй фактор, т. е. Ген. Власов. Им на смену появился третий — англичане. Они поддерживали контакт только с Домановым, что он сам весьма ревниво охранял. Они вели с ним переговоры, ему давали нужные указания и тем самым, как бы, признавали его главным лицом в казачьей группе. Все это постепенно способствовало занятию Домановым, всеми правдами и неправдами, положения, совершенно независимого ни от Краснова, ни от Власова.

Вспоминаю, как однажды Петр Николаевич сказал мне, что хотел бы послать письмо командующему английской армией Ген. Александер, но не может найти верный путь, чтобы оно дошло по назначению. Написал ли он такое письмо и послал ли его и когда, я не знаю.

Согласно указанию англичан, штаб Доманова должен был переехать в Лиенц. Казачьи части и станицы надлежало разместить, как в городе, так и в ближайших его окрестностях. Накануне отъезда Доманова я встретился с ним и мы долго разговаривали. Он был в веселом настроении и полон радужных надежд на будущее. Доманов спросил меня, что я предполагаю

делать. Я ответил, что пока остаюсь, в Кетчихе, где уже нашел себе комнату, а что будет дальше, знает один Господь Бог. Из дальнейшего с ним разговора я понял, что он, почти убежден, что казаки будут англичанами использованы для несения военной службы и, в смысле довольствия, приравнены к ним. Ни его несбыточные, с моей точки зрения, надежды, ни его доводы, не могли изменить мое крайне пессимистическое настроение;и я ему сказал: «Не сердитесь, Тимофей Ивнович, но на Вашем месте я бы отбросил эти иллюзии и поступил так: в особой докладной записке предложил бы английскому командованию полное разоружение полков и станиц, а также снятие военной формы и, во всяком случае, всех знаков воинского отличия. Затем, в виду огромной потребности в рабочей силе, для восстановления железных дорог и других объектов, доказал бы необходимость сформирования из казаков, под командой бывших офицеров, рабочие команды, с придачей каждой небольшого обоза и предложил бы англичанам использовать таковые по всей Австрии, как простую рабочую силу.»

— «Что Вы, что Вы, Господь с Вами,» — почти закричал он и замахал на меня руками. «Через две, три недели мы все будем на английской службе,» — добавил он. Я видел, что дальше убеждать его было бесполезно. Он страстно желал, во чтобы то ни стало, сохранить форму и был уверен, что казаки устроятся на военную службу.

Между тем, в это время, ежедневно в полдень, советское радио сообщало, примерно, следующее: «Еще до сего времени в юго-западной части Германии находятся вооруженные до зубов казачьи банды, каковые, по неизвестным нам причинам, вопреки обещания, до сих пор не разоружены и не подверглись заслуженной каре, как бандиты.» Такие радио-сообщения, на мой взгляд, не сулили ничего доброго и они, конечно, были известны и Доманову.

Ген. Краснов решил тоже переехать в Лиенц. Перед отъездом я зашел к нему попрощаться. К сожалению, он был занят упаковкой вещей и весь наш разговор продолжался не более четверти часа. Я осведомился у Петра Николаевича об его планах на будущее. Он ответил, что сейчас его главное желание, если обстоятельства позволят, — найти себе угол, где бы он мог спокойно отдаться своему любимому занятию. — «Ведь Вы знаете Иван Алексеевич, что у меня накопилось уйма материалов, хватит писать на 10 лет, лишь бы было время,» — сказал он. Интересовался он и моей судьбой. Я ответил, что сейчас стою на распутьи, не зная, что делать, что предпринять и пока решил остаться в Кетчихе. На всякий случай Петр Николаевич записал

мой адрес. Ни о будущей судьбе казачьего стана, ни о Доманове, он ничего мне не говорил. Избегал и я спрашивать его об этом, не желая лишний раз тревожить и бередить больные раны. Прощаясь с Ген. Красновым и искренне желая ему полного благополучия, я никогда не думал, что это будет последний мой разговор с ним. Однако, это фактически так было. Только еще один раз я издали видел Петра Николаевича.

Ген. Краснов оставил Кетчах днем, а вечером снялся и штаб Доманова.

В Кетчихе стало еще более тоскливо. Здесь осталось около 70 человек, переодетых почти все в штатское платье. Вскоре русскую речь сменила английская. Прибыло много английских частей, расположившихся здесь бивуаком. Как обычно, началась мена и торговля английскими папиросами, шоколадом и другими вещами, не виденными в Австрии уже несколько лет.

Наступила скучная, монотонная, но полная тревог за будущее, жизнь.

Для въезда в Лиенц уже требовалось специальное английское разрешение. Находились смельчаки, которые под всякими предлогами умудрялись получать таковое и ездили туда. Они рассказывали о казачьей жизни в Лиенце, о порядках там и эти рассказы, пройдя несколько лиц, временами, быть может, в искаженном виде, доходили до меня. На основании их у меня создавалось приблизительное представление о жизни казачьего стана Доманова. Передавали, будто бы казаки разоружены, станицы — полностью, а в полках оставлено оружие для несения караульной службы. Рассказывали также, что всюду на дорогах находятся вооруженные казачьи посты, а в Лиенце, перед главным английским штабом, рядом с английским часовым, стоит и казак в форме и, наконец, что все офицеры носят револьверы. Казачьи полки, по их рассказам, располагаются, каждый в отдельности, вне поселков, в палатках. Они производят учение, но без оружия. Что касается «станиц», то они расположились в лагере Пеггец. Особенно подчеркивали все очень хорошее продовольствие, полагавшееся казакам. Должен отметить, что позднее, уже из компетентных источников, я узнал, что все это действительно соответствовало фактическому положению в Лиенце.

В двадцатых числах Мая в Кетчах прибыл из Лиенца Полк. Б. [21] Он оповестил всех русских, что согласно приказанию Доманова, все они, в кратчайший срок, должны переехать в Лиенц. Чем вызывалось такое распоряжение он объяснить не мог.

Названный полковник посетил и меня. Передав мне привет Доманова, он сказал, что в отношении меня Атаман Доманов делает исключение, предоставляя мне свободный выбор: остаться

или приехать[22]. Зная Доманова и опасаясь каких либо неприятных последствий, если я останусь, я счел за лучшее переселиться, но просил полковника обеспечить мне для жилья частную комнату. Он обещал, сказав, что это легко может устроить. Мы условились, что 26-го мая для переезда в Лиенц будут высланы грузовые машины. Несколькими днями раньше, я получил письмо от ген. П. Н. Краснова, в котором он советовал мне переехать в Лиенц говоря, что там я легко могу найти себе службу в качестве переводчика при сношениях казаков с немецким населением.

Действительно, в назначенный день утром пришел автомобиль и я с инженером М. поехал в Лиенц. На дороге Кегчах-Лиенц[23] мы встретили несколько английских застав. Они проверяли паши документы, но благодаря наличию у шофера специального для нас пропуска, нас нигде не задержали. Не доезжая километров 12–14 до Лиенца, я видел издали, по обеим сторонам дороги, бивуаки казачьих полков, а на дороге стояли вооруженные казачьи посты.

Мы подъехали к штабу Доманова и я пошел разыскивать Полк. Б. Но к моему огорчению его в тот день не оказалось в Лиенце. Ехать в лагерь Пеггец, как то сделали остальные, приехавшие из Кетчеха[24] я не хотел. С этим вопросом мне пришлось обратиться к начальнику штаба Дома нога Ген. Соломахину, которого я лично знал. Я ооъяснил ему положение, в котором я очутился и просил его помочь мне. При этом я категорически заявил, что в лагерь не поеду и что я приехал сюда, будучи в полной уверенности, что получу обещанную мне частную комнату.

В конечном итоге начальник штаба решил приютить меня в штабном бараке, рядом со штабом, но только на один, два дня, пока возвратится Полк. Б. и укажет мне частную квартиру. Не прошло и часа, как мне была отведена небольшая комната, в которой я поместился с инженером М.

Этот барак занимали офицеры штаба Доманова, а отчасти и бывшие чины Глав. Управ. Каз. Войск с их семьями.

Прежде всего я решил отправиться к Доманову и доложить ему о своем прибытии в его район. Я признавал необходимым это сделать немедленно, дабы не навлечь на себя с его стороны возможных нареканий. Но выполнить это оказалось не так легко. После долгих поисков, я нашел его канцелярию, но увидел, что его ожидают с докладами человек 10–12.

Вслед за мной пришел крайне взволнованный директор «Казачьего банка», которого я встречал еще в Толмецо. Он заявил, что он должен идти с докладом вне очереди, по чрезвычайно

важному и срочному вопросу. Отведя его в дальний угол комнаты, я спросил его о причине такого его нервного состояния. Он рассказал мне следующее: Не больше получаса тому назад, к «Казачьему банку» подъехал английский грузовик с 4-мя солдатами и одним сержантом и, ссылаясь на распоряжение своего начальства, взяли от него ключи от кассы, заперли ее, а затем, погрузив на грузовик, куда-то увезли. Его протесты и заявление, что это не есть казенные деньги, а частные — казачьи сбережения, никакого впечатления на них не произвели. Они смеялись и, как он мог понять, говорили, что деньги казакам не нужны. Больше всего его мучила мысль, как его доклад примет Доманов. Он опасался, что последний поставит ему в упрек, почему он не вызвал Казачий караул или не принял каких либо иных мер, чтобы спасти кассу. Хотя этому факту я и придавал весьма важное значение, однако, должен сознаться, что будучи в Лиенце новым человеком, я никак не мог найти нужное и правильное ему объяснение. Но через день, т. е. 28-го Мая, когда офицеры были вызваны на «сообщение» английского генерала, а в действительности, увезены в Шпиталь, в лагерь, обнесенный колючей проволокой и тщательно охраняемый большим караулом, с установленными повсюду пулеметами, — можно было найти соответствующее обоснование. Надо признать, что это являлось одним из звеньев строго продуманной подготовки выполнения Ялтинского соглашения. Здесь было принято во внимание, что на «сообщение» вход «бесплатный» и на казенный же счет будет произведена доставка несчастных жертв до Шпиталя и дальше в советскую зону. В этом случае, деньги им, конечно, были не нужны. В силу таких соображений было очевидно решено, своевременно отобрать собственные казачьи сбережения, дабы они не сделались случайной добычей австрийцев, как показали факты, весьма падких до чужого добра.

По словам директора банка в кассе находилось около 6 миллионов немецких марок и столько же миллионов итальянских лир, что в данное время составило бы ценность свыше 200 000 долларов. Я учитывал, что доклад директора банка займет много времени, а главное, сильно расстроит Доманова, а потому решил явиться к нему на следующий день. Отправившись осматривать город, я несколько позднее увидел Доманова на улице и представился ему. Встретил он меня сухо, говорил рассеянно и я заметил, что он был чем-то озабочен и взволнован.

В этот же день я узнал еще одну, очень печальную новость, оставившую на мне необычайно тяжелый осадок. Мне рассказали, что часов около 3-х дня в гостиницу, где жил Ген. Шкуро, приехавший тремя днями раньше в Лиенц, прибыл английский

офицер. Он предложил Ген. Шкуро, а также бывшим с ним трем офицерам его штаба, собрать их вещи и поехать с ним туда, где теперь будет находиться его штаб. В этот момент у Ген. Шкуро случайно был Майор Г. Благодаря знанию английского языка, он очутился в роли невольного переводчика. По его словам, английский офицер не хотел сказать или действительно не знал, чем вызывается распоряжение о переводе Ген. Шкуро в «другое место». Достойно внимания, что только сам Ген. Шкуро угадал или предчувствовал истинный смысл этого предложения. Прощаясь с Майором Г., Ген. Шкуро заплакал и сказал: «Я чувствую, что меня выдадут советам.» Однако, никто из присутствующих не разделял мнение Ген. Шкуро. Все считали, что при таком дружеском и корректном отношении англичан к казакам, смешно предполагать, что либо подобное. Такова была точка зрения и С. Н. Краснова, которому Майор Г. подробно рассказал случай с Ген. Шкуро. Семен — Николаевич категорически утверждал и не допускал и мысли о возможности какой то выдаче советам, ибо отношение англичан к казакам столь прекрасное, что лучше и желать нельзя. Но, как известно, в своем предчувствии Ген. Шкуро не ошибся.

Когда казачьи офицеры были привезены в лагерь Шпиталь, то там уже находился Ген. Шкуро. Он был в крайне подавленном состоянии духа, в ожидании своей страшной участи.

Эти новости глубоко меня потрясли и я вернулся в барак совершенно расстроенным, крайне сожалея, что я был столь неосмотрителен и приехал в Лиенц. Здесь, до глубокой ночи, я беседовал с Семен Николаевичем[25] и офицерами бывшего Гл. Управ. Каз Войск. Я надеялся, что они помогут мне разобраться в обстановке и дадут обоснованное объяснение только что имевшим место фактам. Но, скажу откровенно, мои расчеты не оправдались. Таким фактам, как отобрание англичанами казачьей денежной кассы или насильственному водворению куда то Ген. Шкуро, они серьезного значения не придавали, считая это возможным недоразумением и преувеличенным страхом Ген. Шкуро. Все они, как мне казалось, были довольны настоящим положением. Они хвалили английское продовольствие и ценили отношение англичан. Озабочивала их только неизвестность их дальнейшей судьбы. Касаясь Доманова, они не особенно лестно о нем говорили, жалуясь, что он по прежнему враждебно относится к бывшим чинам Глав. Управ. Каз. Войск. Он выселяет их из штабного барака и пользуется каждым случаем, чтобы уменьшить им число продовольственных пайков.

Из всего того, как они рисовали мне жизнь в Лиенце, у меня сложилось представление, что казачий стан уже приспособился к

новым условиям жизни и что его положение мало изменилось. Переменились только хозяева: раньше были немцы, теперь стали англичане. Была разница в том, что боевые казачьи части прежде вели борьбу с партизанами, а сейчас они производили занятия мирного времени, но, правда, без оружия. В остальном все как будто бы, оставалось по прежнему. Существовал, как и раньше, штаб Доманова, но в уменьшенном виде, без оперативного отделения. Если прежде с вопросами продовольствия, обмундирования, расквартирования, снабжения бензином и другими требованиями обращались к немцам, то теперь все бумаги о нуждах казачьего стана направлялись по адресу английского Майора Девис, коменданта г. Лиенца. С внешней стороны такое суждение быть может и правильно, но с внутренней, психологической, конечно, нет. Раньше все жили глубокой верой, что, если военное счастье повернет на сторону Германии или она заключит сепаратный мир с Западными союзниками, то, в результате — свержение коммунистической власти неминуемо и, значит, все смогут вернуться на Родину. Теперь это отпало. Теперь каждого неотступно преследовал и терзал назойливый и неразрешимый вопрос: что же дальше будет с нами?

Весьма важно привести еще одну интересную и очень характерную деталь. Многие офицеры, в том числе и С. Н. Краснов, желая подчеркнуть доброжелательное отношение англичан, ссылались на новое их распоряжение, в силу которого, с завтрашнего дня, т. е. с 27 Мая, все казаки перечисляются на усиленное довольствие и будут получать полный английский паек.

Действительно, утром следующего дня, будучи гостем коменданта штаба Майора П., я получил весьма обильный за&трак, каковой, в сущности, был достаточен почти на два дня. Но радость получения усиленного продовольственного пайка продолжалась недолго. Уже около 10 часов, утра она была омрачена английским распоряжением. Всем офицерам без исключения, было приказано немедленно сдать оставленное им ранее оружие, т. е. револьверы. Эта весть молниеносно разнеслась по казачьему стану. Начались своеобразные толкования, предположения и догадки.

Невозможно передать, как каждый, с кем мне пришлось говорить по этому поводу, по своему объяснял это распоряжение. Скажу лишь, что только одиночки, как редкое исключение, если еще и не угадывали истинную причину отобрания оружия, то скорее инстинктивно чувствовали, что за ним кроется что-то таинственное, не предвещающее ничего доброго. Возможно, что

известную роль в усыплении подозрительности офицеров, сыграло распоряжение об увеличении продовольственного пайка и, тем самым, облегчило, англичанам выполнение их коварного замысла. Целый день эта тема горячо обсуждалась. Но мне не пришлось слышать, чтобы кто-нибудь высказал предположение, каковое отвечало бы действительной цели этого распоряжения.

Значительную часть дня я провел в поисках комнаты, почему мой визит П. Н. Краснову отложил на завтра.

28 Мая был дивный, теплый солнечный день. Около 10 часов утра я вышел на двор и сел на каменный забор у дороги, проходившей непосредственно у барака. Дорога поднималась в гору. Издали я увидел спускавшегося по ней С. Н. Краснова. Одновременно, с другой стороны, поднимался в гору какой-то офицер. Около меня они встретились. Офицер, видимо, один из адъютантов Доманова, приложив руку к козырьку, сказал Ген. С. Н. Краснову: «Г-н генерал, Атаман приказал передать Вам, чтобы Вы в час дня были на площади перед штабом. Все офицеры должны ехать на «сообщение» английского генерала[26]. На это Семен Николаевич спросил: «А Генералу Краснову это известно?» — «Так точно, Г-н генерал», — ответил офицер. «К Ген. Краснову послан специальный курьер.»[27]

Семен Николаевич остался со мной, а офицер пошел к бараку. Мне было видно, как он останавливал офицеров и каждому что-то говорил. Вне сомнения, он передавал распоряжение о сборе всех на площади, откуда должны будут отправиться на «сообщение».

Из разговора с Семен Николаевичем я выяснил, что для него самого это распоряжений является полной неожиданностью и он не имеет никакого понятия, на какую тему будет с ними говорить английский генерал. В дальнейшем разговоре со мной он высказал предположение, что, быть может, всему казачьему стану будет предложено перейти на службу в оккупационные войска или же отправиться в английские колонии. В его голосе чувствовалась и надежда и даже некоторая уверенность. У него не было ни малейшего подозрения, что за этим кроется что-то совершенно иное. Тем более я, будучи еще далек от жизни казачьего стана в Лиенце, не мог сомневаться и видеть в вызове на «сообщение» какой-нибудь скрытый смысл.

Только коменданта Майора П. это распоряжение сильно встревожило. Он сказал мне: «Я боюсь, Ваше Превосходительство, не есть ли это какая либо ловушка?» но и он не мог догадаться в чем именно она могла состоять. Сопоставляя вчерашнее отобрание оружия и сегодняшнее приглашение на «сообщение», он бессознательно чувствовал, что оба эти факта между собой

тесно связаны и за ними что-то кроется. Позднее я узнал, что он, как комендант штаба, уклонился от поездки на «сообщение». Под влиянием своего предчувствия, он, после отъезда офицеров, пошел домой на частную квартиру, с целью переодеться в штатский костюм и немедленно покинуть Лиенц. Но он не успел осуществить свое намерение. Как раз в тот момент к его дому подъехал военный автомобиль. Английский офицер, в сопровождении вооруженных солдат, вошел в комнату и сказал: «Вы, майор П., обязаны сейчас со мной ехать.» Точно таким способом были дополнительно увезены на «сообщение» и все остальные офицеры, которые, в силу своих служебных обязанностей, оставались тогда еще в Лиенце. Майор П. отбыв 10 лет на советской каторге, в 1956 году получил разрешение возвратиться в Германию. Из английских рук ускользнули и, значит, спасли свою жизнь, лишь отдельные смельчаки, преимущественно молодые офицеры. Они, вместо явки на сборный пункт для поездки на «сообщение», сразу же ушли в горы. Одни из них руководились соображениями, что все офицеры будут посажены в штрафной лагерь за колючую проволоку, другие — предполагали даже отправку в Советский Союз.

Около 12 с половиной часов дня, когда я находился у себя в комнате и разговаривал с инженером М., внезапно, без стука, открылась дверь и вошедшая супруга Полковника Н. Н. Краснова[28] обратись ко мне, сказала: «Иван Алексеевич, Вы тоже должны ехать» и затем моментально скрылась. Совершенно безотчетно, скорее машинально, я поднялся и, не успев ее спросить[29] — кто отдал такое распоряжение и почему именно я должен ехать, я обратился к инженеру М. и сказал: «Ну что ж, поедемте Михаил Васильевич». На дороге к площади я встретил коменданта штаба Майора П. и спросил его: «Должен ли я ехать на сообщение?» Он ответил, «что по его мнению, я не имею права это делать, так как не состою на службе у Доманова, но что лучше по этому вопросу обратиться к начальнику штаба. Около штаба стоял помощник начальник штаба Полк. К… Я попросил его выяснить у начальника штаба, могу ли я ехать на сообщение. Он согласился это выполнить и через минуту, через открытое окно, я услышал голос начальника штаба: «Передайте Ген. Полякову, что он не имеет права ехать, ибо у нас не служит, в списках не числится и на довольствии не состоит». В этот момент на площади, между автомобилями, я издали увидел П. Н. Краснова, окруженного высшими чинами Штаба. Они рассаживались по автомобилямˆ

У меня мелькнула мысль подойти к нему и я был уверен, что

он пригласил бы меня с собой на сообщение. Но внутренний голос подсказал мне, что этим я могу обидеть начальника штаба, которого я спрашивал уже о поездке и получил отрицательный ответ[30]. Тогда я сказал своему спутнику инженеру М.: «В таком случае Михаил Васильевич пойдемте в деревню П. и окончательно договоримся о комнате».[31]

Через несколько минут колонна автомобилей тронулась из Лиенца. По пути к ней присоединялись офицеры казачьих полков, команд и других тыловых учреждений.

Впоследствии выяснилось, что по точному распоряжению английского командования, на сообщении должны были присутствовать только строевые офицеры штаба Доманова. Но Доманов, видимо от себя отдал приказ, что на сообщение должны ехать все офицеры и даже врачи и чиновники.

В результате такого распоряжения отправилось очень много, совершенно старых, дряхлых офицеров, числившихся в составе станиц, но вообще не принимавших никакого участия в военной службе. Конечно, они все также были выданы советам.

Уже смеркалось, когда я вернулся в барак. Заметно было, что все с нетерпением ждали с какими новостями приедут офицеры с «сообщения». Но время шло, а они не возвращались. В душу невольно закрадывалось и сомнение и даже страх за судьбу близких. С каждым часом росла напряженность ожидания. Немного позднее нервы уже не могли выдержать и из некоторых комнат, нарушая тишину барака, стали временами доноситься женские рыдания. Состояние было крайне подавленное, но все же еще теплилась надежда, что офицеры вернутся. Такая надежда зиждилась на словах коменданта города, английского Майора Девис, заверившего, что офицеры возвратятся домой через два, три часа и потому не должны с собой брать никаких вещей.

Поздно ночью в коридоре барака появились какие то подозрительные типы. Выключив предварительно электричество, они безнаказанно грабили пустые офицерские комнаты, взламывали замки и уносили вещи. Помешать им никто не мог, ибо большинство оставшихся были женщины и дети.

Почти всю ночь мы не спали. Рано утром, взяв наши вещи, я и инженер М., переселились на частную квартиру в деревню П., расположенную на окраине Лиенца.

К утру на всех перекрестках и мостах, а также на дорогах, ведущих в горы, уже стояли вооруженные английские заставы, тщательно проверявшие каждого встречного.

В 10 часов утра разнесся слух, якобы исходивший от английского Майора Девис[32], что никто из офицеров не вернется. Но одновременно утверждалось, что, будто бы, они

подлежат временной изоляции, при чем ни о какой отправке в Советский Союз не упоминалось. Наоборот, с целью ввести еще в большее заблуждение несчастных людей, названный Майор лицемерно объявил, что жены, матери и дети могут передать своим родным посылки, вещи и письма[33]. Как офицеру английской службы, несчастные, поверили этим словам. Вскоре было принесено такое количество пакетов, вещей и писем, что для перевозки всего понадобилось 3 грузовых машины. Конечно эти вещи никуда отправлены не были и что с ними сталось, никто не знал.

Почти в это время от офицеров, привезенных в Шпиталь[34] потребовали, чтобы они, сдав все золотые вещи, вплоть до обручальных колец, изъявили согласие на добровольную отправку в Советский Союз. Это предложение с негодованием было всеми единогласно и категорически отвергнуто. Именно тогда некоторые предпочли смерть возвращению в Советский Союз и здесь же, разными способами, покончили свою жизнь самоубийством.

В полдень ко мне неожиданно пришел Д-р К., что меня и обрадовало и удивило. Его я хорошо знал еще из Югославии. Бледный и взволнованный, он рассказал мне, что вчера он с офицерами отправился из Лиенца на «сообщение» английского генерала. Вместо этого их привезли в Шпиталь и поместили в лагерь, обнесенный в несколько рядов колючей проволокой и бдительно охраняемый англичанами. По прибытии туда, врачей, в количестве 15 человек, отделили от офицеров и заперли в отдельный барак. Вечером им принесли тюфяки и ужин, но к пище никто не прикоснулся. Сегодня утром к ним в барак пришел англичанин с переводчиком. Он отобрал четырех молодых врачей, заявив, что они остаются здесь и будут сопровождать офицерские эшелоны, но не сказал, куда именно. Всем остальным было приказано возвратиться в Лиенц, никуда не отлучаться и ждать отправки казачьих эшелонов, дабы в каждом эшелоне было бы по два врача. Когда их доставили в Лиенц и поместили в госпиталь, то выбрав удобный момент, он сбежал. По его словам тоже самое сделали и остальные врачи, ибо-они уверены, что предстоит отправка всех казаков в Советский Союз.

Сколько мог, я его успокоил и мы условились встречаться и: обмениваться сведениями, дабы быть в курсе того, что происходит в Лиенце, в казачьем стане.[35]

На другой день меня посетил Д-р Д., бывший начальник санитарной части у Доманова. Его вид был еще хуже, чем Д-ра К. Дело было в том, что он, не зная ни одного слова по немецки, сбежал и должен был скрываться. С большим трудом он нашел

себе приют, но очень опасался, как бы его не арестовали. Тем более, что англичане его разыскивали, как старшего врача. Через несколько месяцев обоим докторам удалось благополучно оставить Лиенц.

Вечером 29-го Мая, к лагерю Пеггец подъехало два английских автомобиля с громкоговорителями и объявили, что все должны готовиться добровольно на репатриацию в Советский Союз. Тоже самое было проделано и в местах стоянок казачьих полков, каковые были уже «обезглавлены», т. е. остались без офицерского состава и функции командиров сотен несли вахмистра. Свое оповещение англичане повторили 30 и 31 Мая.

Казаки везде единодушно и решительно ответили отказом на это предложение. В знак протеста они всюду вывесили черные флаги и объявили голодовку. Английские машины с провиантом, как обычно, подходили в определенные пункты и, так как приемщиков не было, они вываливали привезенное продовольствие на землю и уезжали. Но к продуктам никто не дотрагивался.

Утром 1-го Июня, казачье население лагеря Пеггец решило, быть может в последний раз, вознести свои молитвы Господу Богу.

С этой целью на лагерной площадке был сооружен алтарь, а около него собралась многотысячная толпа, главным образом, стариков, женщин и детей. Вокруг них, держа друг друга за руки составили, как бы охрану юнкера. На всех бараках развевались черные флаги.

Это зрелище представляло необычайно жуткую картину. Никакие человеческие нервы не могли выдержать видя, как многолюдная толпа, стоя на коленях, усердно молилась и навзрыд плакала.

Во время богослужения англичане с трех сторон оцепили район лагеря танкетками с солдатами, вооруженными автоматическим оружием. Четвертая сторона оставаясь свободной, там протекала глубокая и бурная река Драва, составляя естественную преграду. Рядом с танкетками появились грузовые машины, а недалеко от лагеря, на железно-дорожной линии, стоял, в ожидании своих жертв, длинный состав вагонов — теплушек.

Некоторое время англичане ждали, но видя, что люди продолжают молиться, они дали залп в воздух и затем бросились, словно в атаку, на беззащитную толпу.

Началось зверское, бесчеловечное избиение невинных людей. Били прикладами, палками, били резиновыми стеками. Поднялась неописуемая паника. Душераздирающие крики

огласили воздух и в этой невообразимой давке и свалке много людей, особенно детей, оказалось растоптанными. Все, кто мог, сопротивлялись отчаянно. Только потерявших сознание, часто с перебитыми конечностями, хватали и, словно бревна, швыряли в грузовые автомобили. Будучи уже в машине, часть из них приходила в сознание. Они выпрыгивали, их снова били и, в бесчувственном состоянии, опять бросали назад в автомобили. Особенно сильно боролись юнкера, которые не только защищали лично себя, но и делали все, что было в человеческих силах, дабы помочь старикам и женщинам избежать страшной участи: отправки в Советский Союз. Множество людей обреченных на отправку покончили в этот день самоубийством.

Это было страшное, небывалое еще в истории культурного человечества, избиение. Убийство, в 20 веке, вооруженными солдатами безоружных и беззащитных женщин, детей и стариков.

Едва ли найдется историк, который сможет найти какой-нибудь аргумент, оправдывающий применение таких бесчеловечных мер, в отношении мирной толпы и, к тому же еще, — во время богослужения.

Полумертвыми, окровавленными и ранеными кое-как заполнили вагоны и эшелон ушел. Точно также происходила отправка на «родину» и в других местах расположения казачьих полков.

По неизвестным мотивам, «начальство» решило дать передышку и следующий эшелон с очередными жертвами должен был отойти 3-го Июня. Этим обстоятельством воспользовались многие казаки и ушли в горы, чем избежали участи быть отправленными в Советский Союз.

Ночью продолжался второй акт этой трагедии. Начался беззастенчивый грабеж австрийским населением казачьего имущества.

Совершенно открыто, не встречая противодействия со стороны англичан, они, словно черные вороны, слетевшиеся на запах свежей крови, стали целыми подводами увозить к себе награбленное казачье добро.

С молчаливого попустительства англичан, грабили и обогащались те, кто еще вчера, действительно, был их противником и кто с оружием в руках боролся на стороне немцев, против англо — американцев. Трудно подыскать логическое обоснование или найти оправдание такому факту и едва ли он был предусмотрен каким либо параграфом Ялтинского соглашения.

Но доподлинно известно, (что впоследствии и подтвердилось), что принудительной репатриации, согласно

вышеуказанному соглашению, подлежали только советские подданные. Значит, старые эмигранты в это число не входили. Между тем, среди насильственно отправленных в Советский Союз, значительная часть, — особенно в офицерском составе, — были именно старые эмигранты.

Когда нибудь будущий историк даст свое беспристрастное суждение об этой жуткой трагедии казачества, разыгравшейся в долине Дравы 1-го Июня 1945 г. и скажет об ее участниках свое последнее и правдивое слово.

Памятник казакам, погибшим 1-го июня 1945 г., при принудительной выдачи их английскими войсками в Советский Союз.

Теперь Пеггец опустел. Лагеря уже давно нет. Много бараков снесено и на их местах остались лишь бетонные основания, с наваленными на них остатками камней и мусора. И лишь в одном углу, среди братских казачьих могил небольшого казачьего кладбища, возвышается монументальный памятник казакам, погибшим 1-го Июня 1945 г., построенный на средства, собранные среди казаков, рассеянных в Свободном мире. А на главной братской могиле стоит надпись: «Имена их Ты веси Господи».

Австрия — Лиенц
1946–1947 г.г.

notes

Примечания

1

А на самом деле, в это время Ген. Власов, сидел в одной вилле вблизи Берлина, окруженный караулом и очень сердился, что немцы не назначают его командующим Р.О.А. и не разрешают начать формирование 1-ой дивизии.

2

О ген. П. Х. Попове, который, как позже выяснилось, именовал себя Донским Атаманом, никто мне ничего не говорил и его имя вообще не упоминалось.

3

Его племянником.

4

Кажется 28-го декабря.

5

Ф. В. Шлиппе.

К сожалению, подлинный ее текст и ответ ему Ген. Власова, записанные тогда мною, случайно пропали.

7

Бывший офицер Советской армии.

8

Предназначенный начальником штаба Гл. Упр. Каз. Войск при Р.О.А.

Такое поручение красноречиво говорит, что высшие чины Главн. Управ. Каз. Войск, были далеко от. мысли неминуемой и очень близкой капитуляции Германии.

10

Его фамилию не могу вспомнить.

За это, например, был уволен командир бригады полк. В.

12

Всю мою переписку, в том числе и письма генералов Краснова и Трухина, мне пришлось уничтожить, опасаясь быть «дополнительно приглашенным» на «сообщение» Английского генерала. Я переселился в Лиенц случайно, накануне приглашения офицеров на «Сообщение». Хотя я не состоял на службе и не числился по спискам в стане Доманова, но обстановка была такова, что не исключались всякие неприятные неожиданности.

Такое предположение подтверждается словами самого А. А. Власова, сказанными им Донскому Атаману Ген. Татаркину в Мюнзингене, в Феврале месяце 1945 г., в присутствии Полк. С: «Я больше не могу ждать Петра Николаевича и решил призвать Вас возглавить казачий отдел при моем штабе» и, затем, добавил, что начальником штаба будет Полковник Карпов, а инспектором казачьих войск Ген. П.

14

Он жив и находится в Южной Америке.

15

Встреча генералов Краснова и Власова 7-го Января 1945 г.

16

Прежний полковник уже носил генеральские погоны.

17

О нем я уже упоминал, в связи, с письмом, полученным от него Ген. Татаркиным.

18

Краткая биографическая справка о Генерал-майоре К. И. Н. Только для участников Освободительной борьбы.

19

В краткой биографической справке Ген. К. пишет, что он окончил Военную имени Фрунзе Академию.

20

Майор и капитан.

Но не Представитель Ген. Власова, о котором я упоминал выше.

22

Я объясняю это только тем, что я никогда у него не служил, а потому он не мог мне и приказывать.

23

34 километра.

24

Через пять дней они почти все были силой отправлены в Советский Союз.

25

Он жил уже на частной квартире, но узнав, что я приехал, пришел навестить меня.

26

В русской печати появились сообщения, что офицеры были вызваны на «совещание» с английским генералом. Такое утверждение не соответствует истине. Прежде всего, всякое совещание обычно подразумевает участник, такового людей, примерно, одного ранга. Здесь же, с одной стороны фигурировал, якобы, английский генерал, с другой — свыше двух тысяч офицеров, почти все далеко ниже его рангом. Мало того, — как можно совещаться при наличии несколько тысяч человек? Офицеры приглашались на «сообщение» английского генерала, т. е. последний, желает им что то сообщить, что то передать, о чем то их информировать.

27

Ген. П. Н. жил в небольшой вилле в 4-х километрах от Лиенца.

Брат Ген. С. Н. Краснова.

29

Месяца через два, встретив эту даму, я спросил ее; почему она, в свое время, проявила интерес к моей судьбе, сказав, что я тоже должен ехать на сообщение. Добиться исчерпывающего ответа мне не удалось. Из ее слов я мог понять, что, если я был офицер в большом чине, то вне зависимости, находился ли я на службе у Доманова или нет, я должен был ехать. Против такой своеобразной логики трудно было что либо возразить.

30

Я не знал и никак не предполагал, что вижу П. Н. Краснова в последний раз. Будучи выдан англичанами в Советский Союз, он был там судим и 17 Января 1947 года казнен вместе с другими казачьими генералами.

31

Случай нашего чудесного спасения, так подействовал на Инж. М., что он оставил мирскую жизнь и вскоре принял сан священника, а теперь находится в Америке.

32

Комендант г. Лиенца.

33

На сообщение английского генерала поехало около 2 тысяч офицеров и военных чиновников.

Оттуда по моим сведениям чудом спаслось 5 человек.

35

Доктор К. жил на частной квартире.